

ТАРТУСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Interlinguistica Tartuensis

TARTU RIIKLIKU ÜLIKOOLI TOIMETISED
УЧЕННЫЕ ЗАПИСКИ
ТАРТУСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ACTA ET COMMENTATIONES UNIVERSITATIS TARTUENSIS
ALUSTATUD 1893.a. VIHK 671 ВЫПУСК ОСНОВАНЫ В 1893.g.

ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОЕ
СОСТОЯНИЕ
ИНТЕРЛИНГВИСТИКИ

INTERLINGUISTICA TARTUENSIS

3

ТАРТУ 1984

Редакционная коллегия:

П. Аристе, В.П. Григорьев, А.Д. Дуличенко,
С.Н. Кузнецов, М. Линнамяги, П. Нурмекунд,
С.В. Смирнов

Ответственный редактор А.Д. Дуличенко

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ИНТЕРЛИНГВИСТИКИ

ОБЗОР ВАЖНЕЙШИХ ИНТЕРЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИЗУЧЕНИЙ В СССР

А.Д. Дуличенко

В 1956 г. появилась первая послевоенная, специально интерлингвистическая работа "Международный вспомогательный язык как лингвистическая проблема", написанная для центрального советского лингвистического журнала "Вопросы языкознания" двумя крупными языковедами — Е.А. Бокаревым и О.С. Ахмановой. Однако, по справедливому замечанию В.П. Григорьева, вплоть до 60-х гг. "исследования в области интерлингвистики осуществлялись ... обычно где-то на периферии основных направлений науки о языке", притом в большинстве таких исследований лишь "указывалось на некоторые проблемы" [15,38; 13, 35]. Как бы то ни было, но притягательность интерлингвистической проблематики особенно остро начинает проявляться в нашей науке именно с 60-х гг., когда внимание исследователей привлекают структуральные методы изучения языка, когда формируются различные направления прикладной лингвистики, четче осознается связь языкознания с рядом новых научных дисциплин. В социально-политическом плане обращение к интерлингвистике диктовалось интенсивно расширяющимися контактами между государствами и народами мира, необходимостью поисков путей преодоления языковых барьеров. Опыт интерлингвистики в этом отношении оказывался во многом поучительным, хотя и до конца не оцененным.

За послевоенный период, начиная с 1946 и по 1982 г. включительно, в нашей стране было опубликовано более 400 работ, из которых половина посвящена различным вопросам общей интер-

лингвистики, остальные затрагивают проблематику частной интерлингвистики (в основном эсперантологию, несколько меньше - другие проекты международных искусственных языков). Если до 1956 г., т.е. времени появления упомянутой работы Е.А. Бокарева и О.С. Ахмановой, в год выходили буквально единицы интерлингвистических заметок и статей, то с 1956 г. число таких работ (в ежегодном исчислении) достигает в среднем десятка. С появлением в 1968 г. книги Э. Свадоста "Как возникнет всеобщий язык?" эта цифра ежегодно превышает иногда (значительно) 10, а с 1976 г., когда выходит первый послевоенный сборник "Проблемы интерлингвистики", и 20 названий (подробные данные в нашей книге "Советская интерлингвистика. Аннотированная библиография за 1946-1982 гг." Тарту, 1982).

Статистика эта показательна и позволяет надеяться на поступательное развитие отечественной интерлингвистики и вовлечение в круг исследователей ее проблематики все новых специалистов - прежде всего лингвистов, философов, социологов, психологов и др. В настоящем обзоре мы остановимся лишь на наиболее значительных исследованиях, вышедших из-под пера профессиональных лингвистов; интерлингвистическая проблематика в философских, социологических и проч. работах может стать темой специальной статьи.

+ + +
+

Примечательной особенностью послевоенной советской интерлингвистики является то, что она в значительной мере сохраняет и развивает лучшие дореволюционные и довоенные традиции. Весьма существенно, что мы имеем целую плеяду профессиональных лингвистов, которые проблематику международных вспомогательных искусственных языков ставили на один уровень с исследованием естественных (живых) языков, иными словами, делали международные вспомогательные языки полноценным объектом изучения. Так, до ре-

революции на этой позиции стоял выдающийся языковед И.А. Бодуэн де Куртенэ (срав. получившую широкий резонанс в международной лингвистике его полемику с немецкими младограмматиками К. Бругманом и А. Лескином), в довоенное время - известный советский африканист и крупнейший интерлингвист Н.В. Юшманов. После войны этого принципа придерживался крупный кавказовед, специалист по ряду микроязыков Дагестана (от 200 человек говорящих до нескольких тысяч) Е.А. Бокарев.

+ + +
+

В 50-60-е гг. Е.А. Бокарев был одним из немногих лингвистов, чьи выступления и публикации имели для судьбы нашей интерлингвистики неопределимое значение. К сожалению, Бокарев печатался мало, не успел он завершить и запланированный им незадолго до смерти большой труд по теоретическим основам интерлингвистики. Но и то, что оставил нам он, важно в методологическом и общетеоретическом отношении.

Упомянутая нами ранее статья "Международный вспомогательный язык как лингвистическая проблема" (совместно с О.С. Ахмановой) [5] была первой после войны попыткой показать теоретическое значение интерлингвистической проблематики для общего языкознания. Авторы подробно рассматривают полемику по вопросам международных искусственных языков, имевшую место в конце XIX в. между Х. Шухардтом и Г. Мейером, а в начале XX в. - между И.А. Бодуэном де Куртенэ, с одной стороны, и К. Бругманом и А. Лескином - с другой. Солидаризируясь в целом с позицией Шухардта и Бодуэна де Куртенэ особенно в вопросе о необходимости сделать международные искусственные языки полноценным объектом лингвистического исследования, Бокарев и Ахманова в то же время показали неприемлемость для марксистского языкознания ряда положений старой науки о языке, среди которых идея о разрешении языковой проблемы в результате борьбы крупных наций за мировое

господство (как считал Мейер), антисоциальный, по сути натуралистический, взгляд на язык, высказанный Бругманом и Лескином в пылу полемики, и др.

В современной лингвистике, пишут авторы, "оппозиция идее искусственного международного языка стала гораздо менее ощутимой", что дает реальные возможности теоретически оценить опыт практического использования проектов международных искусственных языков - "массового лингвистического эксперимента, длящегося несколько десятков лет". В теоретическом плане авторов привлекает проблема выделения, инвентаризации и классификации всех присущих человеческим языкам значений и созначений - очень важная для усовершенствования существующих международных вспомогательных языков проблема, но все еще остающаяся слабым звеном "общесемантических изысканий". Опираясь на идеи А. Мартине ("La linguistique et les langues artificielles", - in: *Word*, 1946, N 1), Бокарев и Ахманова считают объективно оправданными в лингвопроектировании (хотя и не всегда легко реализуемыми) принципы необходимости и достаточности, т.е. лексика и грамматические элементы должны покрывать все существенно необходимые семантические и грамматические сферы и в то же время не должны перекрывать их. Для апостериорного лингвопроектирования, признаваемого современным и перспективным, должны быть выработаны объективные критерии определения интернациональности лексики и в этой связи выделен "максимально интернациональный корнеслов", учитывающий также ситуацию в языках Востока, прежде всего в таких языках, как китайский, хинди. В словообразовательном плане натуралистические проекты (интерлингва, окциденталь-интерлингве и др.) пользуются готовыми производными словами, что является "отступлением перед трудностями последовательного научного изучения проблемы словообразования, попытку чисто эмпирического ее разрешения"; автономные же проекты (эсперанто, идо, новиаль и т.д.), напротив, обладают разработанной системой словообразования, что "сообщает этим

языкам большие словообразовательные возможности и вместе с тем делает их простыми и легкими для усвоения". Для лингвопроекта существенно, чтобы большинство входящих в него слов имели прозрачную структуру, т.е. "внутреннюю форму" и последовательное соответствие обозначаемого обозначаемому. Несмотря на неразработанность в интерлингвистике вопросов синтаксиса, "национально-языковая окраска" синтаксических построений в международных искусственных языках не представляется авторам серьезным препятствием для взаимопонимания. Авторы указывают на чрезвычайную важность строго научного подхода к определению фонемного состава и орфоэпического стандарта в международном языке.

Бокареву принадлежат первые у нас разработки по типологии международных искусственных языков (доклад на эту тему он сделал в 1956 г. на заседании секции общего и сравнительно-исторического языкознания в Институте языкознания АН СССР) и одна из первых попыток определить роль международных искусственных языков при создании языка-посредника для машинного перевода (доклад на конференции по проблемам машинного перевода в 1958 г.; см. тезисы: [11, 14]). Теоретическому обоснованию проблемы сознательного регулирования языка и языковых процессов посвящена статья Бокарева "Стихийное и сознательное в языке" [10, 10-15; см. также: 8, 7-10]. Сознательное обнаруживается уже в факте создания (и усвоения) литературного языка, который требует планомерного расширения словарного состава, в том числе и обращения к заимствованиям, определения орфоэпических и проч. норм. Степень сознательного, искусственного элемента в языках может быть различной, но четче всего она обнаруживается в лексическом фонде языка. В то же время, учитывая опыт языкового строительства 20-30-х гг. в СССР, Бокарев указывает, что "наша способность влиять на язык не безгранична": невозможно, например, устранить из языка элементы, имеющие категориальную сущность (скажем, родовые показатели и категорию рода существительных в русском и

др. языках и т.д.). Задача человеческого общества в будущем - "лучше управлять своим языковым хозяйством".

Бокарев последовательно отстаивал нашедшую достаточно глубокую разработку в 20-30-е гг. в трудах Э.К. Дрезена теорию о двух формах существования общего языка - международного вспомогательного и общечеловеческого языка будущего (см. нашу работу "Концепция международного и всеобщего языка Э.К. Дрезена. Фрагмент истории довоенной отечественной интерлингвистики", - в изд.: *Interlinguistica Tartuensis*, 2, Tartu, 1983, с. 89-121). Этому посвящена его работа "Современное состояние вопроса о международном вспомогательном языке" [9, 12-20], об этом же он говорил в своем докладе, прочитанном на заседании Президиума АН СССР в 1967 г. Актуальной Бокарев считал разработку теоретических вопросов международного вспомогательного языка, причем он был противником создания специального международного языка только для науки: "Международный язык науки не может быть резко отграничен от международного языка обычного общения". Разрешить проблему международного языка (в том числе и в науке) можно только международным соглашением на уровне Организации Объединенных Наций, ЮНЕСКО, специальных комиссий национальных Академий наук, для чего уже сейчас "необходимо возможно более широкое экспериментальное использование конкретной формы международного языка (например, эсперанто) для научных целей". Сам Бокарев придавал должное внимание и вопросам частной интерлингвистики: он известен как составитель двух крупных советских русско-эсперантского (1966; совместно с другими) и эсперанто-русского (1974) словарей, ряда специальных исследований структуры одного из международных языков - эсперанто и обобщающих работ по другим проектам международного вспомогательного языка (помещены в различных энциклопедических и справочных изданиях).

О.С. Ахманова неоднократно обращалась в дальнейшем к различным вопросам интерлингвистики. В сборнике Московского университета "О

точных методах исследования языка" (1961) она указала на значение опыта интерлингвистики для разработки вопросов языкового значения, поисков семантических универсалий и под. Ей же принадлежит первое словарное определение интерлингвистики, опирающееся на известные работы В.П. Григорьева. В "Словаре лингвистических терминов" (1966) интерлингвистика признается "разделом языкознания, изучающим разнообразные вопросы, связанные с созданием и функционированием различных вспомогательных языков — от международных языков типа эсперанто, интерлингва и т.п. до математических языков-посредников, информационно-логических языков и вспомогательных кодов для машинного перевода, информационных машин и т.п.". Позднее это понимание науки о международном языке было несколько скорректировано: интерлингвистика отнесена к семиотике, а технизированные знаковые объекты (вспомогательные коды машинного перевода и под.) были признаны также объектом "инженерной лингвистики". Существенно, что вновь было подчеркнуто, что интерлингвистика "имеет не только богатые традиции, но и занимает в эпоху научно-технической революции важное место в системе наук" [6, 24-25]. В докладе "Естественные языки и проблема создания вспомогательного языка науки в эпоху научно-технической революции", прочитанном на проводившейся АН СССР научной конференции "Научно-техническая революция и функционирование языков мира" (1974), Ахманова показала возможности и важность опыта интерлингвистического лингвопроектирования для создания своеобразного Basic Russian (или russe fondamental) для целей лингводидактики [4, 20-21].

В Эстонии интерлингвистикой плодотворно занимается акад. П. Аристе, известный специалист по общему и финно-угорскому языкознанию, знаток и исследователь языков мелких народностей Союза. В 1960 г. он опубликовал в таллинском журнале "Keel ja Kirjandus" большую статью "Kunstliku keele küsimus" ("К вопросу об искусственном языке") [3, 263-269], в которой рассмотрел проблему международного вспомогательного языка (эстон. rahvusvaheline abi-

keel) на широком интерлингвистическом фоне. Аристэ придерживается того понимания интерлингвистики, которое в наше время получило название плановой лингвистики. Для того чтобы международный искусственный язык успешно выполнял свои функции, он должен отвечать нескольким оптимальным требованиям: 1) его словарь (и грамматика) должен быть максимально интернациональным, 2) грамматическая система - стабильной и в то же время 3) способной к дальнейшему развитию, что предусматривает практическое использование такого языка. Аристэ считает заслуживающими особого внимания вопросы сознательного регулирования языка. Признавая экспериментально-прогностическую ценность реально функционирующих международных вспомогательных искусственных языков (особенно эсперанто), он полагает, что "человеческий разум создаст такой язык, который явится международным вспомогательным средством наряду с национальными языками" (см. также: [1, 33-37]). Этот будущий международный язык мыслится исследователю как апостериорный по структуре, поскольку, создавая общее средство коммуникации, человечество не должно отрываться от реального, апробированного веками, языкового опыта. Аристэ подчеркнул также весьма важный аспект: международный вспомогательный (искусственный) язык должен проходить свою эволюцию в тесной связи с развитием человеческого общества [2, 70-71]. (Подробно интерлингвистические и эсперантологические занятия акад. П. Аристэ изложены нами в статье "Акад. П.А. Аристэ и интерлингвистика", в изд.: *Interlinguistica Tartuensis*, 1, Tartu, 1982, с. 6-14).

В начале 60-х гг. плодотворную интерлингвистическую деятельность начал крупный специалист по лингвистической поэтике В.П. Григорьев. Отличительной особенностью его работ, посвященных кардинальным проблемам интерлингвистики, является страстный полемический стиль, обращенный к лингвистам-теоретикам, которые скептически смотрят на проблему международного искусственного языка. С 70-х гг. многие интерлингвистические труды Григорьева

получили мировую известность и были переведены на ряд языков.

Григорьеву принадлежит первая, весьма результативная попытка дать определение интерлингвистики и выяснить ее место среди других наук. Уже в одной из своих первых работ - докладе, подготовленном для конференции по прикладной лингвистике (Черновцы, 1960) и озаглавленном "Основные задачи интерлингвистики", - он определяет эту науку, "как лингвистическую дисциплину, которая занимается изучением международных языков вообще, исследованием принципов создания и условий функционирования 'искусственных' вспомогательных международных языков - в особенности" [17, 3-5]. Позднее в работе "О некоторых вопросах интерлингвистики", вышедшей в журнале "Вопросы языкознания" в 1966 г., это определение наполняется конкретным содержанием: с одной стороны, в компетенцию интерлингвистики входит изучение "процессов взаимодействия национальных языков в современную эпоху и дальнейшее развитие марксистско-ленинского учения о языке в коммунистическом обществе, ряд типологических проблем и, в частности, проблема языковых 'интернационализмов'", с другой - "разработка принципов и методов создания 'искусственных' языков разного типа, прогнозирование их структуры, определение их функциональных возможностей и отношения к 'естественным' языкам, обобщение опыта функционирования различных вспомогательных международных языков - как 'искусственных', так и 'естественных'". Общее языковое средство коммуникации, рассматриваемое в связи с лингвистическими и нелингвистическими аспектами, позволяет в то же время трактовать интерлингвистику шире - как междисциплинарную науку, изучающую "способы удовлетворения потребности в средстве международного общения в его социальном, историко-филологическом и иных аспектах" [13, 35-54].

Интерлингвистика занимает почетное место в кругу языковедческих дисциплин прикладного характера; в некоторых вопросах она сближается с кибернетикой. Григорьев стремится провести четкое разграничение, с одной стороны, ис-

кусственных языков, структурно и функционально сопоставимых с национальными языками (это языки типа эсперанто, идо, интерлингва и под.), с другой стороны, искусственных образований (= "языков"), представляющих собою вспомогательные коды и "языки"-посредники для машинного перевода, информационно-логические "языки" и т.д., существование которых не требует звуковой формы, при этом данный тип языков, по Григорьеву, должен быть включен в комплекс интерлингвистических исследований, так как "общая теория интерлингвистики не может успешно развиваться, не используя новых методов точного лингвистического анализа. С другой стороны, новые проблемы прикладного языкознания оказываются тесно связанными не только с определением перспектив языкового развития (чем в первую очередь должна заниматься интерлингвистическая теория), но и с некоторыми конкретными ее достижениями в прошлом" [15, 38-39]. В то же время весьма существенно проводимое Григорьевым разграничение задач общей и частной интерлингвистики: "В отличие от эсперантологии, интерлингвистика опирается на опыт создания и функционирования не какого-нибудь одного из существующих проектов искусственно-вспомогательного международного языка, а учитывает и обобщает данные самых различных интерлингвистических начинаний, выдвигая задачу разработать общую теорию создания и функционирования искусственной семиотической системы, функции которой принципиально не отличались бы от функций 'естественных' языков" [15, 41].

В этой связи представляется совершенно необходимой разработка принципов классификации интерлингвистических объектов. Григорьев дает в виде наброска основания такой классификации, учитывая прежде всего функциональный и структурный аспекты:

1) в функциональном плане: а) искусственные международные вспомогательные языки противопоставляются естественным языкам международного использования (вероятно, в плане специфики характерных для них сфер?); б) глобальные проекты искусственных международных язы-

ков - зональным, континентальным; в) функционально поливалентные искусственные международные языки или, как пишет Григорьев, "с полным объемом функций (для 'всех') - функционально ограниченными проектами (например, только для науки и под.);

2) в структурном плане: а) апостериорные противопоставляются априорным (к последним причислены также символические языки, языки-посредники машинного перевода, математические типа "логлэн" или "юнисист" и др.); б) так наз. автономные системы искусственных вспомогательных международных языков - натуралистическим, в) искусственные международные языки с относительно гомогенным корнесловом - гетерогенным системам (то же, что и противопоставление "апостериорные - априорные"? [13, 48].

Безусловно, эта классификация нуждается не только в определенной конкретизации, но и в установлении более четких принципов противопоставления интерлингвистических объектов. Вместе с тем предложенная предварительная схема противопоставлений типов искусственных вспомогательных международных языков (и естественных языков международного назначения) дает почву для серьезных раздумий.

Григорьев один из первых показал значение опыта интерлингвистики для проведения языковой политики [14, 5-21], поскольку в обеих этих областях решающая роль принадлежит сознательному регулированию языкового материала и языковых процессов. В этой связи он справедливо пишет: "Уже на уровне искусственного вспомогательного международного языка, потребность в котором ощущается и в наши дни, фактор стихийной эволюции сдает свои позиции, а на передний план выступает целенаправленное развитие языка, который из субъекта развития полностью превращается в объект сознательного воздействия человека" [14, 20; 15, 42]. Характеризуя отношение И.А. Водуэна де Куртенэ к интерлингвистике, Григорьев склоняется к тому, что едва ли не существеннейшей чертой лингвистической концепции велико-

го ученого была "постоянная борьба за правильное понимание проблемы стихийного и сознательного в развитии языка" [12, 53-66]. Бодуэн де Куртене придавал большое значение учету "сознания и 'воли' человеческой в языковой жизни", требовал различать в языке "бессознательное" и "сознательное", "естественное" и "искусственное" (в экзаменационных требованиях по "Введению в языковедение", 1911); для готовившегося в 1904 г. в России I съезда славянских филологов и историков он предложил для обсуждения интерлингвистические темы типа "О славянском 'взаимном' (международном) языке Матии Маяра и Орослава Цафа", "Об языковом пуризме (о "чистительстве", об очищении языка и неразличении "естественности" и "искусственности" в языке)"; в 1907 г. Бодуэн вступил в полемику с К. Бругманом и А. Лескином, призывая сделать международные искусственные языки полноправным объектом исследований и доказывая возможность сознательного регулирования языковых процессов; активно участвовал он и в работе известной "Делегации по принятию вспомогательного международного языка".

В 20-30-е гг. интерлингвист Э.К. Дрезен показал, что реально функционирующий международный искусственный язык неизбежно должен обнаружить в своей внутренней структуре эволюционные процессы (см. упомянутую ранее нашу работу "Концепция международного и всеобщего языка Э.К. Дрезена", раздел 5, с. 100-107). Григорьев, опираясь на эту идею, пытается решить "проблему определения лингвистического времени искусственных языков", типологически сопоставляя наблюдаемые в них изменения с эволюционными процессами в естественных языках. В тезисах к своему докладу на конференцию по общему языкознанию "Основные проблемы эволюции языка" (Самарканд, 1966), он показывает эволюционные процессы в эсперанто, видя их в а) использовании все новых и новых возможностей, предоставляемых языку его достаточно гибкой структурой; б) тенденции пополнения языка более краткими лексическими формами за счет кратких, длинных (т.е. типа *eta* вместо *malgranda* "маленький"); в) появлении новых зна-

чений в корневых словах; г) постоянном расширении и обновлении словарного состава [18, 49-52].

В ряде работ Григорьев убедительно доказывает недопустимость альтернативы "национальный язык или эсперанто". "Следовало бы, - пишет он, - серьезно обсудить конкретные шаги по замене этого неконструктивного 'или' на более диалектическое 'и', а также способы перехода от стихийного распространения искусственного вспомогательного международного языка... к последовательному, телеологически осмысленному его освоению" [13, 53]. Однако тезис о том, что "искусственный вспомогательный международный язык вполне может сосуществовать, больше того - активно взаимодействовать с национальными языками", остается все же нераскрытым [15, 43].

В тесной связи с традицией русской и советской интерлингвистики решает Григорьев вопрос о формах существования общего языка. Различая ближайшую (международный вспомогательный язык) и далекую (будущий единый общечеловеческий язык) перспективу, он в то же время считает, что теоретически "проблема создания эффективного искусственного вспомогательного международного языка не может быть решена без определения и учета общей перспективы языкового развития, без принципиальной постановки вопроса о будущем едином языке всего человечества" [14, 19]. Что касается будущей формы общечеловеческой речи, то Григорьев допускает два возможных пути ее формирования: первый путь - стихийного взаимодействия естественных (национальных) языков, к признанию которого склоняются многие философы и социологи, реально не может быть доведен до конца в силу непроницаемости (или же очень слабой проницаемости) таких лингвистических урзней, как фонетика и морфология (шире - грамматика); второй путь - это путь сознательного апостериорного языкотворчества, т.е. тот путь, который уже давно проложен и имеет давние традиции в истории интерлингвистики [15; 16].

Здесь нет возможности остановиться бо-

лее или менее детально на других вопросах интерлингвистической концепции Григорьева. Отметим только, что Григорьеву лучше, чем кому-либо из современных интерлингвистов (и эсперантологов), удастся увидеть глубинные, часто неприметные на первый взгляд, черты структуры и функционирования современных искусственных вспомогательных международных языков. В эсперантологическом плане здесь весьма ценны его размышления о лингвистической нормативной недостаточности (эсперанто), о противоречиях категориальной сущности корней, о появлении диалектически противоположной тенденции в области развития словаря (с одной стороны, сохранение проективных корней и способов словообразования, с другой - тенденция к неологизации) и мн. др.

В 1968 г. вышла первая послевоенная монография по интерлингвистике, изданная Институтом философии АН СССР. Речь идет о книге Э.П. Сवादоста "Как возникнет всеобщий язык?" [26, 287 с.]. Э.П. Сवादост - непрофессиональный лингвист, однако идеей всеобщего языка занимался в течение 30 лет своей жизни. Монография имеет достаточно прозрачную структуру: в ней дан сжатый очерк истории интерлингвистических идей (глава 2: "Четырехвековая история попыток создания вспомогательного международного языка"), затем отдельно рассматриваются существующие теории формирования всеобщего языка (глава 3: "Эсперанто и теория двух всеобщих языков, вспомогательного и единого"; глава 4: "Теория выделения всеобщего языка из национальных"; глава 5: "Теория всемирного сливания языков"), доказываются несостоятельность предубеждения против искусственного всеобщего языка (глава 6) и излагается точка зрения автора на проблему всеобщего языка (глава 7: "Общечеловеческий язык как одна из проблем преобразования мира").

Книга Сवादоста вызвала в 60-е - начале 70-х гг. большой резонанс в отечественной и зарубежной интерлингвистике, на нее было написано более десятка рецензий как в нашей, так и в иностранной печати. Единодушным мнением большинства рецензентов было одно: книга

затрагивает актуальную проблему, по которой существуют различные, часто прямо исключаящие друг друга, точки зрения. Книгой Сवादоста еще раз было подчеркнуто: "Лингвистика не может оставаться наукой только двух временных измерений - познающей прошлое языков (чем занимается историческая лингвистика) и их настоящее (чем занимается лингвистика описательная, структурализм в частности): она должна думать и о языке будущего" [26, 258]. Однако профессиональными лингвистами (и интерлингвистами в особенности) сразу же было замечено, что лингвистическая аргументация автора (за исключением отдельных, иногда свежих и оригинальных деталей) не всегда на уровне современного теоретического языкознания, а зачастую обнаруживает его недостаточную компетентность в этой области. На это указал в предисловии к книге один из ее ответственных редакторов проф. Е.А. Бокарев ("Лингвистической стороне проблемы... уделяется гораздо меньше внимания. Эпизодические суждения автора о качествах языка будущего не вытекают из анализа типологии существующих языков и проектов международного языка", с. 4), об этом же позднее писал и В.П. Григорьев [13, 35]. В книге действительно немало весьма субъективных суждений, затрагивающих различные аспекты теоретического языкознания. Проиллюстрируем это на таких примерах. Пытаясь разобраться в диалектике языка, Сवादост обращается к семантике слова "язык", находя в нем два значения - абстрактное и конкретное. На этой основе он считает, что "язык в своей главной функции представляет собой единство противоположностей: средство общения - средство разобщения" [26, 243-244]. Между тем абстрактно понимаемый "язык" не может быть реальным средством общения: диалектическое противоречие проявляется в конкретных, реально функционирующих языках. Так, отдел взятый язык ("русский язык", "турецкий язык", "словенский язык" и т.д.) служит для его народа-носителя, с одной стороны, средством общения (и объединения), с другой стороны, средством внешнего (а не внутреннего) разобщения, поскольку он от-

гораживает данный народ-носитель от других народов, говорящих на иных языках. Вторая часть этого диалектического противоречия, рассматриваемая с позиций ее преодоления, как раз и является предметом интерлингвистики. Еще один пример. Задаваясь вопросом о том, каким должен быть фонологический (у Свадоста - "фонемический") строй общечеловеческого языка, автор ратует за создание "новой фонологии - критической" [26, 261], которой, по его мнению, предстоит заниматься "критической и сравнительно-исторической оценкой их [языков], выработкой точных критериев определения степени благозвучности языков". Между тем типологическое изучение фонологического состава и структуры языков мира достаточно давно и успешно проводится в теоретическом языкознании. Что касается "степени благозвучности", то это не столько фонологическое, сколько эстетическое (или лингвоэстетическое) явление.

И все же важно представить в общих чертах интерлингвистическую концепцию Свадоста, поскольку она уже стала фактом современной науки о международном языке.

Свадост считает, что "язык будущего есть проблема настоящего: в будущем (быть может, не столь далеко, как это кажется) всеобщий язык перестанет быть проблемой - станет живой реальностью как второй язык всех народов мира. Именно в наши дни проблема всемирного языка может и должна стать объектом плановой научной разработки" [26, 12]. В этом высказывании - "хронологическое кредо" интерлингвиста Свадоста. Потому для него представляется несущественным учет ближайшей и далекой перспективы языкового развития человечества: сейчас, сразу же и до конца решить проблему многоязычия Земли. Если говорить об общем языке, то он должен быть одним и только единожды сконструированным - для далекого будущего. По сути, такая постановка вопроса имеет одну, весьма существенную крайность: она не учитывает потребности нынешнего дня, когда при факте многоязычия следует искать реальные и потенциально возможные общие средства коммуникации, "более прогрессивные, по выражению

М.Д. Каммари, формы языкового общения". Недооценка (и даже отрицание) настоящей реальности и ближайшей перспективы может к тому же отвлечь лингвистов от решения насущных задач. Между тем еще в 20-30-е гг. отечественная интерлингвистика, как мы уже отметили, пришла к заключению о принципиальной необходимости различения ближайшей и далекой перспективы языкового прогнозирования, этот тезис нашел одобрение и поддержку и в современной советской интерлингвистике (срав. работы Е.А. Бокарева, В.П. Григорьева и др.). Поэтому нельзя согласиться с утверждением Свадоста о том, что "вспомогательный язык между нациями - таково основное положение буржуазной теории всеобщего языка" [26, 121]. Изучение интерлингвистических теорий Запада показывает, что и там далеко не все интерлингвисты держатся концепции вспомогательного языка: появляется огромная масса проектов именно всеобщего (а не вспомогательного!) языка - о некоторых из них сам Свадост пишет в своей книге (о бабому японца Фуишики Окамото, унилингва Н. Агопоффа из Франции, UNI Э. Уайнскотт и сума В. Рассела из США и многие другие). Существо дела в другом: в распространенном среди западных интерлингвистов идеалистическом представлении о том, что не смена социального строя, а "всеобщий язык будет содействовать улучшению общества во всем мире" (это образец частых заявлений составителей новых лингвопроектов на Западе, см.: [26, 150]); в производстве все новых и новых лингвопроектов в отрыве от реальной языковой ситуации, в явном порою "лингвистическом империализме", который проявляется как в стремлении силой распространять крупные западные языки во всемирном масштабе, так и в стимулировании тенденции ко все большей окцидентализации ("озападниванию") апостериорного лингвопроектирования (последнее сводится опять-таки исключительно к германо-романскому языковому материалу), в чрезмерном индивидуализме и резкой оторванности от народных масс - основных носителей языка и др.

В представлении Свадоста "всемирный, или

всеобщий, общечеловеческий, язык может быть вторым (вспомогательным, побочным) языком всех народов мира, может быть их первым (основным) языком и, наконец, единственным (единым)... Эти языковые общности грядущего человечества суть общности первой (начальной), второй (переходной) и третьей (завершающей) ступеней [26, 134]. Терминологически (и хронологически) это предлагается обозначить, как "вспомогательный всеобщий язык" → "основной всеобщий язык" → "единый всеобщий язык", при этом на первом этапе (т.е. вспомогательном) всеобщий язык изучается как иностранный и функционально ограничивается использованием лишь в международном сношении; на втором этапе (т.е. основном) всеобщий язык должен стать одним из двух родных языков - "члены нового всемирного общества" живут во "всеобщем двуязычии"; на третьем этапе всеобщий язык становится единственным и единым для всех ("один родной язык для всех: при отсутствии знания других языков или при слабом знании их и очень редким пользованием ими") [26, 147]. Во всех случаях речь, естественно, идет о всеобщем искусственном языке. В этой связи странным представляется признание Свадоста в том, что "нельзя отрицать возможность [перерастания одного из национальных языков во всеобщий]", о чем заявлено в конце главы "Теория выделения всеобщего языка из национальных" (хотя до того весь пафос как раз и был направлен на слабые места этой теории!).

К сожалению, Свадост непоследователен и в вопросе сущности структуры всеобщего (искусственного) языка. Вопрос этот действительно непрост, поскольку сейчас мы не можем представить себе более или менее осязаемо формы общечеловеческой речи далекого будущего. Признавая возможность сохранения связи с имеющимся языковым опытом человечества и видя отдаленные контуры всеобщего языка в реально проявляющемся процессе интернационализации, Свадост высказывается так: "Общечеловеческий язык закономерно будет языком третьей степени искусственности, основанным на языковом опыте человечества" [26, 229]. Под третьей

степенью искусственности Свадост имеет в виду проекты международных языков апостериорного типа, т.е. тот путь, который выдвигает интерлингвистика уже на протяжении нескольких веков (фактически первым лингвопроектом наивысшей апостериорности был всеславянский язык хорватского просветителя XVII в. Юрия Крижанича). Вместе с тем трудно выполнимым оказывается условие, чтобы общий язык был "по своему материалу ни западным, ни восточным - он должен быть всемирным, общечеловеческим не только по функции, но и по своим составным элементам" [26, 136]. В интерлингвистике установлено, что наивысшая концентрация апостериорных элементов ("составных элементов") возможна в случае совершенствования (упрощения) живого языка либо создания общего проекта на основе материала генетически близких языков; апостериорность сохраняется в лингвопроектах, основанных на материале различных групп одной языковой семьи. Выход за пределы генетически родственной семьи языков неизбежно ведет ко все большему увеличению априорных элементов, что в конечном счете при синтезировании материала различных семей выливается сначала в смешанный по структуре язык, а затем и чисто априорный. Без априорности невозможно себе представить "составные элементы общечеловеческого языка". Потому Свадост колеблется и его признания в этой связи носят характер субъективных предположений. Так, в одном месте монографии он пишет, что не исключена возможность, что "единым языком единого человечества станет язык априорного типа - язык лексической символики, который будет создан в более отдаленную эпоху" [26, 136]. Этот же тип структуры предлагается и в случае выработки "терминологии всеобщего языка, которая войдет в будущий Единый всемирный классификатор материальных ценностей". К примеру, в термине "корова" препозитивный элемент к мог бы обозначать "сельское хозяйство", элемент о - "животноводство", р - "молочное животноводство", второе о - "самка крупного рогатого скота", в и а - возраст (взрослая, дающая молоко, в отличие от тел-

ки) и определенную породу. В то же время общеупотребительная лексика будет носить апостериорный характер [26, 55-57]. Априоризация терминологии - это явная переключка с проектами априорных философских языков, создание которых было начато еще в XVII в. Р. Декартом. В этой связи возникает вопрос: не окажется ли такой общечеловеческий язык апостериорно-априорным, т.е. таким структурным типом, который, так же, как и все другие, был выработан в интерлингвистике еще в XIX в.?

Свадост сделал попытку выделить основные принципы (их 7) отбора элементов лексики из живых языков для словаря общечеловеческого языка. К сожалению, и здесь еще много неясного: что, например, понимать под "достоинством самого языка" - качество, которое будет влиять на возможность рассмотрения того или иного языка как лексического источника; как будет учитываться в этой работе "вклад народа или народов, говорящего или говорящих на данном языке, в развитие всемирной цивилизации"? [26, 233]. Вопросов возникает много. Это и неизбежно, поскольку речь идет о языковом прогнозировании далекого будущего. И все же книга Свадосты, несмотря на очевидные теоретические слабости и спорные положения, сыграла свою положительную роль, возбудив интерес исследователей к проблемам общего языка.

В 70-е гг. начинают появляться работы ираниста М.И. Исаева, занимавшегося интерлингвистикой у проф. Е.А. Бокарева. Исаев считает интерлингвистику частью социолингвистики [20, 26]. В статье "Об основных методологических проблемах интерлингвистики" (1975) Исаев показал, что марксистское рассмотрение интерлингвистических проблем должно проводиться с учетом современного состояния и перспектив развития общества. В Советском Союзе, где на роль межнационального средства общения 130 народов и народностей объективными условиями был выдвинут русский язык, не существует альтернативы "русский язык или эсперанто". Международный искусственный язык лишь вспомогательное средство, используемое в определенных условиях при контактах с представителями других стран

[19, 211-215; см. также: 21, 3-12]. Вслед за Е.А. Бокаревым, Исаев признает актуальной проблему международного вспомогательного языка; что касается общечеловеческого языка, то это дело очень отдаленного будущего. В монографии "Язык и нация" (совместно с А.Т. Базиевым) Исаев поместил специальный раздел "О языке будущего", в котором рассмотрел существующие в советской лингвистике, социологии и философии точки зрения на проблему и высказался за искусственное создание такого языка. Правда, в этой работе вопрос о языке будущего фактически сводится к проблеме международного языка науки, при этом он мыслится "построенным на основе логической грамматики и, по возможности, международной терминологии. Этот язык мог бы вводиться в научный обиход постепенно и планомерно" [7, 223]. Пригодность именно такого пути иллюстрируется практикой функционирования эсперанто. Исаев является президентом Ассоциации советских эсперантистов и автором очерка "Язык эсперанто" (1981), изданного Институтом востоковедения АН СССР в серии "Языки народов Азии и Африки".

Работы интерлингвиста С.Н. Кузнецова, германиста по основной специальности, стали появляться преимущественно с начала 80-х гг., однако его первая работа "К вопросу о типологической классификации международных искусственных языков" была опубликована уже в 1976 г. в сборнике "Проблемы интерлингвистики" [22, 60-78]. Кузнецов существенно детализирует и развивает возможные подходы к типологической классификации международных искусственных языков (и лингвопроектов), опираясь на первые в этом плане разработки Л. Кутюра и Л. Ло ("Histoire de la langue universelle", Paris, 1903; "Les nouvelles langues internationales", Paris, 1907). Так, в зависимости от характера морфемы априорные языки выступают как обладающие мотивированностью морфемного знака и как не обладающие ею: к первым относятся нумерационные проекты, пазиграфии, жестовые языки, пазилалии, ко вторым - рисуночные пазиграфии, звукоизобразительные языки (они характеризуются формальной мотивированностью),

философские, или логические, языки и языки, учитывающие принцип психологической ассоциации. Апостериорные делятся на логически гомогенные и гетерогенные. Предлагается также учет степени и глубины деформации естественного слова, рассматриваемой в фонологическом и морфологическом аспектах.

В 1982 г. в издательстве Университета Дружбы народов имени Патриса Лумумбы вышли две книги Кузнецова - "Основы интерлингвистики" и "Основные понятия и термины интерлингвистики" [24, 107 с.; 23, 80 с.]. Несмотря на то что они написаны как учебные пособия для студентов университета, обе книги имеют несомненное теоретическое значение. Приходится только сожалеть, что тираж обеих книг совершенно недостаточен при нынешнем активизировавшемся интересе к интерлингвистическим проблемам со стороны особенно молодого поколения лингвистов и специалистов иных областей.

"Основы интерлингвистики" состоят из небольшой (с. 3-21) общей и пространной (с. 22-100) исторической части. В первой части ("Предмет и основные проблемы интерлингвистики") Кузнецов дает определение интерлингвистики как "раздела языкознания, исследующего проблематику межъязыкового общения", что подразумевает изучение вопросов многоязычия, взаимодействия языков и интернационализмов и, наконец, международных языков - как естественных, так и искусственных (называемых также плановыми). Автором предлагается достаточно стройная структура науки о международном языке: общая интерлингвистика изучает вопросы межъязыковой коммуникации, международных естественных и искусственных языков; в компетенцию частной интерлингвистики входит анализ конкретных плановых языков (вероятно, не только "получивших реализацию в общественном употреблении" - как быть тогда с лингвопроектами, не нашедшими массового использования?) [24, 20]. Плановая лингвистика⁺ ока-

⁺ Термин "плановая лингвистика", перенесенный с западной почвы (срав. нем. Planlinguistik, эсп. plan-

зывается центром, который сближает общий (теория лингвопроектирования и функционирования плановых языков) и частный (теория отдельных плановых языков) разделы. Определяя место плановых языков в мировой лингвистической ситуации, т.е. их отношение к естественным (в том числе к естественным международным) языкам, автор показывает, что "сферы функционирования международных естественных и международных искусственных (плановых) языков в настоящее время совершенно различны, при этом международное использование естественных языков является производным, стимулированным факторами социально-исторического плана (престиж государства, мощность отправляемых информационных потоков и под.), что непосредственным образом вовлекает их в мировой информационный и торгово-промышленный оборот. Плановые языки, напротив, не обладают такой социально-экономической обусловленностью и потому их функционирование ограничено. Касаясь проблемы общечеловеческого языка, Кузнецов четко различает, как это принято в советской интерлингвистике, две формы существования общего языка - международного вспомогательного и единого языка будущего человечества; определить конкретные формы последнего не представляется сейчас возможным.

Несмотря на незначительный объем, первая часть "Основ интерлингвистики" насыщена большим числом полезных сведений. Некоторые из них

lingvistiko и т.д.), не представляется удачным, поскольку, помимо теорий лингвопроектирования и функционирования международных искусственных языков, под него могут подпасть и социолингвистические проблемы (вопросы языкового строительства, или как наз. "языкового планирования", и под.) и проблемы чисто искусственных (без функционального признака международнойности) языков, т.е. формализованные языки и коды различного рода, являющиеся предметом так наз. инженерной лингвистики. Отсюда ясно, что вопрос об уточнении предмета интерлингвистики, ее структуры и содержания ее составляющих частей не снимается.

при подготовке расширенного издания книги следовало бы уточнить. Так, определение понятия "международные языки" (с. 5) хотя и отграничивается от понятия "межнациональные языки", остается, однако, расплывчатым, так как неясно, почему межнациональные языки не могут считаться языками регионального межъязыкового общения (с. 9)? Вопрос этот сложный, серьезно никем не разрабатывался. Глобальный и региональный уровни межъязыкового общения допускаются автором только по отношению к естественным международным языкам. Между тем такая пространственно-функциональная оппозиция возможна и по отношению к международным вспомогательным искусственным языкам, на что в свое время обратил внимание В.П. Григорьев [13, 48].

Вторая часть книги представляет собой "Очерк истории интерлингвистики", написанный кратко и в то же время чрезвычайно содержательно. Изложение развития интерлингвистических идей здесь обрывается, к сожалению, началом XX в. Кузнецов предлагает периодизацию истории интерлингвистики, которая, без сомнения, найдет широкое признание: 1) до 1629 г., т.е. времени появления теоретических рассуждений и наброска проекта философского языка Р. Декарта (до этого - изолированное лингвопроектирование без теоретических основ), 2) 1629-1879 гг., т.е. до времени появления волапюка М. Шлейера (период формирования и развития теории лингвопроектирования), 3) после оформления теории функционирования планового языка и возникновения интерлингвистики в ее современном понимании) [24, 22]. Следовало бы только добавить, что последний период характеризуется не только оформлением теории функционирования международных искусственных языков, но и дальнейшим развитием теории лингвопроектирования, так как именно в последнее столетие (т.е. с 1879 по 70-е гг. XX в.) было создано наибольшее число проектов международных (и всемирных) искусственных языков - свыше 650, в том числе и наиболее успешный из них эсперанто (см. данные такого рода в нашей статье "Interlingvistika mi-

nevikust ja tänapäevast", - in: Keel ja Kirjandus, Tallinn, 1982, N 6, lk. 289).

Над хронологическими границами оформления интерлингвистики как науки следует, видимо, еще поразмыслить.

Отличительной особенностью "Очерка" является обращение к фундаментальным, имеющим непосредственное отношение к становлению интерлингвистики, проблемам. Сформулированные интерлингвистикой важнейшие теоретические положения, касающиеся специфики структуры и функционирования международных языков, иллюстрируются многочисленными примерами. Каждое положение находит оценку с позиций современного теоретического языкознания. При возможном переиздании книги следовало бы обратить внимание на некоторые детали. Автор в нескольких местах "Очерка" (с. 33, 34) утверждает, что проект всеславянского языка хорватского просветителя Юрия Крижанича построен на основе русского языка. Название "руски jezik" (или "ruski jezik"), которое дал своему всеславянскому языку Крижанич, еще ничего не говорит о его истинной основе. Многочисленными исследованиями установлено, что базой для Крижанича послужили русско-церковнославянский и хорватский (хорватско-сербский) языки, элементы которых наиболее ощутимы в текстах на его всеславянском языке. И уж совсем трудно согласиться с мнением автора "Очерка" о том, что "если не считать проекта Крижанича, 'новый язык' Фегэ представляет собой первую попытку построения апостериорного искусственного языка" (с. 40). Не следует отказывать в приоритете великому славянскому мыслителю: его проект апостериорного всеславянского языка (1666 г.) появился ровно на 100 лет раньше проекта Фегэ *langue nouvelle* (1765 г.), к тому же представляющего собой упрощение, усовершенствование всего лишь одного языка - французского (так же, как проект 1650 г. Ф. Лаббе *lingua universalis* - упрощение латинского). Отсюда следует, что основоположником апостериорного лингвопроектирования, учитывающего материал не одного языка, а группы родственных языков, является именно Крижанич.

И еще: ни Г. Сапель (1790), ни Б. Кумердей (1793), ни тем более Я. Геркель (1826) и М. Майр (кстати не в 1848, а в 1863-1865 гг.) не делали "попытки реформирования живых языков славянских" - они были создателями (особенно два последних) типично апостериорных лингво-проектов, базировавшихся на материале большинства славянских языков.

Несколько слов о волапюке. На с. 55 дана не совсем ясная общая характеристика этого языка: его словарь следует все же признать если не апостериорно-априорным, то - априорно-апостериорным, а грамматику не просто синтетической, а прежде всего - априорной. Весьма сомнительна повторяющаяся в работах по истории интерлингвистики и принятая автором книги цифра 505 440 - столько, якобы, по К. Ленцу, можно образовать в волапюке глагольных форм от одной основы. Не совсем точно, что "последним образцом волапюкской литературы" была изданная в 1916 г. брошюра анонимного автора. Последняя книга на волапюке вышла в 1964 г.: J. Schmidt. *Jenotem valemapüka 'Volapük'.* - Amsterdam, 1964 ("История всемирного языка 'волапюк'"). А в 30-е гг. А. де Йонг, пытаясь возродить этот язык и волапюкское движение, издал ряд крупных работ: *Gramat Volapüka.* - Leiden, 1931, VIII + 113 fl.; *Wörterbuch der Weltsprache. Vödabuk Volapüka pro Deutänapükans.* - Leiden, 1931, XVI + 494 fl.; в 1950 г. вышел также словарь И. Крюгера "English - Volapük" (Gams, 1950, 52 fl.). Последнее же периодическое издание на волапюке датируется не 1908 г., а 60-ми гг., когда в Голландии выходил под редакцией Крюгера "Volapükagased" - продолжение начатого еще в 1932 г. А. де Йонгом бюллетеня "Volapükagased pro Nedänopükans".

Наконец, несколько слов о "Библиографии". Все 130 содержащихся здесь работ посвящены существенным проблемам общей и частной интерлингвистики, при этом даны работы не только на русском, но также на различных западных и международных искусственных языках. Жаль только, что в "Библиографии" не оказалось: а) работ И.А. Бодуэна де Куртене, в частнос-

ти, не выделена его знаменитая статья "Zur Kritik der künstlichen Weltsprachen" (1907), тем более что фрагменты этой и другой статьи ("Вспомогательный международный язык") были переведены на русский язык и вошли в его "Избранные труды по общему языкознанию" (т. II, М.: АН СССР, 1963); б) одной из первых работ по вопросам общей интерлингвистики - книги венгерского интерлингвиста Д. Силадьи "Versus interlinguistica" (Milano, 1931; сначала опубликована в изд.: Schola et vita, anno VI, Milano, 1931, N 4-5, p. 97-120) - именно ей, наряду с книжкой О. Есперсена "A new science: interlinguistics" (Cambridge, 1931), суждено было возвестить об оформлении новой лингвистической дисциплины; в) фундаментальных трудов одного из старейших венгерских интерлингвистов европейского ранга, доктора филологии Будапештского университета И. Сердахеи: Metodologio de Esperanto. - Budapest, 1975, 376 p.; Eszperantó. Bevezetés és nyelvyakorlatok. - Budapest, 1976, 307 lk.; Bábelről a világnyelvig. - [Budapest], 1977, 415 lk.; Kresztomatío de Esperanta literaturo. Vol. I-II. - Budapest, 1979-1981, 466, 324 p.; Bevezetés az interlingvisztikába. Történeti vázlat és forrástanulmány. - Budapest, 1980, 290 lk.; вышедший под его редакцией огромный том "Miscellanea interlinguistica" (Budapest, 1980, 513 p.) и др.; г) серьезных работ крупнейшего интерлингвиста ГДР Д. Бланке: Plansprache und Nationalsprache: ein Beitrag zur Erforschung ihrer spezifischen Kommunikationsleistungen... Vol. I-II. - Berlin, 1975, 170, 74 S.; его многочисленных интерлингвистических работ в таких журналах, как "Zeitschrift für Phonetik, Sprachwissenschaft und Kommunikationsforschung", "Das Altertum", "Sprachpflege", "Scienca Revuo", "Paco" и др., и вышедшие под его редакцией важные в методологическом отношении сборники "Socipolitikaj aspektoj de la Esperanto-movado" (Budapest, 1978, 228 p.), "La internacia lingvo: sciencaj aspektoj" (Berlin, 1979, IV + 237 p.). Ценный материал содержится также в серийном издании Будапештского университета "Esperantologiaj

kaĵeroj", в польском издании "Studia esperantologiczne" (Katowice, 1979) и др. Из интерлингвистической периодики выпал журнал "Currero international" (с 1964 г., на языке интерлингва), международный научный журнал "Scientia Revuo" (с 1949 г.), весьма ценный для истории интерлингвистики. "Informilo" - орган Института международного языка в Вене (с 1950 г.) и вышедшие до войны "Tolero" → "Interlanguages", "Mondo" и даже отечественный журнал "Международный язык". Не имеет прямого отношения к интерлингвистике рекомендуемая автором книга А.Ю. Жлуктенко "Мовні контакти" ("Языковые контакты").

В пособии "Основные понятия и термины интерлингвистики" содержатся сведения о важнейших интерлингвистических организациях и комиссиях ("Академия международного языка", 1887-1950-е гг., "Делегация по принятию международного языка", 1901-1910 гг., в которую входил И.А. Бодуэн де Куртенэ, О. Есперсен и др. видные лингвисты, "Космоглот(т)", 1916-1928 гг., почетным председателем которого был И.А. Бодуэн де Куртенэ, а членом Н.В. Юшманов, "Ассоциация международного вспомогательного языка", 1924-1953 гг.), об основных международных искусственных языках, имевших или имеющих реальное использование (волапук, эсперанто, идиом-нейтраль - лучше "нейтральный язык", латино-сине-флексионе, идо, окциденталь-интерлингве, новиаль, бэсик инглиш, интерлингва). Большую часть книги, однако, занимает словарь интерлингвистических терминов - первая в отечественной интерлингвистике попытка комплексно представить современную специальную лексику. В мировой интерлингвистике первым опытом в этом направлении был краткий интерлингвистический словарь Д. Силадьи, приложенный к его работе "Versus interlinguistica" (1931) и названный "Dictionario terminologico de interlinguistica. Schedio encyclopaedico". Словарь Кузнецова превосходит его не только количественно (соотношение терминов здесь приблизительно 50:115), но и уровнем описания, отвечающим требованиям современной (интер)лингвистической теории. И все

же словарь Д. Силады до сих пор по достоинству не оценен. Одно из его преимуществ состоит в энциклопедическом характере терминологических статей (по этому же пути пошел и Кузнецов), во внимании к весьма тонким и в то же время имеющим общеинтерлингвистическое значение явлениям и процессам. В дальнейшей работе над словарем важно было бы учесть такие термины Д. Силады и их интерлингвистическое толкование, как, например, *euphonia* "эвфония", *harmonia in interlingua* "гармония в международном языке", *intuitionismo interlinguistico* "интерлингвистический интуитивизм" и др. — они отражают принципы подхода интерлингвиста при создании им основ языка; в интерлингвистическом аспекте термины типа *principio de Jespersen* "метод (или принцип) Есперсена", *thesi de Michaux* "тезис Мишо" и под. оказываются не менее важными, чем аналогичные термины "правило де Валя" (*regula de Wahl*), "маккенсеновские слова" (*paroli makensenik*). В словаре должны найти свое место распространенные в интерлингвистике термины с префиксальным элементом *pan-* (*pangermanismo*, *panromanismo*), поскольку их из-за семантического своеобразия не могут заменить термины с префиксом *inter-* [между прочим, не удобнее ли для русского словаря иметь "межроманский", "межгерманский" — как "межславянский" (с. 53), а не гибридное "интерроманский", "интергерманский"?].

Интерлингвистический словарь Кузнецова, несмотря на скромность объема, оказывается все же наиболее полным собранием основных терминов. Можно надеяться, что отсюда интерлингвистическая лексика станет постепенно "пробивать себе дорогу" в общезыковедческие словари, которые, кстати заметить, неохотно включают даже старые, давно апробированные в фундаментальных трудах по проблемам международного языка термины. Представляется нужным уже сейчас заняться решением такого принципиально важного теоретического вопроса, как выявление лексической, семантической, а также функциональной специфики интерлингвистических терминов по сравнению с терминами общего язы-

кознания. Ибо, в противном случае, каждый раз могут возникать сомнения в "интерлингвистичности" тех или иных терминов. Если, например, "проекты космических языков иногда ошибочно относят к компетенции интерлингвистики" (с. 48), то зачем в интерлингвистический словарь помещать статью "космолингвистика", начало которой падает не на 50-е, а на 20-е гг., при том первым космическим лингвопроектом был не астраглосса Л. Хогбена (1952), а отечественный АО? (Об этом мы подробно писали в статье "О некоторых направлениях лингвопроектирования в современной интерлингвистике", - in: *Interlinguistica Tartuensis*, 2, Tartu, 1983, с. 14-18). Точны ли термины "регионализм", "региональная лексика" (с. 70) в номинативном плане, если для выражаемых ими значений (в интерлингвистическом смысле) можно использовать термины типа "славянизмы", "германизмы", "романизмы" и под.? Вопросы такого рода предстоит еще решить. Но первые многообещающие шаги в этом направлении уже сделаны.

+ + +
+

В 60-е и особенно 70-е гг. становится очевидно, что в отечественном языкознании формируется группа специалистов, готовых заниматься разработкой основных проблем интерлингвистики. С 1963 г. эта группа под руководством проф. Е.А. Бокарева работает в составе секции интерлингвистики при Институте языкознания АН СССР (ныне - группа интерлингвистики при том же институте во главе с проф. М.И. Исаевым). Результатом работы секции был изданный в 1976 г. в академическом издательстве "Наука" первый послевоенный коллективный сборник "Проблемы интерлингвистики" [25, 159 с.]. Сборник посвящен памяти проф. Е.А. Бокарева и содержит статьи по общим проблемам интерлингвистики, в том числе по типологии и истории международных искусственных языков. Основные работы из этого сборника мы

уже упоминали. Выход этой книги был встречен благожелательными откликами в советской и зарубежной языковедческой печати: о нем писали "Вопросы языкознания", "Zeitschrift für Phonetik, Sprachwissenschaft und Kommunikationsforschung", "Zeitschrift der Universität Halle" и др. издания. Интерлингвистическая группа организуется при Тартуском университете, где традиции изучения проблем международного языка и преподавания курсов интерлингвистики сформировались давно. С 1982 г. в рамках "Ученых записок Тартуского университета" выходит серия "Interlinguistica Tartuensis" (выпуск 1: Актуальные проблемы современной интерлингвистики. Сборник в честь семидесятилетия акад. П.А. Аристэ. Тарту, 1982, 200 с.; выпуск 2: Теория и история международного языка. Тарту, 1983, 123 с.), в которой сотрудничают также интерлингвисты всей страны. Большим подспорьем в развитии интерлингвистических исследований в нашей стране явилось создание в 1979 г. Ассоциации советских эсперантистов, объединяющей в своих рядах тысячи знатоков международного вспомогательного языка эсперанто.

Актуальность интерлингвистики, присутствие ее категорий и понятий при решении многих важных общетеоретических проблем языкознания стали очевидными. Потому интерлингвистическая проблематика в той или иной форме затрагивается или обсуждается на различных конференциях и симпозиумах, в общетеоретических трудах. Уже в 1957 г. на всесоюзной конференции по вопросам соотношения синхронного анализа и исторического исследования языка, проведенной АН СССР, дискутировался вопрос о том, возможна ли диахрония (конкретно - эволюция) в искусственных языках типа эсперанто, идо и др. (полемика В.П. Григорьева с Б.В. Горнунгом, см.: Известия АН СССР, Отделение языка и литературы, т. XVI, 1957, вып. 6, с. 556-568). Важное место интерлингвистическая проблематика занимала и на конференции 1972 г. "Соотношение естественных и искусственных языков" (заседание по проблеме "Естественные языки и искусственные языки меж-

дународного общения"), проведенной в Институте языкознания АН СССР Научным советом по проблеме "Кибернетика" при Президиуме АН СССР (см.: Вестник АН СССР, 1973, № 3, с. 117-121; Научно-техническая информация ВИНТИ, серия 2, 1973, № 6, с. 24-28 и др.). Без интерлингвистических докладов трудно было бы представить себе работу конференции "Научно-техническая революция и функционирование языков мира", проведенной в 1974 г. в Институте языкознания Научным советом "Закономерности развития национальных языков в связи с развитием социалистических наций" и др.

Интерлингвистическая проблематика все активнее пробивает себе дорогу в "большую лингвистику". Прямо или косвенно она затрагивается такими современными языковедами, как В.А. Аврорин, Н.Д. Андреев, В.В. Акуленко, Л.И. Баранникова, Ю.Д. Дешериев, Ф.М. Березин, П.Н. Денисов, Вяч.Вс. Иванов, А.А. Леонтьев, В.И. Кодухов, Н.А. Кондрашов, В.Г. Костомаров, И.Б. Рамишвили, А.А. Реформатский, Г.В. Степанов, А.В. Суперанская, Н.И. Толстой, Б.А. Успенский, А.С. Чикобава, В.Н. Ярцева и др. Уже упоминалось об интересе центрального теоретического журнала "Вопросы языкознания" к проблемам международного языка (статьи Е.А. Бокарева, О.С. Ахмановой, В.П. Григорьева). В 1976 г. в передовой статье этого журнала "Некоторые задачи советского языкознания" писалось: "Во всем мире, в том числе и у нас, сейчас много внимания уделяется проблеме разработки всевозможных искусственных языков для тех или иных научных и технических целей. Важность усилий в этом направлении безусловна..." (ВЯ, 1976, № 2, с. 4). Авторы статьи "Современное общественное развитие, научно-техническая революция и язык" П.А. Азимов, Ю.Д. Дешериев, Л.Б. Никольский, Г.В. Степанов, А.Д. Швейцер, констатируя, что "мировой лингвистический процесс в значительной мере развивается стихийно", ставят перед языкознанием задачи, интерлингвистичность которых не вызывает сомнения: "Прогнозирование мирового лингвистического процесса в последнюю четверть XX в. и в первой половине XXI в., - пишут они, - вызывает жиз-

ненную необходимость теоретического освещения и практического решения целого ряда весьма актуальных для человечества проблем: на каких языках народы мира будут овладевать непрерывно увеличивающимися достижениями научно-технической революции; как будут развиваться в лингвистическом плане национальные взаимоотношения, посредством каких языков будут расширяться повседневные контакты между народами; в каких масштабах следует планировать развитие, расширение общественных функций различных языков... Многие из этих вопросов мирового лингвистического процесса уже сейчас требуют своего решения с определенных методологических, теоретических и идеологических позиций". И далее: "Необходимо всемерно расширять сознательное социальное вмешательство в функционирование, развитие и взаимодействие языков, целесообразно направляя процесс дальнейшего развертывания мирового лингвистического процесса" (ВЯ, 1975, № 2, с. 10). Целая программа задач, в которых сходятся интересы социолингвистики и интерлингвистики! Тезис о возможности сознательного воздействия на язык, о социальной управляемости человеческого языка не нов, но только в нашу эпоху он получает особую актуальность. В сборнике "Ленинизм и теоретические проблемы языкознания" (1970) В.А. Аврорин выделяет среди прочих (разговорно-бытовой язык, наддиалектное койне, культовый язык, литературный язык, межнациональный язык; мы бы добавили также: международный и мировой естественный язык) и две интерлингвистические формы существования языка - вспомогательный искусственный язык и единый общечеловеческий язык будущего (с. 26). Однако интерлингвистические процессы, в частности, процесс сознательного воздействия человека на язык, характеризуют и неинтерлингвистические формы существования языка, при этом "сознательная воля действует на структуру языка только через посредство его функциональной стороны". И даже если такое воздействие имеет свои пределы, то все равно "конечной целью изменений следует считать осознанное или неосознанное усовершенствование языка" (В.А. Аврорин, "О предмете социальной лингвистики", ВЯ, 1975, № 4, с. 15).

+ + +
+

Как показывает настоящий обзор, советская интерлингвистика успешно развивается, опираясь на материалистическое понимание сущности языка и языкового развития. В центре внимания наших интерлингвистов фундаментальные проблемы науки о международном языке: сущность интерлингвистики и ее место среди других лингвистических (и не только лингвистических) дисциплин и наук, методологическая трактовка интерлингвистических категорий, основные формы существования общего языка, рассмотрение вопроса о международном языке с учетом современного состояния и перспектив развития общества, типология и функциональная специфика международных языков и искусственных вспомогательных в особенности, прогнозирование мирового лингвистического развития, вопросы сознательной, социальной управляемости языка и многие другие. Ощущается настоятельная необходимость глубокого изучения наследия дореволюционной и довоенной отечественной интерлингвистики, в том числе на повестке дня переиздание интерлингвистических трудов, ставших большой библиографической редкостью⁺. Активный интерес "большой лингвистики" к этим проблемам позволяет надеяться, что многие из них в дальнейшем будут успешно решены.

⁺ Один из последующих выпусков "Interlinguistica Tartuensis" будет специально посвящен выдающемуся советскому интерлингвисту Н.В. Юшманову, его интерлингвистической концепции и переизданию ставших классическими его трудов по космоглологии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ariste P. Kas inimkond saab ühiskeelee? - In: Küsimused ja vastused XX. Tallinn, 1978, N 2.
2. Ariste P. Mõni sõna tehiskeelest. - In: Noorus, Tallinn, 1971, N 10.
3. Ariste P. Kunstliku keele küsimus. - In: Keel ja Kirjandus, Tallinn, 1960, N 5.
4. Ахманова О.С. Естественные языки и проблема создания вспомогательного языка науки в эпоху научно-технической революции - В кн.: Научно-техническая революция и функционирование языков мира. М.: АН СССР, 1974.
5. Ахманова О.С., Бокарев Е.А. Международный вспомогательный язык как лингвистическая проблема. - ВЯ, 1956, № 6.
6. Ахманова О.С., Александрова О.В. Некоторые теоретические проблемы советского языкознания. - ВЯ, 1980, № 6.
7. Базиев А.Т., Исаев М.И. О языке будущего. - В кн.: А.Т. Базиев, М.И. Исаев. Язык и нация. М.: Наука, 1973.
8. Bokarev E. La internacia lingvosituacio kaj eblecoj de raciigo. - In: Der Esperantist, Berlin, N 15, 1967.
9. Бокарев Е.А. Современное состояние вопроса о международном вспомогательном языке (факты об эсперанто). - В кн.: Проблемы интерлингвистики. М.: Наука, 1976.
10. Бокарев Е.А. Стихийное и сознательное в языке. - Русская речь, 1967, № 2.
11. Бокарев Е.А. Язык-посредник и искусственные международные языки. - В сб.: Тезисы конференции по машинному переводу. 15-21 мая 1958 г. М., 1958.
12. Григорьев В.П. И.А. Бодуэн де Куртене и интерлингвистика. - В кн.: И.А. Бодуэн де Куртене (к 30-летию со дня смерти). М.: АН СССР, 1960.
13. Григорьев В.П. Искусственные вспомогательные международные языки как интерлингвистическая проблема. - В кн.: Проблемы интерлингвистики. М.: Наука, 1976.

14. Григорьев В.П. Культура языка и языковая политика. - В кн.: Вопросы культуры речи. Вып. 4. М., 1963.
15. Григорьев В.П. О некоторых вопросах интерлингвистики. - ВЯ, 1966, № 1.
16. Григорьев В.П. Об интернациональной языковой форме. - В кн.: Проблемы современной филологии. М.: Наука, 1965.
17. Григорьев В.П. Основные задачи интерлингвистики. - В кн.: Питання прикладної лінгвістики. Тези доповідей. Чернівці, 1960.
18. Григорьев В.П. Эволюция искусственного языка. - В кн.: Материалы Всесоюзной конференции по общему языкознанию "Основные проблемы эволюции языка". Ч. I. Самарканд, 1966.
19. Isajev M. Pri bazaj metodologiaj problemoj de interlingvistiko. - In: Socio-politikaj aspektoj de la Esperanto-movado. Red. D. Blanke. Budapest, 1975.
20. Исаев М.И. Проблема искусственного языка международного общения. - В кн.: Проблемы интерлингвистики. М.: Наука, 1976.
21. Исаєв М.І. Проблема міжнародної допоміжної мови на сучасному етапі. - Мовознавство, Київ, 1978, № 5.
22. Кузнецов С.Н. К вопросу о типологической классификации международных искусственных языков. - В кн.: Проблемы интерлингвистики. М.: Наука, 1976.
23. Кузнецов С.Н. Основные понятия и термины интерлингвистики. - М.: Университет Дружбы народов им. П. Лумумбы, 1982.
24. Кузнецов С.Н. Основы интерлингвистики. - М.: Университет Дружбы народов им. П. Лумумбы, 1982.
25. Проблемы интерлингвистики. Типология и эволюция международных искусственных языков. - М.: Наука, 1976.
26. Свадост Э.П. Как возникнет всеобщий язык? - М.: Наука, 1968.

REVUO DE LA PLEJ GRAVAJ
INTERLINGVISTIKAJ ESPLOROJ EN SOVETA UNIO

Aleksandr D. Duliĉenko

Dum postmilita periodo en soveta lingvistiko aperis pli ol 400 libroj kaj artikoloj rilatantaj la problemon de la lingvo internacia. La unua speciale interlingvistika verko "La internacia lingvo kiel lingvistika problemo" de Jevgenij A. Bokarev kaj Olga S. Ahmanova aperis en 1956 en la ĉefa soveta teoria revuo "Voprosy jazykozna nija" (Problemoj de la lingvistiko). En nia artikolo estas detale analizitaj interlingvistikaj konceptoj de la supre menciitaj aŭtoroj, de Viktor P. Grigorjev, Ermar P. Svadost (lia ĉefa verko "Kiel estiĝos la universala lingvo?", 1968), Mahomed I. Isajev, Sergej N. Kuznetsov (liaj libroj "Fundamentoj de la interlingvistiko" kaj "Ĉefaj nocioj kaj terminoj de la interlingvistiko", 1982).

Por nuntempa soveta interlingvistiko estas karaktera la esplorado de ĉefaj problemoj de la internacilingva scienco, inter ili: esenco, objekto kaj rilato de la interlingvistiko al aliaj sciencaj disciplinoj, materialisma argumentado de la ĉefaj interlingvistikaj kategorioj, problemoj de la ĉefaj formoj de ekzistado de la tutkomuna lingvo, tipologio kaj funkcia specifeco de la lingvo internacia, prognozo de la monda lingva evoluo, racia reguligo kaj socia direktado de la lingvo k.a. Ekzistas serioza intereso pri diversaj problemoj de la esperantologio.

Speciale estas substrekita la rolo de la interlingvistika grupo ĉe la Instituto de la Akademio de Sciencoj en Moskvo (eld. artikolaro "Problemoj de la interlingvistiko. Tipologio kaj evoluo de internaciaj artefaritaj lingvoj", 1976) kaj de la interlingvistoj ĉe la Universitato de Tartu (eld. ĉiujaran scienca serion "Interlinguistica Tartuensis", vol. I-II, 1982-1983) por plua evoluigo de la interlingvistiko en Soveta Unio.

ВОПРОСЫ ПСИХОЛОГИИ ОБЩЕНИЯ НА АПОСТЕРИОРНЫХ ЯЗЫКАХ

В. А. Корнилов

Проблема общения - одна "из наиболее плодотворно разрабатываемых в настоящее время 'стыковых' проблем обществоведения" [3, 31]. Различными сторонами речевого общения занимаются лингвисты и философы, социологи и психологи, физиологи и медики. Возникло несколько специальных научных дисциплин, основным объектом которых является исследование проблем речевого общения: психолингвистика, социолингвистика, лингвосоциопсихология и другие. Вопросы психологии общения на искусственных вспомогательных международных языках (ИВМЯ) входят в круг проблем интерлингвистики, оставаясь в то же время проблемами психологическими, психолингвистическими и т.д. Наибольший интерес для интерлингвистики, на наш взгляд, представляет исследование актов коммуникации на апостериорных ИВМЯ, особенно на тех из них, которые обнаруживают "преимущественную (доминантную) апостериорность" [10, 62], т.е. на автономных или схематических апостериорных языках (в противоположность натуралистическим апостериорным языкам). Материалом для настоящей статьи послужили наблюдения над проявлениями речевого общения на языке эсперанто.

По-видимому, бесспорным можно считать положение о том, что природа речевого общения во всех существенных моментах остается неизменной независимо от того, каким языком пользуются коммуниканты - одним из тысяч естественных (этнических) языков или одним из сотен искусственных языков и лингвопроектов. При этом, разумеется, следует помнить о серьёзных различиях между общением на родном языке и на неродных языках. Общение на ИВМЯ аналогично в этом смысле общению на естественном языке, не являющемся родным ни для одного из коммуникантов.

В то же время лингвистические, социолингвистические и психолингвистические особенности апостериорных ИВМЯ предопределяют, некоторые специфические черты общения на них, накладывающиеся на общие закономерности человеческого общения.

Так, до настоящего времени любой ИВМЯ, любой лингвопроект связан не только с лингвистическими составляющими, но и с конкретной реализацией общей идеи ИВМЯ, а также с определенным социально-культурным движением за пропаганду именно этого лингвопроекта (а значит, и против других лингвопроектов). А поскольку у идеи ИВМЯ существуют не только горячие сторонники, но и весьма значительное количество не менее горячих противников¹, постольку общение на ИВМЯ до настоящего времени воспринимается как определенный вызов всем тем, кто по различным мотивам отвергает саму мысль об использовании человечеством искусственного языка.

Трудно установить полный перечень мотивов, делающих человека сторонником или противником идеи ИВМЯ, но можно предположить, что существенную роль в размежевании людей по этому признаку может играть степень сознательной или чаще подсознательной абсолютизации стихийного начала в языке. Е.А. Бокарев в качестве причины идеализации естественных языков указывает пережитки романтической философии, для

¹ И сейчас не утратили своей актуальности слова И.А. Водуэна де Куртенэ: "И вот у разных народов, среди мыслящей и сознательной публики, мы находим по отношению к идее одного международного языка и к тому или иному способу осуществления этой идеи: или фанатических приверженцев, или приверженцев мирных, или людей равнодушных, индифферентных, или, наконец, людей, настроенных враждебно, или, по крайней мере, смотрящих свысока и пренебрежительно. Эти последние отделяются от всего этого презрительными шуточками, иронией и зубоскальством. К сожалению, они забывают, что великих идей нельзя заглушить ни зубоскальством, ни упрямым игнорированием" [1, 150].

которой язык — это "непосредственная форма во-
лнения духа, проявление каких-то таинствен-
ных, очень часто непознаваемых сил" [2, 12].

Нуждаются в серьезном научном исследова-
нии аргументы и контраргументы сторонников и
противников идеи ИВМЯ (причем к объективному
научному изучению проблемы призывают именно
сторонники ИВМЯ, в частности, эсперантисты [16;
28], в то время как противники зачастую ста-
раются просто игнорировать проблему¹), требуют
научного осмысления причины того, что положи-
тельное отношение к идее ИВМЯ отнюдь не га-
рантирует успехов в овладении конкретным ИВМЯ
и неэпизодического присоединения к движению, с
ним связанному [16, 107; 17, V].

При анализе всякой человеческой деятель-
ности (в том числе и речевой) возникает необ-
ходимость прежде всего остановиться на субъек-
тах деятельности, их признаках и функциях [6,
26]. Что же собой представляют носители ИВМЯ
(в частности, эсперантисты, идисты, интерлинг-
ваисты) в структуре современного общества?

По характеру занятий ИВМЯ в современном
мире их сторонники (носители) могут быть со-
поставлены с филателистами, любителями спорта,
фотолюбителями и прочими носителями тех или
иных увлечений, хобби (отличаясь от них боль-
шей социальностью своего увлечения, тесной свя-
зью его с вопросами национальной, языковой по-
литики).

Возможности соотношения общности носите-
лей ИВМЯ с общностями этническими, политичес-
кими, религиозными и т.д. мы касались в одной
из работ [8]. Там же рассматривалось соотно-
шение их с общностями людей, овладевших одним

¹ "Е.А. Бокарев, его коллеги и ученики, интер-
лингвисты разных стран неоднократно анализировали стан-
дартный набор стереотипных возражений против беспри-
мерного эксперимента с ИВМЯ. Отчего же диалог этот по-
прежнему напоминает "диалог глухих"?" [5, 54]. Вопрос,
сформулированный В.П. Григорьевым, акцентирует именно
психологический аспект проблемы.

из этнических языков как иностранным. Особого рассмотрения заслуживает связь эсперантистского движения с борьбой за мир, которая нередко считается важнейшей составной частью "внутренней идеи" эсперанто. Одной из существенных социально-мировоззренческих особенностей движения за тот или иной ИВМЯ является его особая роль в лингвистической ситуации в мире (регионе, стране).

Резюмируя все сказанное (здесь и в [8]), можно попытаться предложить следующую дефиницию понятия "совокупность носителей конкретного ИВМЯ": это интернациональная, квазиэтническая общность людей - представителей различных наций, классов, религий, политических партий и т.д., овладевших соответствующим ИВМЯ и использующих его хотя бы в одной из форм устного или письменного общения, объединенных позитивным отношением к идее ИВМЯ, создающих в процессе общения друг с другом элементы особой культуры (интеркультуры), отражающей историю своего ИВМЯ, его движения и опирающейся на лучшие достижения общечеловеческой культуры. Все это предопределяет и специфическую совокупность социально-психологических черт носителей ИВМЯ: стремление к установлению международных личных контактов (посредством устного общения или переписки), готовность пропагандировать и распространять свой ИВМЯ, лингвистическая компетентность, превышающая средний уровень тех, кто не занимается ИВМЯ, и т.д.

В эсперантистской печати делались попытки определить важнейшие качества идеального эсперантиста. Так, Н. Танев на страницах "Vulgara esperantisto" отмечает, что для достижения и осуществления таких высших целей эсперанто, как "взаимопонимание", "дружба и мир между всеми народами", эсперантист должен постоянно совершенствоваться, постоянно расширять и углублять свои знания. Это значит, что он должен быть любознательным и деятельным человеком ... Он должен быть общественно активным, должен быть хорошим пропагандистом и интернационалистом ... У него не должно быть ненависти или пренебрежения к нациям и народам ... Взаимопомощь - характерная черта под-

линых эсперантистов ... Как гуманисты и интернационалисты эсперантисты должны быть верными сторонниками мира и активными борцами за мир" [22, 2].

Любопытно, что эти требования, сформулированные в социалистической Болгарии, значительно углубляют и развивают представления об идеале настоящего эсперантиста, складывавшиеся в процессе эволюции эсперанто. Напомним в связи с этим слова одного из пионеров эсперантистского движения А. Грабовского, сказанные еще в 1908 году, о том, что высший идеал автора эсперанто - "содействие сближению и братству" между народами [4, 401]. В наше время нидерландец Огал противопоставляет различным типам эсперантистов ("bonan-tagon esperantistoj", "вечно новым эсперантистам", "эсперантистам-филателистам", "эсперантистам-графоманам", "клубным эсперантистам", "эсперантистам-ходячим словарям", "эсперантистам-грамматистам" и т.д.) "обыкновенных эсперантистов": "это прогрессивные люди, которые интересуются многими вещами, в том числе и языком эсперанто. Они используют его практически и стараются распространить его. Для них эсперанто является хорошим средством того, чтобы внести свой вклад в дело взаимопонимания народов, в дело сохранения мира, борьбы народов против войны, сохранения общечеловеческой культуры" [21].

Сравнивая приведенные здесь примеры формулировок требований к "идеальному эсперантисту", мы видим как различия, так и то общее, что выкристаллизовалось в определенный "социальный заказ" на типичного эсперантиста. Очевидным в то же время является факт, что в реальности в общение на эсперанто (или на другом ИВМЯ) вступают самые различные люди (сравните

¹ Небесполезно было бы подвергнуть научному психологическому анализу и негативные представления об эсперантистах у их противников (ср., например, гротескное изображение эсперантистов в повести В. Чивилихина "Над уровнем моря"). Материал позитивных и негативных приращений смысла к слову "эсперанто" собран В.П. Григорьевым, см. [5, 38-44].

хотя бы упомянутый неполный список "типов эсперантистов" по Огалу), причем основными факторами, определяющими эти различия, являются уровень овладения языком, мотивы и цели общения на нем.

Что касается уровня владения эсперанто, то здесь наблюдается парадоксальная картина. С одной стороны, любой учебник эсперанто, любая пропагандистская брошюра подчеркивают легкость изучения языка; с другой стороны, в эсперантистской печати в изобилии встречаются сетования на недостаточное знание языка многими эсперантистами, на "крокодилство" во время встреч и собраний (например, [17; 18; 20]). С целью улучшения техники владения разговорным эсперанто предлагаются более совершенные методы обучения, среди которых так называемый "загребский метод" обучения "легкому эсперанто" [23]; делается пессимистический вывод о невозможности в совершенстве овладеть языком эсперанто [5]. И если вдуматься, то никакого особого противоречия в приведенных фактах и суждениях нет: достигнуть свободного владения языком эсперанто на уровне разговорно-бытовой речи, на уровне нейтрального стиля легче, чем любым неродным этническим языком; достигнуть же совершенства во владении даже родным языком на уровне творения художественных произведений - дело, куда более сложное. И как ни парадоксально предлагаемое загребцами выделение специальной учебной разновидности эсперанто - "легкого эсперанто", - оно свидетельствует о вполне нормальном развитии эсперанто как языка, приобретающего "полный набор функций".

Мотивы общения на ИВМЯ по своей природе в основном совпадают с мотивами общения на родном или неродном этническом языке. Главный мотив можно определить как стремление вступить в контакт с целью обмена "взглядами, представлениями, установками, мнениями, чувствами и т.д." [13, 34]. Но сам факт обмена информацией посредством ИВМЯ, помимо конкретных мотивов отдельного акта общения, предполагает еще и предварительную мотивацию, обус-

ловливающую овладение данным ИВМЯ. А поскольку "в межличностном общении индивид выступает как диалектическое единство общего, особенного и индивидуального" [3, 33], совокупность мотивов общения неизбежно должна быть достаточно сложно организована, стратифицирована: в ней могут быть выделены

- социальные мотивы, сходные с теми, которые вызвали к жизни саму идею ИВМЯ;
- мотивы, которые обусловили использование данного ИВМЯ в качестве средства общения теми социальными кругами, к которым принадлежат коммуниканты;
- мотивы, побудившие конкретных индивидов прибегнуть к конкретному ИВМЯ.

Вопрос о мотивах изучения языка эсперанто явился предметом интересной дискуссии на страницах органа Всеобщей Эсперанто-Ассоциации - журнала "Эсперанто" [25; 26], в рамках которой западногерманский юрист и психолог Г. Вельгер поставил вопрос о необходимости научного изучения социопсихологических причин обращения к эсперанто. Он полагает, что не легкость изучения этого ИВМЯ и не его нейтральность может привлекать к нему новых adeptов. Более существенными для отдельного индивида оказываются иные мотивы: возможность переписки с людьми из самых различных стран, возможность путешествовать, интерес к "внутренней идее" эсперанто и т.д. [26]. Другой автор настаивает на том, что "идеальные мотивы" важны сейчас не менее, чем во времена Заменгофа, и что стремление действовать "для блага грядущих поколений" нередко занимает важное место среди мотивов, побуждающих к овладению эсперанто.

Можно привести немало конкретных примеров эффективности "реальных" мотивов овладения эсперанто. Ограничимся одним, хорошо известным: слепой В.Я. Ерошенко в 1912 г. совершает поездку без сопровождающих в Лондон благодаря знанию эсперанто, специально выученного для осуществления этой поездки. Этот факт остается яркой иллюстрацией действительности такого мотива, как стремление путешествовать по различным странам, имея возможность

всюду найти людей, могущих понять тебя и оказать необходимое содействие.

В то же время без "идеальных" мотивов вряд ли могло бы существовать соответствующее организованное движение за распространение конкретного ИВМЯ, которое само по себе порождает новые мотивы практического характера, связанные со спорами внутри движения, с определением целей его организации.¹

Не следует забывать о том, что у многих начинающих заниматься языком эсперанто (впрочем, как и любым другим языком) первоначальные мотивы обращения к нему существенно изменяются в процессе общения на нем. "Это те обычные случаи, когда человек под влиянием определенного мотива принимается за выполнение каких-либо действий, а затем выполняет их ради них самих, в силу того, что мотив как бы сместился на их цель. А это значит, что данные действия превратились в деятельность" [12, 31]. По-видимому, в тех случаях, когда начинающий эсперантист перестает заниматься языком или остается "вечно начинающим", мы имеем дело с фактами противоположного характера: общение на эсперанто оказывается недостаточно мотивированным, а смещения мотива на цель не происходит.

Цели общения на ИВМЯ, очевидно, имеют не менее сложную структуру, чем мотивы. И в этом случае "конечная цель" движения сторонников данного ИВМЯ - сделать его вспомогательным средством общения между народами, отдельным индивидом (или даже целой социальной группой) может осознаваться и приниматься в различной степени, сочетаясь с более конкретными и актуальными целями (для индивида это может быть совершенствование в языке, возможность более свободного неформального общения с представителями различных стран, обмен необходимой информацией, предметами коллекционирования и

¹ Различных выступлений по поводу содержания деятельности эсперантистского движения огромное множество на страницах изданий на эсперанто на протяжении всей истории этого ИВМЯ. В качестве примера можно привести хотя бы [19].

многое другое; для социальной группы, организации это может быть стремление расширить каналы воздействия на новые социальные слои в различных странах, расширить сферу своего влияния за счет общающихся на данном ИВМЯ и т.д.).

Мотивы и цели конкретных актов общения могут быть весьма различными. В зависимости прежде всего от типа речи, ситуации общения. Пытаясь наметить "типологию речи", А.А. Холодович формулирует пять дихотомических признаков (средство выражения, наличие/отсутствие партнера, ориентированность речевого акта, число воспринимающих речь, контактность речевого акта), комбинации значений которых дают 32 типа речи [14]. Л.П. Крысин говорит о восьми компонентах, формирующих речевую ситуацию, включая в них и место, и цель, и тему общения [9, 72-73], причем, поскольку каждый из компонентов "принимает множество значений", "число ситуаций очень велико" [10, 73]. По-видимому, для различных целей могут быть предложены различные классификации речевых ситуаций, весьма существенно их отличие от указанных выше.

Для анализа мотивов и целей конкретных актов общения на ИВМЯ наиболее соответствует, на наш взгляд, классификация речевых актов, основанная как минимум на следующих пяти дихотомических признаках:

- 1) средство выражения (устная/письменная форма общения);
- 2) контактность/дистактность речевого акта;
- 3) неофициальный/официальный характер общения;
- 4) наличие одного/более одного реципиента;
- 5) наличие/отсутствие общего для коммуникантов привычного средства общения, отличного от ИВМЯ (данный признак существенен именно для общения на международном языке).

Если анализировать не только законченные речевые акты (написание письма и прочтение его адресатом; выступление с докладом и его восприятие), но и его составляющие (от-

дельно написание письма и отдельно чтение его адресатом), то важно учитывать и еще один ди-хотомический признак:

б) активность/пассивность коммуниканта, позволяющий противопоставить говорение и письмо аудированию и чтению.

Анализ психологических условий общения в каждом из 32 (64) получаемых случаев представляет собой задачу специального исследования. Здесь мы ограничимся лишь двумя случаями:

1) письменное дистантное неофициальное общение между двумя коммуникантами, не имеющими общего привычного этнического языка (т.е. переписка на ИВМЯ между иностранными корреспондентами¹);

2) устное контактное неофициальное общение между двумя коммуникантами, имеющими общий этнический язык (например, разговор одноязычных одноклубников на эсперанто).

Удельный вес неофициального письменного общения на таких языках, как волапюк, эсперанто, ido, всегда был более значительным, чем на этнических языках. Для многих волапюкистов, эсперантистов, идистов переписка с иностранными, иноязычными корреспондентами составляла важнейшую часть их реального общения на ИВМЯ. А реальность, естественность такого общения оказывается куда более высокого порядка, чем при устном общении на ИВМЯ с соотечественниками.

Две основные группы мотивов и целей вступления в переписку на апостериорном языке состоят а) в обмене информацией; б) в совершенствовании уровня владения языком.

¹ Как писал М.В. Исаковский, "... переписываться со своими, с русскими, какой же в этом интерес? Свои ведь и русский язык знают отлично, с ними и переписываться можно по-русски, так что эсперанто здесь ни при чем" [7, 278]. Однако между активистами эсперантистских организаций одной страны переписка также ведется и на эсперанто, но это уже иная ситуация речевого общения, отличающаяся от рассматриваемой по признаку 5 (и, возможно, по признаку 3).

В специальных адресных книгах, в списках адресов, помещаемых в журналах, обычно указываются интересы вступающих в переписку. Они достаточно разнообразны, но тем не менее в пожеланиях о переписке столько общего, что выработываются штампы, привычные сокращения и т.д. Из журнала "Эсперанто" (№ 4 за 1983 г.) узнаем, например, что 34-летний польский педагог желает обмениваться эсперантистскими изданиями; 42-летний болгарский железнодорожник хотел бы переписываться об истории, географии, спорте и т.д.; 31-летний учитель из Ирана желает переписываться о лингвистике и на другие темы; 22-летний юноша из Колумбии ищет корреспондентов, чтобы совершенствовать свои знания в языке и под.

Ознакомление с многочисленными объявлениями о желании переписываться, помещаемыми во многих эсперантистских изданиях, открывает широкую панораму человеческих намерений, стремлений, амбиций. Впрочем, объявления вовсе не обязательно свидетельствуют об истинных мотивах его автора (осознаваемых или неосознаваемых). Истинная мотивация поисков контакта всегда шире самого искреннего объявления.

Для психологии начинающего "интеркорреспондента" весьма характерна ситуация, описанная М.В. Исаковским в его воспоминаниях. В 1916 году 16-летним подростком он познакомился с эсперанто и написал письма в Италию и во Францию по адресам, указанным в журнале "Волна эсперанто": "Первым пришел ответ из Франции. Моей корреспонденткой оказалась совсем еще молодая девушка, и, не скрою, это обстоятельство было для меня особенно приятным" [7, 279]. Рассказав о содержании письма, М.В. Исаковский продолжает: "Все это выглядело и поэтично и романтично и не могло не вызывать во мне самых приятных ощущений. Я даже немного возгордился: вот, мол, с какой девушкой веду переписку". Подобная "поэтичность и романтичность", по-видимому, нередко занимает важное место в мотивации возникновения переписки с далеким корреспондентом (корреспонденткой). Судьба каждой переписки складывается по-разному и зависит как от особенностей личности каждого из ее участников, так и от условий (обстоятельств),

в которых она совершается. И если коммуниканты поднимаются выше уровня контактоустанавливающей, фатической функции речевого общения, выше уровня тех, кого именуют "salutulo kaj ĝisrevidulo", их переписка становится подлинным человеческим документом, вбирающим в себя как общие черты эпохи, соответствующих стран, так и индивидуальные особенности, характерные именно для данного конкретного общения двух личностей. Переписка часто выходит далеко за рамки указанных в объявлении тем, развивается, живет, умирает ... И попутно содействует развитию языковых знаний у переписывающихся. И что самое главное - каждая такая переписка является неотъемлемой частью языкового существования ИВМЯ, заслуживающей самого глубокого изучения.

Из многочисленных психолингвистических задач, связанных с изучением переписки на апостериорных ИВМЯ, отметим задачу изучения контактоустанавливающей функции и форм ее речевой реализации, поскольку многие аспекты этой функции особенно актуальны именно для описываемой ситуации общения на ИВМЯ. Объявление о желании переписываться - это средство установления первичного контакта. Степень эффективности этого средства может оказаться весьма различной. При несоблюдении определенных правил установления и поддержания контакта коммуникантами может происходить частичное или полное нарушение контакта.

В этом плане представляет интерес анализ неудавшейся переписки М.В. Исаковского с итальянским композитором. "Что касается другого письма, которое я отправил в Италию, то тут произошла довольно-таки казусная история, произошла по моей наивности, по незнанию многих вещей, которые я обязан был знать, поскольку затеял переписку с итальянским синьором.

Ответ, полученный мною из Италии, был не то что высокомерным, но этаким снисходительным, чего, впрочем, я тогда не понял. Итальянский синьор прислал мне открытку. Лицевая сторона ее была разделена на две части: правая часть предназначалась, как обычно, для адреса, левая - для письма. В письме - а оно

было весьма кратким - мой итальянский адресат сообщал, что он композитор, что живет на берегу Lago Maggiore (Большое Озеро), где у него имеется собственная вилла (это обстоятельство особенно подчеркивалось), и что на обороте открытки напечатаны ноты его музыкального произведения. Это было все" [7, 279]. Далее М.В. Исаковский рассказывает, как он, отвечая итальянцу, перевел на эсперанто русскую песню "То не ветер ветку клонит" и записал мелодию песни цифровыми нотами (для мандолины). Ответа не последовало.

М.В. Исаковский не сообщает фамилии своего итальянского корреспондента, так как "забыл" ее [7, 280]. Однако, просмотрев журнал "Волна эсперанто" за 1916 г., мы без труда найдем в N 6-7 интересующее нас объявление: Aro-na, Lago Maggiore (Italujo). S-ro Franko Perucchetti dez. interŝ. ilustr. poŝtk. kun ĉiuj gesamideanoj.

Анализируя объявление, мы обнаруживаем, что ответ "итальянского синьора" не был ни "высокомерным", ни "снисходительным": он уже в объявлении выразил желание "обмениваться иллюстрированными открытками" (а не письмами). А если учесть, что "на обороте открытки напечатаны ноты его музыкального произведения", то правомерным может оказаться предположение, что одним из внутренних мотивов, побудивших его к переписке на эсперанто, был поиск дополнительных путей саморекламы. Не исключено, что уровень владения эсперанто был у "итальянского синьора" не выше, чем у начинающего эсперантиста Исаковского, и предложенный последним характер общения оказался слишком серьезным для Ф. Перуккетти. Впрочем, нам, так же как и М.В. Исаковскому, неизвестно, "дошло письмо или нет": все же шла первая мировая война!

В приведенной конкретной ситуации наибольший интерес представляет не столько сама ошибка в восприятии молодым М.Исаковским объявления Ф. Перуккетти, сколько последующая обида (пронесенная через десятилетия!) на нарушение контакта, происшедшее в результате этой ошибки, обида на "снисходительность" ответа из другой страны и от представителя иного социального слоя ...

Нарушения контакта на различных стадиях переписки случаются достаточно часто. Они могут происходить из-за взаимного непонимания, из-за социально-политических причин, из-за различий в национальных культурах, из-за игнорирования тех или иных психологических, психолингвистических закономерностей речевого (в частности, письменного, эпистолярного) контакта.

Совсем иная обстановка складывается во втором из отобранных нами для анализа случаев. От рассмотренного он отличается противоположными значениями признаков 1, 2, 5. Устная форма, контактность общения, наличие привычного общего средства общения (а значит, и общей национальной культуры) значительно упрощают общение ... на родном (или привычном) этническом языке. Что же касается общения на эсперанто или другом ИВМЯ, то наличие общего языка, отличного от ИВМЯ, резко усложняет психолингвистические условия общения, делает общение неестественным, создает благоприятные возможности для "крокодилства". Нужны специальные усилия, чтобы оба коммуниканта отвлеклись от родного языка, сосредоточились на менее удобном, менее автоматизированном средстве общения. А это значит, что постоянно приходится преодолевать возникающий дискомфорт и избегать соблазна перейти на родной язык или использовать при беседе на ИВМЯ привычные национальные черты синтаксиса, лексики.

Большую роль в стимулировании и активности беседы на апостериорном языке играет степень владения им. Очевидно при достаточно свободном владении языком общения наступает момент, когда уже не имеет (или почти не имеет) значения наличие общего этнического языка у коммуникантов. Процесс совершенствования навыков речевой деятельности на ИВМЯ приводит к ослаблению черт естественной ситуации общения. Беседы, например, в летних эсперантских лагерях, как правило, отличаются большей естественностью и большим языковым совершенством, чем соответствующие разговоры в психологически менее благоприятных условиях. "Учеб-

но-речевое общение, которое сейчас почти всегда является квазиобщением, уступает место подлинному общению...". - эти слова А.А. Леонтьева как нельзя лучше характеризуют постепенный прогресс индивида в ситуациях устного контактного общения одноязычных коммуникантов при овладении апостериорным ИВМЯ [11, 52].

Мотивы и цели такого общения обязательно имеют сложную диалектическую природу: один из них - более конкретные и ситуационно обуславливают предметно-смысловое содержание беседы; другие - более общего порядка - определяют язык общения (об этих мотивах шла речь в начале статьи).

Чем меньше степень владения апостериорным ИВМЯ, тем сильнее ощущается противоречие между мотивами указанных двух типов; чем свободнее владеют оба коммуниканта апостериорным ИВМЯ, тем в меньшей мере ощущается такое противоречие.

Однако даже при самом совершенном владении апостериорным языком общение с одноязычными собеседниками будет составлять достаточно сложную психологическую задачу - по видимому, до тех пор пока говорящие на ИВМЯ будут составлять незначительное меньшинство населения.

ж

ж

ж

Проблемы психологии общения на апостериорных ИВМЯ настолько разнообразны и сложны, что в рамках одной статьи оказывается затруднительным даже только наметить возможные направления научных исследований. Во всяком случае совершенно очевидно, что любые задачи, решаемые психолингвистами, психологами и близкими к ним специалистами на материале этнических языков, приобретут при изучении феномена общения на апостериорных языках новые грани, новые нюансы, без которых научное решение общих проблем человеческого общения будет неизбежно неполным и неточным.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бодуэн де Куртенэ И.А. Вспомогательный международный язык. - В кн.: Избранные труды по общему языкознанию. Т. II. М.: Изд-во АН СССР, 1963.
2. Бокарев Е.А. Стихийное и сознательное в языке. - Русская речь, 1967, № 2.
3. Буева Л.А., Алексеева В.Г. Общение как фактор развития личности. - Социологические исследования, 1982, № 2.
4. Грабовский А. Эсперанто как подготовительное средство к обучению языкам всех народов. - Espero, 1908, № 10-11.
5. Григорьев В.П. Искусственные вспомогательные международные языки как интерлингвистическая проблема. - В кн.: Проблемы интерлингвистики. Типология и эволюция международных искусственных языков. М.: Наука, 1976.
6. Дридзе Т.М. Язык и социальная психология. - М.: Высшая школа, 1980.
7. Исаковский М. На Ельнинской земле. Автобиографические страницы. М.: Молодая гвардия, 1973.
8. Корнилов В.А. Лингвострановедческая теория слова и апостериорные языки. - In: Interlinguistica Tartuensis 1. Актуальные проблемы современной интерлингвистики (УЗ ТартуГУ. Вып. 613). Тарту, 1982.
9. Крысин Л.П. Язык в современном обществе. - М.: Просвещение, 1977.
10. Кузнецов С.Н. К вопросу о типологической классификации международных искусственных языков. - В кн.: Проблемы интерлингвистики. Типология и эволюция международных искусственных языков. М.: Наука, 1976.
11. Леонтьев А.А. Принцип коммуникативности и психологические основы интенсификации обучения иностранным языкам. - Русский язык за рубежом, 1982, № 4.
12. Леонтьев А.Н. Проблемы развития психики. 4-е изд. - М.: МГУ, 1981.

13. Социальная психология и педагогика в партийной работе. Курс лекций. - М.: Мысль, 1983.
14. Холодович А.А. О типологии речи. - В кн.: Историко-филологические исследования. Сб. статей к 75-летию акад. Н.И. Конрада. М.: Наука, 1967.
15. Banham I.R. Esperanto: Ĉu facila? Kiomlonga lernado? - Oomoto, 1966, № 307-308.
16. Dobrzyński M. Direkto de psikosociaj esploroj pri la Esperanto-movado. - Scienca revuo, Sarajevo, 1966, № 3-4.
17. Grigorov F. Ni parolu Esperanton. - Bulgario, 1965, № 11.
18. Guĝev S. Muziko de la lingvo. - Bulgario, 1964, N 3.
19. Milovanović D. Ĉu la movado moviĝas? Kiel moviĝi la Movadon? - La Suda stelo, Beograd, 1969, № 11.
20. Nikolov F. Kial "krokodili" dum kunvenoj. - Bulgara esperantisto, 1982, № 1.
21. Ogal. Kia esperantisto vi estas. - Bulgara esperantisto, 1982, № 4 (represo el: Interlingvisto, 1968, № 6).
22. Tanev N. Pri kelkaj kvalitoj de la esperantisto. - Bulgara esperantisto, Sofio, 1979, № 11.
23. Tišljär Z. Spertoj pri la zagreba metodo. - Esperanto, 1983, № 21.
24. Tonkin H. Esperanto kiel objekto de universitata instruado kaj scienca esploro. - Esperantologiaj kajeroj, Budapest, 1977, vol. 2.
25. Welger H. Ni esploru la faktajn motivojn por lerni Esperanton! - Esperanto, 1983, № 7-8.
26. Welger H. Ses psikologiaj tezoj pri la motivoj por lerni Esperanton. - Esperanto, 1982, № 12.

PROBLEMOJ DE PSIKOLOGIO DE KOMUNIKIĜO EN APOSTERIORAJ LINGVOJ

Vladimir A. Kornilov

El la vasta problemaro de komunikiĝo pere de aposterioraj lingvoj la aŭtoro analizas antaŭ ĉio psikologiajn trajtojn de ilia parolantaro kaj sociajn postulojn al "ideala esperantisto" formulitajn en Esperanto - gazetaro. Estas rigardata motivoj stimulantaj lernadon de aposterioraj lingvoj kaj komunikiĝon per ili. Konekse al tio estas atentigitaj pensoj de H. Welger kaj de liaj oponentoj sur paĝoj de la organo de la Universala Esperanto - Asocio "Esperanto" pri la neceso analizi efektivajn motivojn de ellernado de Esperanto.

Diversajn tipojn de komunikiĝo la aŭtoro proponas klasifiki baze de kvin esencaj klasifikiloj. El 32 rezultintaj tipoj de komunikiĝo en la artikolo estas analizataj nur du: a) skriba distanca neoficiala komunikiĝo inter du malsamlingvaj personoj; b) buŝa kontakta neoficiala komunikiĝo inter du samlingvanoj. Estas proponita analizo de nedaŭra korespondado en Esperanto, pri kiu memorigis la konata rusa soveta poeto Miĥail Isakovskij en sia biografia verko.

La aŭtoro opinias, ke la psikolingvistiko ne povas ĝuste kaj objekte solvi multajn siajn problemojn sen diversflanka scienca studado de komunikiĝo en aposterioraj lingvoj.

О СОВРЕМЕННЫХ ПОПЫТКАХ "ОЖИВЛЕНИЯ" ЛАТЫНИ КАК ЯЗЫКА МЕЖДУНАРОДНОГО ОБЩЕНИЯ

Ю.И. Маадла

Среди многочисленных попыток найти решение проблемы международного языка не последнее место и в наше время занимает язык, у которого уже есть обширнейший опыт и более длинная история использования в качестве средства международного общения, чем у какого-либо другого языка в мире. Речь идет, конечно, о латинском языке.

В борьбе за "оживление" языка древних римлян в период после второй мировой войны выделяются большим охватом участников из разных стран Европы и других частей света, а также весомостью научного уровня международные совещания "живой латыни", проходившие во Франции начиная с 1956 г.

Первое совещание состоялось в сентябре 1956 г. в Авиньоне под сводами исторического папского дворца; второе - в сентябре 1959 г. в Лионе, третье - в сентябре 1963 г. в Страсбурге, четвертое - в апреле 1969 г. в Авиньоне и пятое - в апреле 1975 г. в городе По.

Этим совещаниям предшествовала довольно оживленная и разносторонняя деятельность не только латинистов, преподавателей античных языков и культуры, но и многих представителей других наук - естествознания, техники и даже видных общественных деятелей многих стран Западной Европы, Америки и даже Африки. В периодике были опубликованы статьи, которые привлекли большое внимание общественности, обсуждались в университетских кругах и побуждали к созданию разных обществ и организаций для практики и пропаганды латинского языка и культуры; в периодических изданиях обсуждались вопросы состояния преподавания античных языков, высказывались разные предложения по созданию живого латинского языка как средства международного общения.

У истоков этого движения стояли две острые и актуальные проблемы. Во-первых, вопрос о будущем преподавания латинского языка и классической культуры вообще. Несмотря на то, что в пятидесятые годы в западноевропейских странах для обучения латыни в средних школах давалось еще много часов и положение классической культуры в преподавании было довольно прочным, тем не менее чувствовались кризисные настроения в отношении древней культуры с потребностями нового времени - времени техники, точных наук и измененных общественных отношений. Обучение классическим языкам считали в течение длительного периода признаком высшего социального положения, в то время как резко увеличивалось число образованных людей, которые никогда не изучали латинский язык и которые стали чувствовать себя ущемленными. Распространялись взгляды, что античная культура и древние языки являются препятствием общественному прогрессу и несовместимы с требованиями развитого общества. Другим исходным пунктом движения "живой латыни" было обострение проблемы международного языка в особенности на совещаниях ученых, представителей технических профессий, съезжавшихся из разных стран.

Больше всего участники совещаний по живому латинскому языку посвящают внимания вопросу обогащения лексики новыми словами для выражения понятий современной жизни во всех областях науки и человеческой деятельности. Всем хорошо понятно, что для превращения древнего языка в средство международного общения требуется огромное количество слов и не только при создании терминологии по всем научным и техническим дисциплинам, но и для описания явлений повседневной жизни, начиная с самых мелких и незначительных вещей, которые не существовали в античном обществе и потому не имели обозначения в латинском языке Древнего мира.

Выступавшие на этих конгрессах были единодушны в том, что основой и исходным пунктом при создании современной латыни должен быть и оставаться классический латинский язык. Со-

гласно с этим принципом было выдвинуто на первое место требование исчерпывающе использовать все имеющиеся уже в литературном наследии на латинском языке возможности обозначения понятий современного мира. Выступивший с базовым докладом по вопросам лексики на первом совещании Гуэрино Пачитти обратил внимание на большое количество слов в письменных источниках Древнего Рима, относящихся к вещам и явлениям повседневной жизни, о существовании которых догадываются только немногие из тех, кто изучал в школе тексты античных авторов о походах, политических интригах или возвышенную поэзию о мифологических героях. При более тщательном рассмотрении древних авторов обнаруживаются слова типа: *horologium* "часы", *pigmentum* "краска, румяна", *anularius* "мастер, изготавливающий кольца", *armilla* "браслет", *sterundia* "трещотка, погремушка" и множество других, которые можно употреблять без всяких изменений. После этого рекомендуют обратиться к лексическим богатствам латинской литературы средних веков и нового времени. Особенно подчеркивал необходимость проработать всю научную литературу на латинском языке от XIII по XIX века для создания терминологии естествознания и математических дисциплин Роберто Буза. Об этом речь шла на третьем совещании. Кроме практического применения в интерлингвистическом аспекте, такая работа имела бы большое значение для формирования научной исторической лексики языков современных европейских народов.

Следующим этапом считается создание новых слов путем деривации на основе латинского словарного материала при строгом соблюдении законов аналогии словообразовательной работы древнеримских авторов. Во вторую очередь допускается применение лексического материала древнегреческого языка, заимствования из которого имели долгую традицию, при этом правила латинизирования грецизмов были установлены уже со времен Цицерона. Облегчает применение греческого и то, что это близкородственный латинскому языку. Но несмотря на это греческие заимствования встречаются подчас и

сильное сопротивление. Даже Антонио Баччи, автор большого словаря нового латинского языка ("Lexicon eorum vocabulorum quae difficilium latine redduntur", в котором 10329 слов, которые не имели раньше соответствия в латыни), советует заменить слова *archivum*, *zelum*, *apologia*, *episodium* чисто латинскими, т.е. соответственно *tabularium*, *studium*, *defensio*, *a re digressio*.

Напротив, Пачитти и многие другие указывают на то, что даже Цицерон, не говоря уже о многих других, смело употреблял греческие (и не только греческие) слова, у Вергилия в "Буколиках" 11 % греческих слов, в сатирах Горация 14 %, в сатирах Персия - даже 20 %.

Кроме того, греческий язык стимулировал создание сложных слов в латинском уже в античные времена, срав. *nubifer*, *agricola*, *alipes*, *refugium*, созданные по образцу греческого языка. Сложные слова для многих участников конгресса являются после простой деривации вторым продуктивным средством создания новой лексики. Пачитти обращает внимание на произведение *Aemilius Springhetti "Institutiones stili latini"* (1954), где предлагаются *operistitium* "забастовка", *harpastiludium* "игра в мяч" и др., но отвергаются гибридные типа *photoringere*, *teleloqui*, *telescribere* и т.д. Подобные смешанные греко-латинские слова считаются большинством ораторов или вообще неприемлемыми, или же допускаются только в некоторых случаях в виде исключения. Сложные слова же из чисто латинских элементов находят одобрение почти всех. Пачитти цитирует Н. Мартинелли, который имеет большой опыт в этом деле, и предлагает образования типа *ferrivia*, *archidux*, *bicyclula*, *pyrobolistula* и др., т.е. латинские, гибридные и греческие слова. Этот способ считают перспективным в создаваемом международном латинском языке и соответствующим его характеру, хотя в античном языке сложных слов было мало, в особенности по сравнению с богатым и удивительно эластичным древнегреческим.

Что касается деривации, то в докладах приводятся многочисленные примеры из произ-

ведений разных авторов практически всех этапов долгой истории латинского языка, начиная с Апулея: *occursaculum* "ночные привидения", *formidamen* "страшилище", "ужас", срав. у Тертуллиана: *advocator* "заступник", "ходатай", *aversatrix* "отрицающая", "отрицательница", у Августина: *collector* "совместно занимающийся чтением", т.е. "школьный товарищ", *dictor* "говорящий" и др., причем подчеркивают, что упомянутые авторы создают и употребляют эти новые производные слова не потому, что раньше в языке вообще не было слов для данных понятий, а для того, чтобы выразить новые семантические нюансы, обогащать словарь и улучшить стиль. Большую работу по деривации сделали латинские писатели Возрождения и нового времени. В произведениях Джованни Понтано, Анджеоло Полициано встречаются многочисленные производные, созданные по аналогии с классическими примерами, срав.: *naeniola*, *frustillum*, *breviusculum*, *funditator*. Этим богатым опытом участники движения живой латыни советуют пользоваться в наше время и предлагают аналогичные дериваты: *sibifer* "официант", т.е. "приносящий пищу", и т.д.

Много споров вызывает вопрос о том, какие новые слова, чисто формально соответствующие имеющимся образцам, действительно приемлемы в новом латинском языке. Йозеф Мир, издатель журнала на латинском языке "*Palaeogra Latina*", опираясь на свое языковое чутье, отвергает образования типа *varornavis* "пароход", *osharmonica* "губная гармоника" и др. просто потому, что звучат они непривычно. Глаголы из греческого *telephonare*, *photographare* он считает сомнительными, но одобряет соответствующие наречия *telegraphice*, *telephonice*, *photographice*.

Особо следует упомянуть о хорошо известных почти во всех новых языках и распространенных по всему современному миру терминах греческого происхождения, многие из которых явно латинизированы. Исходя в своих интерлингвистических предложениях из стилистически единой и как можно более чистой классической латыни, многие участники движения явно

предпочитают им чисто латинские выражения, которые состоят из двух или даже нескольких слов, в особенности если они встречаются уже в произведениях античных авторов: *astronomia - sideralis scientia, geographia - terrarum orbis descriptio, geodesia - terrae metiendae doctrina*. Игнорировать подобные термины по крайней мере в научной литературе трудно. Так, Пачитти на первом совещании заявил: "*Quae ex alia lingua sapienter et prudenter mutuaverimus haud omnino spernenda aut improbanda*" ("то, что мы заимствуем мудро и разумно из другого языка, не следует презирать и отвергать", как *archaeologia*, греческое слово, вместе *antiquitatis scientia*) [1, 76].

Что касается парафраз, описательных словосочетаний для передачи более обычных и повседневных понятий нашего времени, то они широко распространены во всех составляемых на латинском языке текстах, больше всего, конечно, в приветственных посланиях и торжественных речах, где они обычно действительно на своем месте. Но иначе обстоит дело, когда вопрос о них встает в связи с созданием языка как средства международного общения. Многие участники конгресса обращают внимание на то, что люди, в особенности в технически развитом обществе, парафразами не обходятся; если действительно стремиться к идеалу классического языка с более близким ему описательным способом, то латинский язык в качестве средства международного общения никакого будущего не имеет.

Трезвое мнение по вопросу о лексике высказал основатель движения Жан Капелл на втором совещании (1959 г.): "*Moyennant l'acceptation de néologismes qui doivent être brefs et précis - et non de ces périphrases poétiques qui seraient vite ridicules ou intelligibles, dans le domaine scientifique la langue latine peut traiter des sujets les plus divers avec clarté*" ("Воспринимая неологизмы, которые должны быть краткими и точными - и не поэтическими перифразами, которые быстро становятся смехотворными или непонятными - латинский язык в научном плане может

ясно передать самые различные вещи").

Говоря о работе по созданию новых слов, Пачитти утверждает, что иногда довольно длинные описательные словосочетания являются "элегантными" и "утонченными" эквивалентами многих понятий при составлении стихотворений и надписей, например: *feminismus = aequandus mulierum hominumque status*; *realismus = nuda rerum imitatio*; *socialismus = publicorum bonorum distributio in usum omnium* [1, 77]. Но многие поборники латинского языка считают подобные дефиниции приемлемыми и в любом другом тексте, по меньшей мере до тех пор, пока не найдено подходящее слово.

Первое место в словотворческой деятельности лингвистов авиньонского движения занимает создание латинских эквивалентов, соответствующих современным понятиям, путем аналогии прямой (*analogia propria*) и аналогии переносной (косвенной, *analogia translata*). Это словосочетания, обычно из двух слов, которые встречаются в произведениях латинских авторов и по аналогии с которыми можно передать новые понятия. Пачитти приводит предложения Эмилия Спрингетти *cisternata navis*, *petrolearia navis* по образцу античных *rostrata frumentaria navis*. Сравнивая древнеримские игры с современными, предлагают: *harpasti ludus* "игра в мяч", *oblongi follis ludus* "перби", *latrunculorum ludus* "шахматы" (Спрингетти). *Pegma scansorium* "лифт"; *ramentum sulfuratum* или *flammiferum ramentum* "спичка" (Баччи). *Arca loricata* "несгораемый шкаф", *forum nummarius* "биржа", *litterae nummariae* "чек", *mensa nummaria* или *mensa argentaria* "банк" (из словаря финансового дела, составленного Космо Мариано).

Почти все, кто предлагает какие-либо способы для дополнения лексики, упоминают и оноματοпею. Обращают внимание и на то, что изучение образования слов в романских (и других европейских) языках (обычно именно из латинского словарного состава) может иногда быть полезным: "ружье" в итальянском языке *schiorpo*, т.е. от латинского оноματοпоэтического слова *stlorpus* или *scloppus* "шелчок", "удар

по надутой щеке" (доклад Пачитти).

Может быть, самые острые споры вызвал вопрос о заимствовании слов из других языков и в особенности из наиболее распространенных современных западных языков. В принципе сторонники живой латыни стоят на пуристических позициях: "Dum suppetit copia verborum Latinorum, etiam ad senescentem Romanorum aetatem pertinentium, ea inducenda sunt ad res novas significandas" ("пока достаточен запас латинских слов, хотя и относящихся к устаревшей эпохе римлян, следует вводить их для обозначения новых понятий"), - заявил на первом совещании Шарль Эггер, ответственный секретарь журнала на латинском языке "Latinitas". Советуют тщательно и исчерпывающе использовать лексику древнеримских авторов и огромное наследие античных надписей, затем поздних авторов и средневековую литературу, произведения гуманистов, латинский язык которых выделяется особой живостью и дает много смелых лексических решений, и, наконец, литературу последних веков. Но если в самом латинском невозможно найти и создать на латинской же основе требуемое слово, то допускается применение древнегреческого словарного запаса, что имело долгую и плодотворную традицию, начиная с классического периода. Кроме того, рекомендуют перенимать слова из новогреческого: *hama-xostichus* (новогр. *ἁμαξοστάχια* "поезд"), *teletypicum instrumentum* (телетайп), *autosinetum* (новогр. *αὐτοκίνητο* "автомобиль") (доклад Ш. Эггера на первом совещании).

Вопрос о заимствовании из современных языков вызывает много споров. Подавляющее большинство считает усвоение слов новых языков неизбежным, подчеркивая при этом необходимость внимательно соблюдать правила и структурные особенности латинского языка. Эти строгие требования, конечно, очень затрудняют и ограничивают работу по созданию новой лексики. Поэтому высказываются предложения смело применять богатства европейских языков. Альберт Гризар и некоторые другие обращают внимание на тексты Цицерона, общепризнанного образца языковой чистоты, который смело употребляет

в своих произведениях множество неологизмов не только греческого, но и кельтского, пунического и другого происхождения, и открыто говорит о возможности и необходимости заимствования слов: "Если бы Цицерон был жив, - продолжает Гризар, - он несомненно употреблял бы слова radio, radar, radiographia, bomba atomica, arma nuclearia и, может быть, даже automobile, которое склонял бы, как subile." Далее, Гризар допускает принятие слов даже без латинского окончания (sous une terminaison latinisée ou non) [1, 18]. И в этом он не одинок: Луиджи Гуерчио (из Салерно), указав на новаторский дух и смелость гуманистов, спрашивает, как поступить с английским словом, которое часто "non può adattare il suo cinguettio nativo al disteso suono del latino? Ebbene, che fa? Sul Palatino vi sono gli usignuoli di Virgilio e i passeri d'Evandro" ("не может приспособить свое исконное звучание растянутой мелодии латинского языка? Ну, так что же, что делать? На Палатинском холме не только соловьи Вергилия, но и воробьи Евандра") [1, 23]. Значит, в качестве последнего варианта некоторые латинисты одобряют и несклоняемые слова из практики живой современной речи, но там, где это можно, следует прибавлять латинское окончание, например: safaeum "кофе", chocolatilla "шоколадная конфета" и т.д. Последние неологизмы предлагает Луиджи Гуерчио, который обращает внимание на другой возможный источник - на южноитальянские диалекты как наиболее близкие к латинскому, более близкие, чем, например, итальянский литературный язык.

В целом поборники живой латыни делятся на два лагеря. В одном те, кто придает сохранению духа и характера латыни золотой эпохи первоочередное значение и стоит, таким образом, на позиции древнего римлянина, глядя на вещи его глазами: что хорошо и понятно воспринимаемому человеку времен Цицерона, то хорошо и должно быть основой. Другие же стоят на позиции современного европейца и свойственного ему мира, например, многие участники конгресса употребляют lingua commenticia "ис-

кусственный язык" вместо *lingua artificialis* - то и другое в основе чисто латинское, но второе было бы понятно подавляющему большинству народов европейского происхождения, первое же следует специально выучить.

В конечном счете при одобрении или неодобрении слова или словосочетания большую роль играют личные пристрастия. После теоретических рассуждений одобряются либо отвергаются без всяких обоснований неологизмы различного типа. Ш. Эггер отвергает слова *filmus*, *radio-diffusio*, *aviatio*, *radar* и называет их "чудовищными". Первое из них, снабженное латинским окончанием, действительно звучит странно, следующие три воспринимаются, как хорошие латинские слова.

Слабым местом латинской лексики и словообразования Ж. Бейе считает недостаточную ее гибкость, особенно когда речь идет об образовании сложных слов, и "скольжение производных слов в сторону семантической автономии и отсюда опасность прибегать к этимологии" ("*glissement des dérivés vers l'autonomie sémantique, et par suite, danger de recourir à l'étymologie*") [1, 52]. Дискутируется и вопрос о методологических проблемах в словотворческой работе латинского языка. Мишель Рамбо на третьем конгрессе предостерегает от необдуманного переосмысления древних латинских слов. Например, если придать слову *currus* новое узкое значение "автомобиль", то в дальнейшем это помешает употреблять производные от *currus* (*curriculum* и т.д.) для обозначения других понятий, не имеющих ничего общего с автомобилем.

+ + +
+

В вопросах грамматики расхождений во взглядах участников конгрессов гораздо меньше, поскольку все едины в том, что морфологическую систему классической латыни следует полностью сохранять. Почти единственным отклонением от классического языка автор базового доклада по

грамматике на первом конгрессе Жан Бейе считал допустимым разрешить образование сравнительной и превосходной степеней прилагательных аналитическим путем, при помощи вспомогательных слов *magis* и *maxime*, что в грамматике классического языка допускается только для некоторых прилагательных. Говорилось также об удалении или ограничении исключений (хотя в конечном счете решение этого вопроса мало что дает), однако некоторые решительно возражали (Эдуард Борнеманн, на втором конгрессе), утверждая, что изъятие исключений нарушает систему и угрожает основам языка.

Больше дискутировался вопрос об упрощении синтаксиса. На третьем конгрессе Р. Мараш предложил сохранять только основные правила *consecutio temporum*, не считаясь с разными видами придаточных предложений. Но общего одобрения это предложение не нашло. Ж. Бейе же возражал против всяких изменений в синтаксисе, так как в латинском все глубоко осмыслено и мудро обосновано. Выход усматривается в составлении грамматики-минимум, в которой были бы даны самые простые и ясные конструкции латинского языка, с успехом применяемые как в научной литературе, так и в общении между людьми. Вместо подчиненных предложений предлагалось делать упор на сложносочиненные предложения и на свойственные латинскому языку ясные и краткие инфинитивные конструкции. Таким образом, дискуссии по грамматике по большей части сводились к рассуждениям о том, как составить необходимый минимум синтаксиса и как его преподавать в аудитории.

+ + +

+

О латинском произношении, об истории и последних результатах его научного исследования выступил с докладом на первом конгрессе профессор кильского университета Эрих Бурк. Решено придерживаться т.н. восстановленного произношения, т.е. первоначального произноше-

ния времен создания латинского литературного языка. Хотя Бурк и другие требуют соблюдения всех тонкостей классического языка в этой области, они же признают, что возможные отклонения от этой нормы и национальные различия не будут большим препятствием в применении языка в международном общении. Об этом свидетельствует многовековая практика латинского языка у европейских народов. Многие считали введение реставрированного произношения все-таки слишком трудным и советовали допустить по меньшей мере два варианта: кроме классического, еще т.н. итальянское произношение, т.е. чтение буквы s перед e и i как [ч]. В целом подчеркивалась необходимость единого произношения, но констатировано, что достижение этой цели в ближайшем будущем нереально, и сохранение национальных особенностей произношения неизбежно.

+ + +
+

Отвечая на вопрос, почему именно латинский язык предлагается в качестве международного средства общения, авторы докладов и выступлений указывают в первую очередь на долгую историю этого языка, который проявил удивительную силу экспансии, распространяясь за сравнительно короткий срок на огромные территории и ассимилируя большое количество самых различных языков и диалектов. Сохраняя затем свои позиции, позиции практически единственного литературного языка у европейских народов в течение почти полутора тысяч лет, он успешно доказывал свою способность быть средством интернационального объединения самых разных народов, средством общения, которое в состоянии приспособиться к самым различным условиям и потребностям общества. Указывают и на объединяющую народы роль большого количества общих слов и других языковых элементов латинского происхождения в современных языках, которые являются как эмоциональной, так и практической основой латыни в качестве возможного

международного языка. Кроме большого авторитета в культурном и историческом плане, сюда прибавляется еще ясность и сравнительная краткость выражения, но это последнее касается только тех областей знания и общения, где латинский язык имеет длительную традицию; говоря же о явлениях современного общества (и не только технических), следует отметить, что латинский текст часто длиннее, а иногда просто громоздкий по сравнению с новыми языками.

Другие возможные возражения против латинского языка заключаются в общем отношении к нему. В пятидесятые годы были еще живы моменты социального престижа знающих этот язык. В течение долгого периода в школах для привилегированных обучали усиленно античным (и в особенности латинскому) языкам. Это побудило отрицательное отношение к нему в непривилегированных слоях населения. На совещаниях, где все признали необходимость сохранять и развивать культурные, педагогические и исторические ценности латыни, одни участники ставили на первое место именно эту сторону вопроса и не находили возможным идти на уступки в деле упрощения языка и даже обучения латинским авторам в школе. Другие, которых в первую очередь интересовал интерлингвистический аспект, смотрели на будущее латыни более практично. Они требовали прежде всего простоты и в грамматике, и в лексическом вопросе. Создать стиль самых несложных синтаксических элементов латинского языка, не употреблять, кроме поэтических произведений, редкие слова и сложные выражения, чтобы все могли понять при первом чтении или слушающая живую речь. Советовали избегать сослагательного наклонения и подчиненных предложений, использовать как можно больше прямую речь или, в крайнем случае, сложносочиненные предложения (Огюст Ори из Бордо, ботаник Анри де Аббей из Ренна и др.).

Много спорили и о том, какими должны быть нормы "живой латыни". Практически все соглашались с тем, что основой может быть только язык золотой эпохи, первого века до н.э. Но как совместить это требование с литературной практикой всех последующих времен, язык которых

большинство участников конгрессов считали наиболее ценным и многообещающим в интерлингвистическом аспекте? Как показали последующие совещания, проблема эта оказалась довольно трудной. Получившие задание на первом конгрессе создать соответствующие нормы, руководства и учебные пособия оказались в больших затруднениях и предлагали начинать подобные работы на более широком основании.

Р. Фалл (Льеж), выступавший на третьем совещании, считает, что латинский язык был достаточно единым в течение всего периода своего существования. Спрингетти с этим не соглашается и считает неизбежным основываться на одном периоде. Часто возвращались участники конгресса прямо к вопросу о Цицеронианстве, который полностью еще не изжит и в наше время. Почти все выступившие по этому вопросу указывали на то, что сам Цицерон не ограничивал нормы узкими рамками, а создал для своего времени язык на самой широкой основе и был готов принять самые разные новшества. Примером наилучшего соединения требований о хорошем, нормированном языке с необходимостью добиваться живости, гибкости и новаторства считали многие Эразма Роттердамского, в латинском творчестве которого много указаний того, как изменять латинский язык в измененной обстановке, сохраняя при этом высокий уровень языковой культуры.

ЛИТЕРАТУРА

1. Premier Congrès International pour le Latin vivant. Avignon, 3 - 6 septembre 1956. - Avignon: Edouard Aubanel, 1956.
2. Deuxieme Congrès International pour le Latin vivant. Lyon - Villerbanne du 8 au 18 septembre 1959. - Avignon: Edouard Aubanel, 1959.

3. Troisième Congrès International pour le Latin vivant, Strasbourg, du 2 au 4 septembre 1963. - Avignon: Edouard Aubanel, 1963.
4. Quatrième Congrès International pour le Latin vivant, Avignon, du 1 au 3 Avril 1969. - Avignon: Edouard Aubanel, 1969.
5. Cinquième Congrès International pour le Latin vivant. Pau. Du 1 au 5 Avril 1975. - Avignon: Aubanel, 1975.

TENTATIVE CONTEMPORAINE DE RENDRE LE LATIN VIVANT

Jüri Maadla

Au cours des congrès internationaux pour le Latin vivant qui se sont déroulés en France de 1956 à 1975 sous la participation des latinistes de la plus haute culture et des représentants des professions les plus diverses on a traité des problèmes du latin comme un moyen de communication internationale ainsi que des perspectives de l'enseignement de la langue et de la culture latines en général. Tout en restant sur les positions de la langue classique les congressistes ont rejeté presque toute simplification dans le domaine de la grammaire et ont cherché de trouver une issue dans les moyens méthodologiques et pédagogiques en créant un style (resp. des styles) à partir des éléments syntaxiques les plus simples et clairs capables de satisfaire aux exigences d'une langue internationale. Le problème central sous l'aspect interlinguistique a été celui de l'introduction de nouveaux mots dans le lexique latin pour désigner des notions et des objets de la société de nos jours. Les participants des congrès ont été presque unanimes à adopter le principe qu'en premier lieu il faut épuiser

les recherches lexicales de la littérature latine. Dans la formation de nouveaux mots on doit suivre strictement les exemples de la langue classique et des écrivains d'autorité. En empruntant aux langues étrangères il faut donner la préférence au grec ancien (et moderne). En ce qui concerne les langues modernes, les opinions divergent, mais en général on recommande la plus stricte précaution: adapter le mot emprunté à la structure latine, ajouter les désinences latines et observer toutes les règles de la langue classique.

ВКЛАД РУССКОГО ЯЗЫКА В СТРУКТУРУ ЭСПЕРАНТО

Б.Г. Колкер

1. ОСНОВНЫЕ СТРУКТУРНЫЕ ПРИНЦИПЫ ЭСПЕРАНТО

Из всех проектов планового языка международный язык эсперанто получил наибольшее распространение, что объясняется рядом экстралингвистических и внутривидовых факторов [7]. Среди последних следует особо подчеркнуть удачное сочетание двух трудно совместимых принципов: интернациональности и регулярности, основанной на аналогии.

Иногда интернациональность понимается очень широко. Так, К. Пирон утверждает, что эсперанто характеризуется романо-германской лексикой, славянским синтаксисом и агглютинативной морфологией, свойственной неиндоевропейским языкам [19, 125]. Подобные утверждения встречаются и у других авторов [8, 35; 9, 31; 11, 21]. Создатель основ эсперанто Л.М. Заменгоф так описывал процесс своей работы над формированием основ планового языка: "Взяты самые известные слова арийских языков и очень осторожно препарированы так, чтобы они соответствовали совершенно регулярной грамматике, орфографии и практической применимости, и чтобы слова и формы не пришли в столкновение друг с другом" [30, 96].

Эсперанто основан на интернациональных языковых элементах (интернационализмах), прежде всего лексических. В сущности, речь идет о европеизмах, которое чрезвычайно многочисленно. В.В. Акуленко говорит о своей картотеке, отражающей "свыше 6500 изоглосс интернационализмов и псевдоинтернационализмов, которые объединяют русский, английский, немецкий и французский языки и встречаются в пределах 60 тысяч наиболее распространенных слов каждого языка" [1, 7]. Этот общий фонд основан на этимологических источниках - латинском и греческом языках.

Говоря об источниках эсперанто, обычно утверждают [9; 11; 6], что вклад славянских языков, и, в частности, русского языка, невелик, а Ф. Модриян [18] прямо говорит о том, что эсперанто состоит не из элементов разных языков, а основывается большей частью на латинских элементах. Необходимо, однако, подчеркнуть, что источник эсперанто - не отдельные языки, а общеевропейский интернациональный фонд, состоящий прежде всего из элементов, общих французскому, английскому, немецкому и русскому языкам; при этом учитываются также латинский, греческий, итальянский и польский языки, т.е. те языки, которые знал Заменгоф [13, 19-204]. Sporадически встречаются и элементы других языков. Эсперанто - это отражение языковой картины, существовавшей в созна.ии Заменгофа.

По историческим причинам наибольшее число интернационализмов восходит к латинскому языку, который непосредственно или через живые романские языки оказал большое влияние на германские и славянские языки. Однако изоглоссы далеко не всегда проходят по всем языкам. Поэтому в формировании и развитии эсперанто русский язык играл и играет роль контрольного языка: в эсперанто вошли и входят прежде всего европеизмы, являющиеся элементами русского языка, и чаще всего в форме, которую они приобрели в русском языке. В этих условиях нет возможности определить, из какого именно языка эсперанто взял, например, такие корни: *plan, sport, spektakl, telefon, tabak, teatr, vagon*, ибо они существуют во всех основных европейских языках; следовательно, их источником можно считать все основные европейские языки вместе и каждый из них в отдельности. Если для обозначения каких-либо понятий не находилось абсолютных интернационализмов, то брались элементы, существующие в двух или в одной языковой группе, в нескольких или даже всего лишь в одном языке.

Итак, эсперанто - языковая система, основанная на общеевропейском языковом (прежде всего, лексическом) фонде, с привлечением эле-

ментов, отсутствующих в этом фонде. Поэтому несостоятельна критика эсперанто в том, что он не учитывает неевропейские языки [4, 136]: такой конгломерат был бы начисто лишен интернациональности.

Однако принцип интернациональности не является фетишем в эсперанто, как это имеет место в идо и особенно в интерлингве. При необходимости он приносится в жертву принципу регулярности, который позволяет свести язык к небольшому количеству исходных элементов с простыми правилами их сочетания. Этим объясняется многое в эсперанто: наличие довольно большого количества слов нероманского происхождения; семантические пары, восходящие к одному первоисточнику; агглютинативный характер формо- и словообразования, таблица коррелятивных слов, система личных местоимений, система количественных числительных; модели аффиксации и словосложения, не знающие исключений; некоторые аффиксы, образованные по аналогии; формы причастий, один артикль для всех случаев, прозрачность синтаксической структуры, фиксированное ударение и т.д.

Чаще всего речь идет о том, что теперь называют заполнением пустых клеток: какие-то элементы этнических языков берутся в качестве основы для модели, которая распространяется на все аналогичные элементы языка без исключения. Неограниченная регулярность в подструктурах языка позволила эсперанто стать автономным, т.е. независимым от других языков, и очень богатым производными элементами вследствие того, что на возможности комбинаторики накладываются в основном лишь семантические ограничения и почти не накладываются ограничения, постулируемые узусом. Некоторые из проявлений принципа регулярности будут рассмотрены подробнее ниже.

2. РУССКИЙ ЯЗЫК - ОДИН ИЗ ОСНОВНЫХ ИСТОЧНИКОВ ЭСПЕРАНТО

Создатель основ эсперанто Заменгоф родился и прожил всю жизнь в России, точнее, в

польской части Российской империи. Русский язык был для него родным: на нем он учился, большей частью читал, писал, общался. Вот свидетельства самого Заменгофа: "Языком моего родительского дома был русский язык" [29, 274]. "Больше всего я любил тот язык, на котором я воспитывался, т.е. русский язык; я изучал его с самым большим удовольствием; я мечтал когда-нибудь стать большим русским поэтом... Я свободно говорю только на трех языках: русском, польском и немецком" [29, 32].

Создавая основы своего языка, Заменгоф, сознательно или подсознательно, смотрел на все через призму русского языка. Это объясняется не только тем, что русский язык был для него родным, но и тем, что Заменгоф признавал выдающиеся качества русского языка и его мировое значение. Он любил русскую литературу и мастерски перевел на эсперанто пьесу Н.В. Гоголя "Ревизор".

Но даже те немногочисленные эсперантологи, которые специально изучали вклад славянских и, в частности, русского языка в эсперанто, замечали лишь отдельные детали, не видя того, что вся система эсперанто подверглась влиянию русского языка. Это, однако, не помешало им высказать такие утверждения: "Влияние славянских языков проявляется на глубине, тогда как влияние романских и германских языков видно на поверхности" [9, 52]; "Влияние - прямое и косвенное - русского языка на эсперанто глубже, чем это можно заключить из поверхностного исследования" [6, 16]; "За латинским фасадом кроется славянский механизм" [11, 21].

Именно на русском языке вышла первая книга о новом международном языке [2]. Затем появились ее издания на польском, французском, немецком и английском языках. Русский язык - один из пяти, использованных в базовом документе эсперанто-движения, который был объявлен в 1905 г. на 1-ом Всемирном конгрессе эсперантистов неприкосновенной основой данного языка, на которой он должен был развиваться [27].

Первые годы эсперанто распространялся почти исключительно в России, в связи с чем этот период эсперанто-движения получил название русского [9, 32]. Первые эсперантские писатели и переводчики тоже были в основном из России. У некоторых из них родным был польский язык (Кабе, Грабовский), но русским языком они владели свободно, пользовались им каждодневно, переводили с него на эсперанто художественные произведения. Эти авторы, наряду с Заменгофом, сформировали модели словообразования, фразеологии, синтаксиса, стилистики эсперанто: "В результате влияния славянских языков на эсперанто через посредство многочисленных русских и польских писателей первого времени язык приобрел большую свободу стиля и приятную гибкость во фразе, какой не обладают такие фиксированные языки, как французский или английский" [20, 73].

Лучшие произведения первых лет были отредактированы Заменгофом и изданы в 1903 г. книгой в качестве образца эсперантской нормы, предназначенного для подражания [26]. С тех пор язык значительно развился и отшлифовался, поэтому 17-ое издание книги снабжено многочисленными комментариями редактора, которые в основном корректируют (не всегда бесспорно) архаизировавшиеся русизмы.

Когда центр эсперанто-движения под влиянием неблагоприятных обстоятельств, имевших место в царской России [3, 26-27], переместился в Западную Европу, основные нормы эсперантской речи уже были выработаны и продолжали оказывать влияние на узус, и западные эсперантские авторы, не обладая знаниями русского языка, использовали модели, пришедшие из русского языка. Логично предположить, что если бы начальный этап эсперанто-движения протекал в Западной Европе, эсперанто выглядел бы сегодня несколько иначе.

Новый взлет эсперанто-движения произошло в СССР в 20-30-ые годы, а затем после 1956 г. [16], и появление многочисленных новых русскоязычных авторов не могло не отразиться на словоупотреблении, семантике, фразеологии эсперанто.

В кратком описании языка, которое дал Заменгоф в так называемой первой книге [2], влияние русского языка не бросается в глаза. Но анализ корпуса эсперанто позволяет выявить большой вклад русского языка, который является результатом генетической, типологической или генетико-типологической общности (впрочем, в плановом языке эти явления часто трудно отделить друг от друга); этот вклад никогда не прекращался, хотя его интенсивность, в силу исторических обстоятельств, далеко не всегда была равномерной. Чем абстрактнее уровень языка, тем значительнее эта общность.

Хотя вопрос о вкладе славянских и прежде всего русского языка в эсперанто неоднократно затрагивался, благотворность его отмечается исследователями лишь вскользь: "Знание этого языка необходимо для серьезных исследований... Еще больше необходимо это знание для того, чтобы вести развитие языка в правильном направлении, указанном Заменгофом" [22, 32]; "Сегодня очень не достаёт в нашем языке [т.е. в эсперанто] благотворного русского влияния" 21,15].

3. ФОНОЛОГИЯ, ФОНЕТИКА, ГРАФИКА

В этих областях наблюдается сбалансированное сочетание принципов интернациональности и регулярности.

Эсперантская фонемика является близкой копией русской фонемики, в которой значительно уменьшена позиционная вариативность.

Вокализм эсперанто в основном соответствует вокализму русского языка: [а], [е], [і], [о], [и]. В обоих языках наблюдается полное совпадение артикуляторных характеристик по степени и месту подъема языка, по наличию или отсутствию лабиализации. Поэтому интернациональные слова входят в эсперанто чаще всего с теми же гласными фонемами, которые употребляются в этих словах при заимствовании их русским языком. Фонемный состав эсперантских слов, особенно вокализм, часто может служить моделью для еще не заимствованных русским языком слов.

Вследствие некоторых особенностей своей морфологии эсперанто изобилует ложными дифтонгами типа *aj*, *oj*: *grandaj domoj*. Такого рода ложные дифтонги характерны и для русского языка, хотя здесь причиной являются совсем другие морфологические особенности: прежде всего окончания прилагательных и некоторых притяжательных местоимений в им. падеже, окончания существительных, прилагательных и местоимений в косвенных падежах. Очевидно, частая встречаемость этих ложных дифтонгов в окончаниях русских слов послужила Заменгофу моделью для формы окончаний множ. ч. существительных и прилагательных. Эти формы — одна из основных мишеней критики эсперанто.

Консонантизм эсперанто включает 23 фонемы. С точки зрения носителей романо-германских языков существует дисбаланс между бедным вокализмом и излишне богатым консонантизмом. Он объясняется тем, что эсперантский консонантизм близко копирует русский: если отвлечься от противопоставления по твердости-мягкости, то все согласные фонемы русского языка имеют аналоги в эсперанто. Этого нельзя сказать об английском, французском и немецком языках.

Хотя фонемы [с], [ĉ], [ĥ], [j], [ĵ], [ŝ] встречаются в романо-германских языках, ни в одном из них они не представлены все, что свидетельствует об их вхождении в эсперанто из русского языка. Д. Грегор [11, 8] ссылается на О. Есперсена, утверждавшего, что Заменгофу нравились шипящие и дифтонги, потому что они характерны для славянских языков. Фонема [ĥ], хотя и существует в некоторых романо-германских языках, появилась в эсперанто со словами, взятыми из русского языка. В дальнейшем она стала широко применяться для слов непосредственно или опосредованно заимствованных из греческого языка, но в настоящее время она систематически вытесняется фонемой [k], т.е. *ĥesio* → *kesio* и т.д. Несмотря на употребление различных аллофонов [r] под влиянием этнических языков, переднеязычный вибрирующий [r], характерный для русского языка, приобретает статус нормативного [9, 35;

25, 26]. Во всяком случае на него переходят носители языков, в которых оно отсутствует, но обратного явления не наблюдается.

Эсперанто пользуется латинским алфавитом, дополненным двумя диакритическими знаками. Алфавит является фонематическим, поэтому мы используем здесь знаки эсперантского алфавита и для обозначения фонем. Соответствие "одна буква - один звук" и "один звук - одна буква" является следствием применения принципа регулярности и было введено, очевидно, под влиянием русской графики, где отсутствуют диграфы, а позиция буквы редко приводит к чтению, выходящему за пределы позиционного варьирования фонемы. В русском алфавите нет эквивалентов латинским q, w, x, y, и в эсперантском алфавите этих букв также нет.

В качестве заменителей диграфов Заменгоф использовал буквы с диакритическими знаками. Для обозначения неслогового u была использована диакритика ^u, взятая, по единодушному мнению эсперантологов, из русского алфавита по модели буквы й [6, 10; 9, 34; 11, 7]. Эта диакритика существовала в современной форме еще в первоначальном проекте языка [28, 103], тогда как вторая диакритика ^h, существовавшая в том же проекте, была затем заменена на ^h. Она применяется для согласных и появилась, очевидно, по образцу чешских и/или литовских букв č, š. Заменгоф распространил этот знак на буквы h и j, а положение знака изменил на ^h (применяется во французской графике, но только для гласных). Так появились буквы ĉ, ĥ, ĵ, ŝ, ŭ.

Это смелое применение принципа регулярности сразу сняло многие проблемы, связанные с орфографией, а также помогло создать среднюю форму некоторых слов, облик которых довольно разнится в романских и германских языках. Но эти надстрочные знаки явились другой мишенью критики эсперанто, которая не прекращается до сих пор даже среди эсперантистов [15].

Хотя эсперанто пользуется латинской графикой и большинство слов в нем имеет неславянское происхождение, графическая форма многих интернациональных слов напоминает не столь-

ко их прототипы, сколько практическую транскрипцию соответствующих русских слов: akvarelo, kvartalo, buljono, duŝo, trotuaro, kupeo, marŝalo, ŝoseo, ŝnuro, viskio, rozo [6, 14]. В связи с этим интересно замечание В.В. Акуленко: "Русский язык обычно транскрибирует заимствуемые слова, тогда как в западноевропейских языках заимствуемые слова транслитерируются, что нередко ведет к их буквальному совпадению в ряде языков ... Наиболее фонетична русская орфография, обеспечивающая для 90 % слов связь написания с произношением. Затем следует немецкая, французская и, наконец, английская" [1, 99]. Поэтому именно русская форма интернациональных слов бралась чаще всего за основу соответствующих эсперантских слов, т.е. в таких случаях фактически происходит повторная транскрипция, на этот раз средствами латинской графики.

4. МОРФЕМИКА

Несмотря на то, что материалом для построения эсперанто послужили романо-германославянские языки, его морфемика основывается на принципе агглютинации. Эсперанто - максимально агглютинативный язык не только количественно, поскольку его индекс агглютинации равен 1,00 (тогда как в суахили он составляет 0,67, а в якутском языке 0,51 [25, 33-34]), но и качественно: эсперантские деривационные и реляционные аффиксы не варьируют, как это имеет место в тюркских языках вследствие сингармонизма, и даже могут выступать в функции корней, образуя слова. С другой стороны, эсперанто - агглютинативный язык вследствие невариативности его морфем, но он фузионный язык вследствие нечеткости пограничных сигналов между морфемами, что ведет к омонимии (dom-aĉ-eto "домишко", dom-aĉeto "покупка дома"). Кроме того, эсперанто не обладает рядом свойств, характерных для этнических агглютинативных языков.

Заменгоф начал заниматься разработкой нового языка, еще учась в гимназии. Простота

английской морфологии навела его на мысль не включать в плановый язык идиоматические элементы грамматики. В результате грамматика создаваемого им языка чрезвычайно упростилась. Но проблема упрощения лексики долго не решалась.

Однажды, проходя по улице, юный Заменгоф задумался над двумя вывесками: "Кондитерская" и "Швейцарская". Одинаковая финаль этих слов и их близкая семантика навели его на мысль об огромных возможностях аффиксации для кардинального уменьшения количества необходимых слов [31, 29-30]. Сопоставляя русские производные слова, он определил семантику многих аффиксов. Правда, вследствие фузионности русской морфемике здесь оказалось много сложностей: наличие вариативности, омонимии и синонимии аффиксов, их спайка с соседними морфемами. И все же аффиксация в русском языке гораздо более развита, а морфемы легче выделяются, чем в романо-германских языках.

Применив к идее, которую ему подсказала богатая деривация русского языка, принцип регулярности, Заменгоф пришел к выводу о необходимости широко использовать в плановом языке деривацию и придать каждому аффиксу только одну форму и одно значение. Теперь, по аналогии, этот принцип был распространен на другие морфемы: корневые и, что очень важно, реляционные, т.е. агглютинация на уровне словообразования была распространена на весь уровень морфемике. Так же как сумма деривационных аффиксов дает комплексную деривационную семантику, сумма реляционных аффиксов стала давать комплексную реляционную семантику: например, существительное множ. ч. вин. пад. стало выражаться сочетанием трех неизменных реляционных аффиксов, имеющих соответствующую семантику.

Таким образом морфемика приобрела агглютинативную структуру. Но Заменгоф пошел дальше: если каждая морфема имеет только одну форму и только одно значение, то форма и семантика слова являются простой суммой форм и значений его компонентов. Поскольку исчезла четкая граница между корневыми, деривационными и реляционными морфемами, появилась возмож-

ность ввести их все в словарь, т.е. элементы морфемики стали элементами словаря.

К этой новой морфологической структуре оказалось легко приспособить очень продуктивное словосложение немецкого языка.

В результате такого последовательного применения принципа регулярности реляционная иерархия в синтагматике слова были сведены к композиционной иерархии.

Таким образом, можно констатировать парадоксальное явление: неагглютинативный русский язык повлиял на эсперанто агглютинативно. Моделью послужила богатая деривация русского языка и довольно отчетливая вычленяемость его аффиксов. Остальное явилось результатом последовательного применения аналогии.

Представленная гипотеза позволяет объяснить происхождение агглютинативности эсперанто не влиянием финно-угорских или тюркских языков, а генетико-типологической общностью русского языка и эсперанто. Она подтверждается легкостью поморфемного перевода на эсперанто многих русских слов: выдумка - *elpensaĵo*, неопиcуемый - *nepriskribebla*, бессмыслица - *sensensaĵo*, переизданный - *reeldonita*, самовоспламенение - *memflamiĝo*, ускорить - *plirapidigi*, раздвоиться - *disduiĝi*, вручить - *enmanigi*, перенаселенность - *troloĝateco*, соавторство - *kunautoreco*, выкрутиться - *elturniĝi*, разбросанность - *disĵetiteco*, писательница - *verkistino*, полузабытый - *duonforgesita*, соотечественник - *sampatrujano*. Следует отметить, что начинающие русскоязычные эсперантисты, ощущая словообразовательную аналогичность русских и эсперантских слов, пытаются поморфемно калькировать все русские слова. Это нередко дает, особенно при некорректном словообразовательном анализе, ненормативные, курьезные и даже бессмысленные слова.

5. АФФИКСАЦИЯ

Аффиксация играет в эсперанто чрезвычайно важную роль, т.к. она позволяет строить производные слова из исходных морфем так же лег-

ко, как строятся свободные синтаксические словосочетания из слов. Степень интернациональности аффиксов гораздо ниже интернациональности корней и основ. Чаще всего они заимствуются в составе слов и вычленяются в лексемах однотипной структуры. Подробное исследование (хотя не во всем полное и безошибочное) этимологии эсперантских аффиксов сделал А. Холцхаус [13, 205-232]. Независимо от происхождения, эсперантские аффиксы ведут самостоятельную жизнь: обладая активной продуктивностью, они образуют массу слов, для которых не существует аналогов с тем же аффиксом в языке-источнике этого аффикса. Начнем с аффиксов, единственным или основным источником которых является русский язык.

Префикс пра- (давний, первоначальный): праavo "прадед".

Суффикс -ej- (место) создан по модели финали русских слов "кондитерская", "швейцарская" [31, 29-30] с опорой на финали слов типа "улей" и на немецкие слова с суффиксом -ei: Bäckerei "пекарня". Срав. эсп. lernejo "школа". Возможна также ассоциация с формантом j(e): заречеье, жилье.

Суффикс -il- (орудие, средство) образован из финали русских слов типа: кадило, удило, кропило, мерило, светило, шило; возможно, с опорой на подобные аффиксы немецкого и французского языков. Например: tranĉilo "нож".

Суффикс -uj- (вместилище, страна, фруктовое дерево). Вероятно, вначале он означал только страну и ведет свое происхождение от русского -ий-: Англия. Под влиянием французского суффикса -ier (cendrier, encrier) и аналогично русского форманта -ница он приобрел также значение вместилища [13, 226-228]. Например: Anglujo "Англия", cindrujo "пепельница", inkujo "чернильница". Срав. поразительно сходные структуры: rusujano и "россиянин".

Уменьшительно-ласкательные суффиксы -ĉj- (для лиц мужского пола) и -nj- (для лиц женского пола): Peĉjo "Петечка", paĉjo "папочка", Maŋjo "Маня", "Машенька", onjo "тетенька". Некоторые эсперантологи [24, 68; 6, 13; 9, 35] ошибочно возводят происхождение -ĉj- к демиинутивам типа "Алеша". Эти два суффикса - един-

ственные, которые нарушают агглютинативность эсперанто, ибо они обычно присоединяются к усеченному корню. Любопытно отметить, что для индоевропейских языков, в том числе и русского, характерна нерегулярность образования деминутивов.

Рассмотрим интернациональные аффиксы, имеющие аналоги в русском языке, так же как в основных европейских языках.

Префикс eks- (бывший): eksĉampiono "экс-чемпион".

Префикс re- (повторение, возвращение): reorganizi "реорганизовать". Кроме того, в русском языке употребляется с той же семантикой близкий по форме префикс пере-: переделать - refari.

Суффикс -an- (житель, член, последователь): urbano "горожанин", kristano "христианин", amerikano "американец". Срав. приведенное выше rusujano "россиянин". Здесь интернациональный суффикс опирается на исконно русские суффиксы -анин, -анец.

Суффикс -ar- (совокупность): vortaro "словарь", arbustaro "кустарник".

Суффикс -ebl- (возможность): transportebla "транспортабельный", legebla "читаемый", также "рентабельный".

Суффикс -in- (женский пол): diino "богиня", princino "княгиня", heroino "героиня", monaĥino "монахиня". Здесь заимствованный суффикс совпадает по форме и семантике с исконно русским.

Суффикс -ism- (учение, течение): modernismo "модернизм".

Суффикс -ist- (профессия, приверженец идеи): traktoristo "тракторист", marksisto "марксист".

Несколько аффиксов характеризуются ограниченной степенью интернациональности, но имеют аналоги в русском языке.

Суффикс -ad- (продолжительность действия): blokada "блокада", bravado "бравата". Он введен в эсперанто как семантический аналог русского суффикса -ива- (-ыва-), служащего для образования глаголов несовершенного вида со значением длительности действия: demandadi "спрашивать", rakontadi "рассказывать", и как аналог русских формантов -ание, -ение: aten-

dato "ожидание", movado "движение". Здесь нерусский элемент поддерживается системой русского языка. Русскоязычные эсперантисты, в том числе Заменгоф и первые авторы, в сознании которых глагол всегда должен иметь форму вида, злоупотребляли суффиксом -ad-, пытаясь непременно придать эсперантскому глаголу формальный признак несовершенного вида. Статистика показывает, что по частоте употребления у Заменгофа этот суффикс стоит на первом месте, значительно превышая частоту других аффиксов [10, 566]. Статистика современной разговорной речи, когда среди информантов не было ни одного русскоязычного эсперантиста, поставила этот суффикс лишь на пятое место, причем его частота значительно уступает частоте первых четырех аффиксов [23, 4].

Суффикс -aĵ- (конкретный предмет): fiksaĵo "фиксаж", montaĵo "монтаж". Впрочем, в русском языке суффикс -аж, заимствованный с французскими словами, чаще имеет другие значения. С другой стороны, русский язык пользуется рядом других суффиксов с той же семантикой. Поэтому эсперантские слова с суффиксом -aĵ- имеют в русском языке гораздо больше эквивалентов, чем в романо-германских языках (aĉetaĵo "покупка", trovaĵo "находка", diabloĵo "чертовщина", kokinaĵo "курятина", ovaĵo "яичница"), т.е. широкое употребление этого суффикса поддерживается русской семантикой.

Суффикс -et- (уменьшительность): statueto "статуэтка", simfonieto "симфонietta".

Суффикс -ul- (лицо, характеризующееся определенным свойством): kapriculo "капризуля", malpurulo "грязнуля".

Два суффикса итальянского происхождения введены, вероятно, с опорой на русский язык.

Суффикс -aĉ- (презрение) - возможно, с опорой на суффикс и финаль некоторых русских слов с уничижительным значением: ловкач - lertulaĉo, рифмач - rimulaĉo, кляча - ĉevalaĉo.

Суффикс -es- (отвлеченное качество) - возможно, с опорой на русский суффикс -ость. (-есть) с той же семантикой: свежесть - fre-

Ĥeso, схожесть - simileco.

Наконец, есть несколько априорно созданных аффиксов, форма которых имеет некоторое отношение к русскому языку.

Суффикс -eg- (увеличение) - образован, вероятно, по аналогии с суффиксом -et- (уменьшение); есть предположение, что с опорой на русский суффикс -яг- в словах: хитряга - ĥitezgulo, штормяга - ŝtormego [24, 65].

Суффикс -er- (частица) образован по аналогии с суффиксом -ar- (совокупность), который ведет свое происхождение из русского языка. Семантически ему соответствуют слова с суффиксом -инк-: sablero "песчинка", neĝero "снежинка".

Суффикс -or- (собирательное числительное), образован, вероятно, по аналогии с суффиксом -on- (дробное числительное) и/или с распределительным предлогом po, взятым из русского языка: duore "вдвоем" [24, 66].

Несколько эсперантских аффиксов не имеют формальных аналогов в русском языке, но связаны с русским языком семантически.

Префикс dis- (разделение) происходит из латинского языка. В русском языке есть ряд заимствованных слов, начало которых имеет ту же семантику: дислокация, диспозиция, диссеминация, диссоциация. С другой стороны, в русском языке есть продуктивный префикс раз- (рас-) с теми же оттенками семантики: disbati "разбить", disiri "разойтись", disĵeti "разбросать", disflori "расцвести", disduiĝi "раздвоиться", disfali "распасться", dissendi "разослать". Здесь нерусский элемент поддерживается русской семантикой.

Префикс ek- (начало действия или моментальное действие) имеет неопределенное происхождение. Он введен под влиянием семантики русских приставочных глаголов совершенного вида: ekkanti "запеть", ekveturi "поехать", ekvidi "увидеть", ekpensi "подумать". Английский и французский языки не обладают префиксом с такой семантикой, а немецкий язык пользуется префиксами с такой семантикой гораздо реже, чем русский.

Несколько эсперантских аффиксов имеют в

русском языке единичные или не всегда вычленимые аналоги.

Префикс *mis-* (ошибочность): *mieszanie* - *mieszanie*. С той же семантикой в русском языке употребляется биморфема *о-...-ся*: *ослышаться* - *misłyszeć*, *оговориться* - *misprzełożyć*.

Суффикс *-end-* (долженствование): *referendum*, *дивиденд*.

Суффикс *-obl-* (кратные числительные): *дубль*. Впрочем, этот суффикс не имеет лучших аналогов и в других языках.

Отдельно следует сказать о суффиксах причастий. В отличие от романо-германских языков, русский язык обладает суффиксами для образования четырех разновидностей причастий - настоящего и прошедшего времени обоих залогов. Такой же возможностью обладает эсперанто. В настоящем времени эсперанто использует суффиксы латинского происхождения: *-ant-* (действительный залог) и *-at-* (страдательный залог): *fermantata* "закрывающий", *fermata* "закрываемый". В русском языке есть много заимствованных слов с этими суффиксами и имеются две пары, полностью (формально и семантически) соответствующие эсперанто: *фабрикант* - *фабрикат*, *адресант* - *адресат*.

Латинско-итальянский суффикс *-it-* образует страдательные причастия прошедшего времени, которые могут употребляться и со значением настоящего времени. Русский суффикс *-т* образует страдательные причастия только со значением прошедшего времени. Присоединяясь к основам нескольких глаголов второго спряжения, он образует сочетание *-ит-* (*-ыт-*), совпадающее по форме с латинско-итальянским суффиксом. Естественно, что, опираясь на русский язык, Заменгоф придал этому суффиксу значение прошедшего времени: *закрытый* - *fermita*, *битый* - *battita*, *бритый* - *razita*. Имея пару *at-it*, осталось заполнить пустую клетку и, по аналогии с *-ant-*, создать суффикс *-int-* (действительное причастие прошедшего времени): *fermintata* "закрывший". Затем по аналогии были заполнены следующие две клетки и образованы причастия будущего времени с суффиксами *-ont-* и *-ot-*: *fermontata* - "который закроет", *fermotata* - "который

будет закрыт". Анализ кодифицированной основы эсперанто [27] и корпуса языка показывает, что причастия имеют те же видовые различия, что и в русском языке.

Таким образом, подавляющее большинство эсперантских аффиксов генетически или типологически связано с исконными или интернациональными аффиксами русского языка. Это проявляется как в форме, так и в семантике. Но главное, разветвленность эсперантской аффиксации близка разветвленности аффиксации русского языка, благодаря чему часто возможен поморфемный перевод русских производных слов на эсперанто.

6. СЛОВОСЛОЖЕНИЕ

В эсперантском словосложении можно выделить две группы: а) сложения корней с предлогами, выполняющими функцию префиксов (их можно назвать пролупрефиксами), иногда с использованием суффиксов и б) сложения корней, основ или слов, иногда с добавлением аффиксов.

Почти все слова первой группы образованы по моделям русских слов (некоторые из этих моделей существуют и в других романо-германославянских языках) с префиксами или предлогами-префиксами, имеющими ту же семантику, что и первая часть эсперантских композит. Это, однако, не значит, что они являются кальками аналогичных русских или иноязычных слов: по моделям, подсказанным языками-источниками, в эсперанто образуется огромное количество слов, не имеющих аналога в этих языках. Это и не удивительно, поскольку простые правила комбинаторики позволяют эсперанто обладать высокой продуктивностью в словосложении, которая ограничивается, в основном, лишь семантикой композиты.

Важно отметить, что полупрефикс, обычно отражая семантику эсперантского предлога, иногда меняет ее под влиянием побочных значений русских префиксов и предлогов-префиксов. В результате семантика эсперантской композиты перестает быть суммой значений ее компонентов

и приобретает идиоматичность, копируя идиоматичность соответствующих русских слов. Некоторые полупрефиксы, в соответствии с моделями русского языка, обладают не только деривационной семантикой, но и переводят глаголы несовершенного вида в глаголы совершенного вида, влияют на категорию переходности-непереходности, а иногда требуют дублирования полупрефикса в виде предлога, например: ĝisiri ĝis "дойти до", kunlabori kun "сотрудничать с".

В интересной работе Д. Грегора [12], документировавшего все сложные безаффиксальные слова, появившиеся за первые три года существования эсперанто, показывается, что вначале большинство эсперантских композит были кальками соответствующих русских композит, но постепенно росло количество композит, образованных по моделям языков-источников, но не имеющих в них аналогов. Создавались и собственные модели. К сожалению, в этой работе пропущено много ссылок на русский язык как источник ряда эсперантских композит, поэтому мы не можем здесь привести его подсчеты.

Рассмотрим прежде всего многочисленные модели с предложным компонентом (полупрефиксом). Перевод примеров показывает русские аналоги, с которых они скалькированы. Подчеркнем еще раз, что некоторые модели имеют своим источником не только русский, но и другие романо-германо-славянские языки, и то, что по этим моделям образуется множество композит, не имеющих аналогов ни в русском, ни в других языках.

Al (к): alveturi "приехать", alligi "привязать", alpremi "прижать", alteriĝi "приземлиться". Идиоматичность наблюдается в словах: alpagi "доплатить", almiksi "подмешать", alskribi "приписать", almezuri "примерить", alvoki "призвать" и др.

Antaŭ (перед): antaŭparolo "предисловие", antaŭvintro "предзимье", antaŭfesta "предпраздничный", antaŭmonta "предгорный", antaŭlasta "предпоследний", antaŭrevolucia "дореволюционный", antaŭvidi "предвидеть".

Apud (около): apud urbo "пригород", apud moskva "подмосковный".

Ĉe (при): ĉemaro "приморье", ĉelima "пограничный".

Ĉirkaŭ (вокруг): ĉirkaŭrigardi "осмотреть".

De (от): deiri "отойти", detranĉi "отрезать", detiri "оттащить", dekonsili "отсочетать".

Ekster (вне): ekstervica "внеочередной".

El (из) - 1) основное значение "изнутри": eltiri "вытащить", elbati - "выбить", elporti "вынести", elfali "выпасть", elpeli "изгнать"; 2) метафорические значения: elpensii "выдумать", ellabori "выработать", elrigardi "выглядеть" (архаизировавшаяся идиома, вытесненная из употребления словом aspekti), elteni "выдержать", elpraŝi "выступать" (в метафорическом значении "сделать, исполнить что-либо публично" является идиомой, которую с небольшим успехом пытаются вытеснить близкими по значению словами), elturmenti "измучить", eldoni - "издать" (укоренившаяся идиома, которую не смог вытеснить корневой неологизм editori), elparoli "выговаривать", "произносить" (вытесняется словом prononci); 3) значение законченности действия: elauskulti "выслушать", elsekigi "высушить", elpeti "выпросить", ellerni "выучить", "изучить" (особо укоренившееся слово), elpagi "выплатить", elĉerpi "исчерпать" (это слово употребляется чаще всего в метафорическом значении), elhaki "вырубить". Поскольку эсперанто не обладает единым формальным показателем значения законченности действия, некоторые эсперантологи пытаются придать эту роль полупрефиксу el- [17, 88-89]. Однако из-за большой продуктивности этого полупрефикса в основном значении "изнутри" его применение в значении законченности действия ограничивается лишь небольшим количеством слов, в основном, тех, которые скалькированы с этим значением в русских слов.

En (в): enkuri "вбежать", enlasi "впустить", enpensiĝi "вдуматься", enamigi "влюбиться" (эта метафора переходит в идиому).

Ĝis (до): ĝisnaĝi "доплыть", ĝisvivi "дожить", ĝissate "досыта".

Inter (между): intersezono "межсезонье", interurba "междугородный", interrigardi "переглядываться".

Kontraŭ (против): kontraŭbato "контрудар", kontraŭmilita "антивоенный", kontraŭprezo "противовес", kontraŭnatura "противоестественный", kontraŭstari "противостоять".

Krom (кроме): kromgusto "привкус", krom-pomi "прозвать".

Kun (с) - 1) совместность: kunaŭtoro "соавтор", kunlabori "сотрудничать", kunsenti "соучаствовать"; 2) движение с разных мест в одно: kunligi "связать", kunkuri "сбежаться".

Per (посредством) - вследствие идиоматичности слова, образованные по этой модели, вытесняются корневыми неологизмами: perlabori (lukri) "заработать", perludi (gajni) "выиграть".

Po (по) - употребляется только с количественными словами: pomonata "помесячный".

Post (после): postreforma "пореформенный".

Pri (о) - семантика этого предлога слабо отражается в композитах: pripensi "обдумать", riparoli "обговорить", pridiskuti "обсудить", priskribi "описать", prisilenti "умолчать". Калькируя русские слова, этот полупрефикс, в основном, переводит действие с субъекта на объект: prilabori "обработать", priŝteli "обокрасть", priridi "осмеять", pridonaci "одарить", prisemi "засеять", priverŝi "полить".

Sen (без): как и в русском языке, очень продуктивный формант: senhejma "бездомный", senfina "бесконечный", senventeco "безветрие", senkapigi "обезглавить". Идиоматичны слова: senhelpa "беспомощный", senmorta "бессмертный".

Sub (под): subglaso "подстаканник", subtitolo "подзаголовок", subterejo "подземелье", subakva "подводный", submeti "подставить". Метафоричны: subkomitato "подкомитет", subdividi "подразделять" и subteni "поддерживать", subkompreni "подразумевать". Идиоматичны укоренившиеся слова со значением "тайно": subaŭskulti "подслушивать", subrigardi "подсмотреть", subridi "подсмеиваться", subaĉeti "подкупить".

Sur (на): surtera "наземный", surglui "наклеить", surpintaĵo "наконечник".

Tra (через, сквозь): trahaki "прорубить", trairi "пройти", traŝegi "перепилить". Мета-

форичны со значением "от начала до конца": tranokti "переночевать", travintri "перезимовать", travivi "прожить", tralegi "прочитать" и со значением "интенсивно": trafriti "прожарить", trafrostigi "промерзнуть".

Trans (за, через, по ту сторону): translima "заграничный", transatlantika "трансатлантический", transriverejo "заречье", transalti "перепрыгнуть". В глаголах часто наблюдается семантический сдвиг в сторону значения "переходить из одного места или состояния в другое": transloki "перемещать", transdoni "передать", transformi "преобразовать".

Хотя эсперантские композиты, образованные с помощью предложного компонента (полупрефикса) внешне похожи на романские слова, анализ показывает, что большинство их создано по моделям аналогичных русских слов.

Теорию эсперантского словосложения создал, на основании анализа корпуса языка, Кальман Калочай [14]. Она явилась продолжением теории эсперантского словообразования Рене де Соссюра, брата Фердинанда де Соссюра. Суть ее сводится к следующему.

1. Сложное слово образуется на базе словосочетания. Словосочетание из качественного прилагательного и существительного не может превращаться в субстантивную композиту без добавления деривационного аффикса.

2. В сложном слове главный компонент стоит в конце. Он определяет грамматический характер, т.е. отнесенность к части речи, и семантику соответствующей композиты. Побочные компоненты предшествуют ему и определяют его. Словосочетание как целое может составлять единый побочный компонент.

3. Грамматический характер главного компонента определяет не только грамматический характер побочного компонента. Если главный компонент является существительным или прилагательным, то побочный компонент является или становится существительным. Поскольку для русского языка сложные глаголы нехарактерны, этот вопрос мы затрагивать не будем.

4. Если грамматическая категория композиты отличается от грамматической категории

господствующего слова словосочетания, то главным компонентом композиты является деривационный или реляционный аффикс, выражающий часть речи. Он играет роль транспозитора, переводя господствующее слово словосочетания из одной части речи в другую.

Теория эсперантского словосложения К. Калочая в нашей формулировке пригодна также для анализа живых процессов словосложения русского языка, когда семантика композиты является суммой значений ее компонентов. Она распространяется как на собственно сложные, так и на сложносuffixальные слова. Русские сложные и сложносuffixальные слова, образованные по вышеизложенным правилам, легко калькируются в эсперантские и послужили моделями для эсперантского словосложения.

Следующие примеры русских сложных и сложносuffixальных слов намеренно взяты из главы "Сложение" книги Н.М. Шанского [5]: льноволокно - linfibro, овощехранилище - legomkonservejo, миномет - minjetilo, работоспособный - laborkarabla, вагон-ресторан - vagono-restoracio, мясо-молочный - vianda-lakta, металлопечущий - metaltranco, идейно-воспитательный - ideo-eduka, пароход - vaporiranto. Последнее слово образовано регулярно, но не применяется, т.к. с этим значением укоренилось слово vaporsiro "судно, движущееся с помощью энергии пара". Другие примеры: нефтедобыча - naftoekstrakto, каждодневный - ciutaga, инопланетный - aliplaneda, законодательный - legdona, двусмысленный - dusenca, многоугольник - multangulo, водопровод - akvokondukilo, пешеход - piediranto, плодоносный - fruktoporta, головоломный - kaprompa, многосторонний - multflanka, жизнеспособность - vivkarabl(eco), равноправный - egalrajta, равноправие - egalrajt(eco).

Следует отметить, что эсперантское словосложение обладает высокой степенью продуктивности и регулярности, тогда как русское словосложение ограничено узусом. Например, на базе словосочетаний "добрая душа" и "чистое сердце" русский язык и эсперанто образуют аналогичные композиты: добродушный - bonanima и

и чистосердечный - purkora. Но на базе словосочетаний "доброе сердце" и "чистая душа" эсперанто образует bonkora и puranima, тогда как узус русского языка позволяет образовать "добросердечный", но не позволяет образовывать "чистодушный"; во всяком случае это слово не зарегистрировано в словарях. К сказанному следует добавить, что эсперанто использует несколько калек с русских слов, образованных с помощью редупликации: plenplene "полным-полно", finfine "в конце концов", vole-nevole "волей-неволей", iom-post-iom "мало-помалу".

Резюмируя, можно утверждать, что эсперантское словосложение в основном базируется на моделях, взятых из русского языка, хотя имеются аналоги и в других языках, прежде всего в немецком и польском. Его своеобразие заключается в высокой продуктивности и регулярности моделей, которые лишь в небольшой степени ограничиваются узусом, в результате чего в эсперанто образуется огромное количество сложных и сложносuffиксальных слов, не имеющих аналогов в русском языке. Однако чем больше эсперанто используется, тем заметнее становится давление узуса и тем больше растет идиоматичность производных и сложных слов: tranĉilo "нож", а не "режущий инструмент"; memstara "самостоятельный", а не "стоящий сам"; sunfloro "подсолнечник", а не "солнечный цветок".

7. МОРФОЛОГИЯ

7.1. Основные парадигматические классы имеют в эсперанто характерные показатели, которыми наделяются все слова данного класса. Материалом для них служат гласные, что способствует легкой идентификации этих классов в тексте, прозрачности синтаксической структуры и благозвучию. Для этого используются четыре из пяти эсперантских гласных. Соотнесенность формы этих показателей с формами аналогичных формантов в этнических языках носит лишь косвенный характер.

Класс существительных характеризуется окончанием -o, которое соотносится с анало-

гичным окончанием русских существительных среднего рода и с окончанием некоторых итальянских существительных.

Класс прилагательных (куда входят также притяжательные местоимения, порядковые числительные и причастия) имеет окончание -а, характерное для прилагательных женского рода в русском и в некоторых романских языках.

Класс производных наречий (куда входят также деепричастия) характеризуется окончанием -е, восходящим к форме сравнительной степени наречий и прилагательных в русском языке и к форме некоторых латинских и итальянских наречий.

Класс глаголов имеет в инфинитиве окончание -и, которое восходит к аналогичному окончанию русского инфинитива: "идти", "нести".

Выше описывалось происхождение форм суффиксов причастий -ant-, -at- (настоящее время), -int-, -it- (прошедшее время), -ont-, -ot- (будущее время). По аналогии эти же гласные были взяты для обозначения глагольных времен индикатива: -as (настоящее время), -is (прошедшее время) и -os (будущее время).

Моделью для формы множественного числа парадигматических классов существительных и прилагательных послужило окончание русского языка -и (-ы). Поскольку окончание множественного числа примыкает к предшествующим гласным О и А, этот формант получил неслоговую форму j. Это оказалось тем более удобным, что к нему может присоединяться согласный n, служащий для обозначения винительного падежа.

7.2. Эсперантское существительное не имеет рода, поскольку эта категория в этнических языках очень идиоматична. Оно имеет категории ед. и множ. ч. аналогично современным романогермано-славянским языкам. О множ. числе см. выше.

Падежная система состоит из двух падежей - именительного и винительного. Значения других падежей выражаются аналитически с помощью предлогов в сочетании с формой именительного падежа. Источником категории винительного падежа в эсперанто является русский язык с опорой на немецкий и латинский языки. Как и в русском

языке, эсперантский винительный падеж имеет значение объекта, результата, времени, места, количества и, что важно подчеркнуть, направления, причем употребление винительного направления в обоих языках полностью совпадает (оно вызывает затруднения у западноевропейских эсперантистов). Сфера употребления винительного падежа в эсперанто шире, чем в русском языке, т.к. он может иногда заменять некоторые предлоги. Наличие винительного падежа — постоянный объект критики эсперанто с позиций романо-английского натурализма.

7.3. Благодаря своим словообразовательным возможностям русский язык гораздо богаче относительными прилагательными, чем романо-германские языки, обычно использующие предложные конструкции. Эту модель эсперанто взял из русского языка, но применяет ее очень последовательно, тогда как ее применение в русском языке ограничивается морфологией и особенно узусом: *ŝranka pordo* "дверь шкафа", но не "шкафная дверь".

По модели русского языка эсперантское прилагательное согласуется с существительным в числе и падеже. Это еще один объект критики эсперанто с позиций западноевропейского интерлингвистического натурализма.

7.4. Формы глагола в эсперанто выражаются минимальным набором морфологических показателей. Для всех лиц и обоих чисел в каждом времени имеется лишь одно окончание. Указание на лицо и число дает личное местоимение. Моделью для этого послужили простые морфологические структуры английского глагола и русского глагола в прошедшем времени.

По модели русского языка эсперанто пользуется лишь тремя временами: настоящим, прошедшим и будущим. Но, комбинируя вспомогательный глагол *esti* "быть" в трех временах с шестью формами причастий, эсперанто обладает возможностью выразить большинство оттенков времен, выражающихся романо-германскими языками.

Категория вида введена в эсперанто по модели русского языка, ибо в романо-германских языках морфологические средства ее выражения

ограничены. Она может выражаться не только контекстом и лексическими средствами, но и морфологическими - аффиксами и полуаффиксами, сочетанием глагола *esti* "быть" с причастием. Как уже отмечалось выше, Заменгоф и первые авторы злоупотребляли некоторыми аффиксами, стремясь придать категории вида формальные признаки. Эта тенденция наблюдается у русскоязычных эсперантистов и теперь, особенно у начинающих.

Так же по модели русского языка эсперантский глагол обладает четко выражаемой категорией переходности-непереходности. Под влиянием родного языка даже очень опытные англоязычные и франкоязычные эсперантисты допускают здесь ошибки, например, придавая слову *komenci* "начинать" значение, которое присуще слову *komenciĝi* "начинаться". Подавляющее большинство эсперантских глаголов совпадает по переходности-непереходности с соответствующими русскими глаголами.

Русский язык повлиял на широкое употребление в эсперанто глаголов в возвратно-среднем (медиальном) залоге. Здесь аналогом форманта -ся выступает суффикс *-iĝ-* (делаться, становиться).

В отличие от романо-германских и аналогично русскому языку, эсперанто четко различает с помощью морфологических показателей причастия: *leganta* "читающий", *legante* "читая".

7.5. Среди местоимений вклад русского языка наряду с другими языками проявляется в формах: *vi* "вы", *mi* "я" (ср. "меня"), *ni* "мы" (ср. "нас"), *si* "себя". Многие местоимения имеют финаль *-i*, аналогично русским местоимением с финалью *-и* (*-ы*) - примеры выше [24, 59].

7.6. Почти все эсперантские непроизводные наречия взяты из отдельных языков, ибо наречия не обладают интернациональностью. Из русского языка взято с усечением лишь *perpe* "непреренно".

Как и русский язык, но морфологически более четко, эсперанто различает наречие места и направления: вверх - *supren*, вправо - *dekstren*, вдаль - *malproksimen*, вперед - *antaŭen*. По модели русского "домой" укоренилось наречие *hejmen*. Оно почти полностью вытеснило упот-

ребление предложного сочетания en la, hejmon "в дом". Но аналогичные наречия, например, teatreĉu употребляются редко, хотя и образуются регулярно; обычно говорят: en teatro "в театр".

7.7. Особую группу составляет в эсперанто система коррелятивных слов - местоимений и местоименных наречий. Она построена по модели русского языка, хотя и имеет менее явные аналоги в других европейских и даже неевропейских языках, но заполнение пустых клеток по принципу регулярности довело ее до логического совершенства. Система делится на пять разрядов, отличающихся друг от друга началом слова.

Вопросительно-относительные слова: kiu "кто", "который", kio "что" ("ч" восходит к "к"), kia "какой", kie "где" ("г" восходит к "к"), kien "куда", kiam "когда", kiom "сколько", kiel "как", kial "почему" ("ч" восходит к "к"), kies "чей" ("ч" восходит к "к"). Финаль -e в слове kie восходит к финали -e в слове "где".

Указательные слова: tiu "тот", tio "то", tia "такой", tie "там", tien "туда", tiam "тогда", tiom "столько", tiel "так", tial "потому", ties "того" (принадлежащий тому).

Отрицательные слова: neniu "никто", nenio "ничто", nenia "никакой", nenie "нигде", nenien "никуда", neniam "никогда", neniom "ни сколько", neniel "никак", nenial "без причины" ("нипочему"), nenies "ничей".

Аналогично (но без четкой соотнесенности с этническими языками) образуются неопределенные (iu "кто-то" и т.п.) и обобщающие (ĉiu "каждый" и т.п.) слова.

Система коррелятивных слов - излюбленный объект критики эсперанто, которая обвиняет эту систему в произвольности. Вместо нее проекты планового языка используют прямые заимствования из романо-германских языков, которые обычно имеют низкую степень интернациональности: вместо стройной системы получается гетерогенный конгломерат, трудный для запоминания.

7.8. Числительные обладают высокой степенью интернациональности в романо-германо-

славянских языках благодаря общности их происхождения и наличию производных слов типа: унификация, квартет, декада и т.п. Поэтому вклад русского языка ощущается в форме почти всех простых числительных эсперанто.

Только калькой с русского и польского языков можно объяснить тот факт, что в эсперанто десятки и сотни выражаются одним словом, а тысячи — двумя словами: *kvindek* "пятьдесят", *kvinent* "пятьсот", *kvin mil* "пять тысяч". В романо-германских языках сотни выражаются двумя словами.

7.9. Предлоги и союзы обладают очень низкой степенью интернациональности и заимствованы эсперанто из отдельных языков. К русскому языку восходят следующие предлоги: *krom* "кроме", *po* "по" (для числительных и других количественных слов), *pri* "о" (от русских "про" и "при" с опорой на греческое *peri*), а также предлог с неопределенным значением: *je* (от "ей-богу!" — *je dio!*). Предлог *je* оказался настолько удачным, что был заимствован из эсперанто в натуралистические романизированные плановые языки окциденталь-интерлингве (Э. Валь) и новиаль (О. Есперсен). Среди союзов нет ни одного, форма которого соответствовала бы русскому союзу.

По моделям русского языка эсперанто образуют сложные предлоги: *el sub* "из-под", *el post* "из-за" и производные предлоги: *kaŭze de* "по причине", *lige kun* "в связи с", *rilate al* "по отношению к", *simile al* "наподобие", *flanke de* "со стороны", *escepte de* "за исключением", *direkte al* "по направлению к", *dank'al* "благодаря".

8. СИНТАКСИС

Ни в какой другой области вклад русского языка не проявился так широко, как в синтаксисе, ибо принцип регулярности, основанный на логике, свойствен русскому синтаксису в гораздо большей степени, чем синтаксису романо-германских языков. Это подтверждал и сам Заменгоф: "Некоторые эсперантисты думают, что я

пользуюсь в своих произведениях славянским стилем. Это мнение совершенно ошибочно. Действительно, славяне часто обладают в эсперанто лучшим стилем, чем носители романских или германских языков; но это происходит не из-за того, что стиль в эсперанто славянский, а только из-за того, что порядок слов в славянских языках более прост и, следовательно, более близок к порядку слов в эсперанто. Настоящий эсперантский стиль - не славянский, не германский, не романский, это лишь стиль простой и логичный, по крайней мере, таким он должен быть" [29, 417]. В терминах современной лингвистики эти слова Заменгофа означают, что синтаксис русского языка (и шире - славянских языков) и эсперанто обладает генетико-типологической общностью.

Заменгоф и большинство первых авторов были носителями русского языка (некоторые также носителями близкого к нему польского языка). Когда они писали на новом плановом языке, синтаксисом которого управляет тот же принцип регулярности, который управляет синтаксисом русского языка, они, естественно, подсознательно превращали эсперантский синтаксис в близкую копию русского. Так были установлены синтаксические нормы ("стиль", по выражению Заменгофа) эсперанто, которые закрепились в дальнейшем узусе.

Рассмотрим вкратце основные особенности эсперантского синтаксиса, которые роднят его с русским языком и отличают от романо-германских.

1. Полное согласование определения с определяемым: *Mi ekzamenas novajn studentojn* "Я экзаменую новых студентов" (вин. пад. множ.ч.).

2. Свободный порядок членов предложения, основанный на наличии категорий винительного падежа и полного согласования определения с определяемым.

3. Совпадение средств оформления актуального членения предложения, что определяет своеобразие синтаксиса эсперанто в отличие от синтаксиса романских и германских языков. Вследствие этого практически любую правильную русскую фразу можно перевести на эсперанто с

соблюдением того же порядка членов предложения.

4. Отсутствие инверсии в вопросительных предложениях.

5. Отсутствие согласования времен в сложно-подчиненном предложении: глагол в придаточном предложении стоит в том же времени, в каком он будет стоять, если это предложение превратить в самостоятельное.

6. Возможность опускать указательное местоимение *tio* "то" при наличии соотносительного союзного слова *kio* "что" в дополнительном придаточном предложении: *Mi volas ricevi (tion) kion vi ne povas al mi doni* "Я хочу получить (то), что вы не можете мне дать".

7. Отсутствие абсолютных конструкций типа абсолютного аблатива.

8. Употребление разных падежей для обозначения прямого дополнения и именной части составного сказуемого: *Mi nomis lin amiko* "Я назвал его другом"; *Mi trovas ŝian decidon ĝusta* "Я нахожу ее решение правильным".

9. Употребление в безличных предложениях безлично-предикативных слов в форме наречий. В русском языке им соответствуют слова категории состояния (предикативные наречия и предикативы), соотносительные с прилагательными в форме среднего рода ед.ч. и с наречиями (*estas necese* "необходимо", *estas agrable* "приятно") или не соотносительные с ними (*estas eble* "можно", *estas honte* "стыдно"): *Estas grave, ke vi memoru tion* "Важно, чтобы вы помнили об этом". Эти же слова используются с инфинитивом в функции подлежащего: *Fumi estas malutile* "Курить вредно".

10. Употребление предлогов *por* "для", *anstataŭ* "вместо", *krom* "кроме", *antaŭ* "перед" с добавлением частицы *ol* "чем" перед инфинитивом в функции союзов "для того чтобы", "вместо того чтобы", "кроме того чтобы", "прежде чем".

11. Предпочтение конструкций из отрицательной частицы *ne* "не" с деепричастием конструкциям из предлога *sen* "без" в функции союза с инфинитивом: *Li sidis ne rigardante min* "Он сидел не глядя на меня"; *Li sidis sen ri-*

gardi min "Он сидел без того чтобы глядеть на меня".

12. Колебание в употреблении либо индикатива, либо кондиционалиса в придаточных предложениях с союзом kvazaŭ в зависимости от значения этого слова: "как будто", "будто" или "как будто бы", "как если бы". Например: Oni diras, kvazaŭ tion faris li "Говорят, будто это сделал он"; Li kondutas tiel, kvazaŭ tion farus li "Он ведет себя так, как будто бы это сделал он".

13. Колебание в употреблении им. пад. в значении косвенного или вин. пад. после предлога po (по) с числительным: manĝi po du rotoj(n) "съесть по два яблока". Оно объясняется колебанием в употреблении падежей русских числительных с предлогом "по": по два (им. пад.), но по пяти (дат. пад.), причем существует разговорная форма: по пять (им. пад.).

Примечательны в этой связи слова Д. Грегора: "Синтаксически эсперанто стоит близко к славянским языкам и мог бы стоять даже еще ближе без ущерба своей сущности" [11, 21].

х х х

х

Проведенный анализ показал значительность вклада русского языка (генетический, типологический, генетико-типологический) во все разделы структуры эсперанто - в фонологию, фонетику, морфемику, словообразование, морфологию и синтаксис. Благодаря этому структуры обоих языков типологически очень близки друг другу. Осознание этой близости - залог дальнейшего благотворного влияния русского языка на эсперанто, чему должны способствовать в первую очередь русскоязычные эсперантисты. Изучение этого феномена может быть полезным для языкового строительства, для прогнозирования вклада русского языка в языки народов СССР.

ЛИТЕРАТУРА

1. Акуленко В.В. Вопросы интернационализации словарного состава языка. - Харьков: Изд-во Харьковского ун-та, 1972.
2. [Заменгоф Л.] Др Эсперанто. Международный язык. Предисловие и полный учебник. - Варшава, 1887.
3. Колкер Б. Лев Толстой и международный язык. - Информационный бюллетень (Ассоциация советских эсперантистов), М., 1981, № 5-6.
4. Свадост Э. Как возникнет всеобщий язык? - М.: Наука, 1968.
5. Шанский Н.М. Очерки по русскому словообразованию. - М.: Изд-во Московского ун-та, 1968.
6. dall'Acqua V. Influenze del russo sull'esperanto. - In: Revista italiana de esperanto, Torino, 1963, № 2.
7. Bokarev E.A. Esperanto, la lingva kreaĵo de Zamenhof. - In: Memolibro por la Zamenhof-jaro. Londono: Universala Esperanto-Asocio, 1960.
8. Drezen E. Skizoj pri teorio de Esperanto. - Aabyhøj: Dansk Esperanto-Forlag, 1975.
9. Duc Goninaz M. Les influences slaves en esperanto. - In: Cahiers de linguistique, d'orientalisme et de slavistique (Institut de linguistique générale et d'études orientales et slaves. Université de Provence), Aix-Marseille, 1974, № 3-4.
10. Enciklopedio de Esperanto. Represo de la 1-a eld. - Budapeŝt: Hungara Esperanto-Asocio, 1979.
11. Gregor D. La fontoj de Esperanto. - Glasgow: Kardo, 1982.
12. Gregor D. La plej fruaj senafiksaj kunmetaĵoj en Esperanto. - In: Sciencra revuo, Beograd, 1974, vol. 25, № 2-3.
13. Holzhaus A. Doktoro kaj lingvo Esperanto. - Heĭsinki: Fondumo Esperanto, 1969.
14. Kalocsay K. Lingvo, stilo, formo. - Oosaka: Pirato, 1970.

15. Kolker B. Bonintenca laboro, trista rezulto. - In: Esperanto, Rotterdam, 1979, N° 1.
16. Kolker B.G. Landa movado nun sur nova nivelo. - In: Esperanto, Rotterdam, 1979, N° 10.
17. Mimó L. Kompleta lernolibro de regula Esperanto. - Sabadell: eld. la aŭtoro, 1973.
18. Modrijan F. Elementoj latinaj en Esperanto. - Ljubljana: Esperanto-klubo, s/a.
19. Piron C. La okcidenta dialekto. - In: Esperanto, Rotterdam, 1977, N° 7-8.
20. Privat E. Historio de la lingvo Esperanto. 2-a eld. - Leipzig: Hirt, 1923.
21. Rossetti R. Spegulo de Esperantaj stiloj. - Lelystad: Vulpo-libroj, 1976.
22. Stojan P. Deveno kaj vivo de la lingvo Esperanto. - Brugge: Flandra Esperanto-instituto, 1953.
23. Tišljar Z. Frekvencmorfemaro de parolata Esperanto. - Zagreb: Internacia kultura servo, [1981].
24. Waringhien G. Lingvo kaj vivo. - La Laguna: Stafeto, 1959.
25. Wells J. Lingvistikaj aspektoj de Esperanto. - Rotterdam: Universala Esperanto-Asocio, 1978.
26. Zamenhof L.L. Fundamenta krestomatia de la lingvo Esperanto. 17-a eld. - Rickmansworth: Esperanto Publishing Co., 1969.
27. Zamenhof L.L. Fundamento de Esperanto. - 9-a eld. - Marmande: Esperantaj Francaj Eldonoj, 1963.
28. Zamenhof L.L. Hebreo el la geto. - Kioto: Ludovikito, 1976 (Plena verkaro, kajero 5).
29. Zamenhof L.L. Klopodis organizi, sed vane. - Kioto: Ludovikito, 1980 (Plena verkaro, kajero 7).
30. Zamenhof L.L. Originala verkaro. - Leipzig: Hirt, 1923.
31. Zamenhof L.L. Tamen la afero progresas. - Kioto: Ludovikito, 1975 (Plena verkaro, kajero 4).

KONTRIBUO DE LA RUSA LINGVO AL LA STRUKTURO DE ESPERANTO

Boris G. Kolker

La rusa lingvo, estante unu el la fontoj de Esperanto, grave kontribuis al ĉiuj partoj de ĝia strukturo: fonologio, fonetiko, morfemiko, vortfarado, vortkunmeto, morfologio kaj sintakso. Dank'al tio la strukturoj de ambaŭ lingvoj estas tipologie tre proksimaj. Estas montrita la rolo de la rusa lingvo en malmulte atentitaj aŭ tute ne atentitaj fenomenoj: fonemaro, alfabeto, aglutineco de morfemiko, formo kaj semantiko de afiksoj, vortkunmeto per prefiksiĝintaj prepozicioj, vortkunmeto per radikoj, gramatikaj finaĵoj, aspekto kaj transitiveco de verboj, korelativaj vortoj, plejparto de trajtoj de la sintakso k.t.p. La teorio de vortkunmeto de K. Kalocsay estas aplikita al la rusa lingvo. Tra la tuta verko estas montrata aplikado de du ĉefaj principoj de Esperanto - internacieco kaj reguleco. La farita analizo povas esti utila en elekto de vojoj por influo al la evoluo de Esperanto en ĝusta direkto. Al neniu etna lingvo la rusa lingvo tiel multe kontribuis, kiel al Esperanto. Tiu ĉi sperto povas utili por prognozado de influo de la rusa lingvo al lingvoj de popoloj de Sovet-Unio.

Несколько слов по поводу статьи

Б.Г. Колкера "Вклад русского языка
в структуру эсперанто"

Несмотря на то, что проблема, обозначенная в названии статьи, затрагивается в эсперантологии давно, притом, как правило, иссле-

дователями, не владеющими русским (и шире - славянскими) языком, она все еще остается актуальной. Думается, что статья Колкера во многом разъяснит и состав, и структурную глубину влияния русского языка на международный вспомогательный язык эсперанто как в процессе его создания, так и дальнейшего функционирования. Подробно, на каждом языковом уровне, автор рассматривает, что в эсперанто "из русского языка" и что в нем "как в русском". Такой подход не вызывает возражений, хотя в то же время ставит ряд вопросов общетеоретического характера, которые предстоит еще решить. Прежде всего возникает необходимость проведения четких границ между генетическим, типологическим и генетико-типологическим вкладом русского языка (нечеткость этих границ лишь констатируется автором во втором разделе "Русский язык - один из основных источников эсперанто"). Более того, считать ли, например, русские элементы, наглядно представленные (т.е. формально, семантически и функционально четкие) в структуре эсперанто, генетическими или же речь должна идти о процессе сознательного заимствования при проективном создании основ международного вспомогательного языка? Всегда ли "контрольность" русского языка ведет к появлению в эсперанто русских типологических черт? Что понимать под генетико-типологическими признаками? Думается, что перенос категорий генетичности и типологичности из сферы исследования живых (естественных) языков в сферу международного вспомогательного языка, каковым в данном случае является эсперанто, должен повлечь за собой и иное, под интерлингвистическим углом зрения, осмысление этих категорий. Важным также оказывается рассмотрение материала на широком индоевропейском фоне, т.е. в сопоставлении с элементами языков, послуживших основой для эсперанто - романских и германских.

Ответственный редактор

WORTBILDUNG EINER PLANSPRACHE UND EINER
NATIONALSPRACHE VERGlichen
(ANSTATT EINER REZENSION)

Madis Linnamägi

- D. Blanke: Plansprache und Nationalsprache. Einige Probleme der Wortbildung des Esperanto und des Deutschen in konfrontativer Darstellung (Akademie der Wissenschaft der DDR. Zentralinstitut für Sprachwissenschaft. Linguistische Studien. Reihe A. Arbeitsberichte, Nr. 85). Berlin, 1981, (6) + 162 S.

Dr. Detlev Blanke, der Verfasser dieser Untersuchung, ist ein bekannter Interlinguist der DDR. Sein Forschungsgebiet ist die Plansprachenproblematik und sein besonderes Interesse gehört der internationalen Sprache Esperanto, dessen kommunikativen, linguistischen, pädagogischen und gesellschaftspolitischen Werten er viele Publikationen gewidmet hat.

Diese Arbeit ist die für den Druck überarbeitete und gekürzte Fassung seiner Dissertation, die er 1976 verteidigt hat. Das ist ein rein intralinguistischer Beitrag zur Interlinguistik. In den einleitenden Kapiteln gibt der Verfasser einen Überblick über Sprachplanung und Plansprachen in historischer Darstellung. Er zeigt, wie man in der allgemeinen Sprachwissenschaft über die biologisch orientierte Betrachtung (die Sprache als Organismus) zum Einverständnis kommt, daß das bewußte Sprachschaffen ein überaus verarbeitetes Phänomen ist.

Dr. D. Blanke gibt hier seine bekannte Klassifikation der Plansprachen:

- a) Plansprachenprojekte (keine internationale Kommunikation),
- b) Semiplansprachen (geringe praktische Anwendung in der Vergangenheit oder Gegenwart),
- c) Plansprache Esperanto (weit verbreitete internationale Kommunikation), S. 18,

die Resultat seiner theoretischen Betrachtungen ist. So sagt er, daß die Sprache mit der menschlichen Gesell-

schaft verbunden und als Instrument der Kommunikation, des Denkens und der Erkenntnis sei. Infolge dessen solle die Interlinguistik solche Sprachprojekte nicht erforschen, die keine kommunikative bzw. wenig ausgeübte kommunikative Funktion haben [1, 23]. Die Tartuer Forschungsgruppe Interlinguistik dagegen teilt die interlinguistischen Sprachprojekte in a) funktionierende und b) nichtfunktionierende Sprachen ein. "Die nichtfunktionierenden Sprachen" sind ihrer Struktur und Aufgabe nach doch Sprachen, linguistisches Produkt, sprachliches Schaffen, das mit denselben Kriterien und derselben Struktur charakterisiert sind wie "die funktionierenden Sprachen". Die Interlinguistik soll deshalb sie typologisch ebenso erforschen wie die funktionierenden Sprachen, ... um imstande zu sein, wenn es nötig ist, einmal eine qualitativ neue Plansprache für die internationale Kommunikation zu schaffen" [6, 86-88].

Es sei hier hinzugefügt, daß in der linguistischen Forschungstätigkeit die Tatsachen aus der Plansprachenforschung und dem Leben der Plansprachen von vielen Linguisten, z.B. von Akademiker P. Ariste, ausgenutzt werden [5, 10].

Weiter wird in der Untersuchung gezeigt, daß das Esperanto bisher die einzige in der internationalen Kommunikation voll funktionierende Sprache ist. So eignet es sich als gleichwertiges Forschungsobjekt für die vergleichende Sprachforschung. Die Arbeit betrifft einige Fragen der Wortbildung, "um Ähnlichkeiten und Unterschiede in der Funktionsweise einer Plansprache und einer Ethnossprache zu beleuchten" und stellt damit die erstmalige detaillierte konfrontative Untersuchung der Wortbildung des Esperanto und des Deutschen dar. Dabei wird versucht, Vorteilhaftes bzw. Wertvolles für die internationale Kommunikation aus der grammatischen und Wortbildungsstruktur der beiden Sprachen herauszubringen. Es wird hier auch auf einige Messungen anderer Forscher hingewiesen, die derselben Aufgabe dienen: Ergebnisse der Messungen der Agglutinations- und Synthetizitätsindexe, Silbenzahl, des Prinzips der Redundanz usw.

Der eigentlichen Wortbildungsanalyse liegt das Transformationsverfahren zugrunde. Mit Hilfe der Transformation werden die wichtigsten Wortbildungsmodelle bei den Substantiven, Adjektiven und Verben im Deutschen und im Esperanto untersucht. Dabei wird neben

dem Vorhandensein die **P r o d u k t i v i t ä t** der Wortbildungsmodelle speziell in Betrachtung genommen. Die Ausfüllung der Modelle des Deutschen ist gering - nur wenige theoretisch mögliche Wörter kommen in der Sprachpraxis vor. Ebenso stellt es sich fest, daß auch das Esperanto kein störungsfreies, völlig logisches System ist. Fehlt ein Bedürfnis nach Benennung des Denotats, bleiben die Möglichkeiten des Modells unbe- nutzt.

Es wird gründlich bewiesen, daß die Prinzipien der Sprachbequemlichkeit und Redundanz im Esperanto ebenso große Rolle spielen wie im Deutschen. Da die Kombinierbarkeit der Morpheme in der Plansprache höher ist, hat das Prinzip der Redundanz im Esperanto breitere Wirkungsmöglichkeiten als im Deutschen.

Beide Sprachen verfügen über sehr entwickelte Möglichkeiten, durch Komposita, Derivation und Prä- fixbildung substantivische Konstruktionen zu bilden, wobei im Esperanto die **K o m p o s i t a** weitaus stärker überwiegen als im Deutschen.

Der Verfasser steht für die Entwicklung des Mo- dells Adjektiv + Substantiv (A + S) im Esperanto, weil die Zahl der Wörter des Modells unter dem Einfluß ei- niger europäischer Sprachen ständig zunimmt. (Dieses Modell ist auch in den finno-ugrischen Sprachen ver- breitet.) Die Sprachpflegeanstalt des Esperanto, die Akademie des Esperanto, normiert die Auflösung jedes A + S-Wortes durch ein S + S-Wort ('jedes substan- tivische Grundwort substantiviert das Bestimmungswort'): varmenerigo (Wärmeenergie): energio de varmo (Ener- gie der Wärme), belreĝino (Schönheitskönigin): reĝino de belo (Königin der Schönheit), bonaĵo ('etwas Abst- raktes oder Konkretes, charakterisiert durch Güte'): (bono, aĵo) (Güte, Sache oder Ding), belulo (Schön- heitsperson, eine Person, charakterisiert durch Schön- heit): (belo, ulo) (Schönheit, Person) usw. (Das -o am Ende des Wortes bezeichnet das Substantiv.)

Dr. D. Blanke ist gegen diese strikte Normierung und empfiehlt auch die attributive Transformation hin- zuzufügen. Nach ihm wären die Bildungen wie: ^xbluo- kulo = blua okulo (blaues Auge), ^xbelknabino = bela knabino (schönes Mädchen), ^xbonpatrino = bona pat- rino (gute Mutter) usw. normal und regelmäßig. Die Zulassung dieser Wörter^x ist nicht berechtigt, f a l l s das Adjektiv (blu-, bel-, bon-) hier keine qualitativ neue Klasse, Gruppe oder Kategorie bezeichnet, die von der individuellen Bedeutung (blua okulo, bona patrino, bela knabino) unterschieden werden sollte.

Diesen Bedeutungsunterschied sehen wir bei den Beispielen: *belreĝino* (Schönheitskönigin) - *bela reĝino* (schöne Königin), *bonaĵo* ('etwas Abstraktes oder Konkretes, charakterisiert durch Güte') - *bona aĵo* (gute Sache oder gutes Ding) [3, 441], *belulo* (Schönheitsperson, eine Person gekennzeichnet durch Schönheit) - *bela ulo* (schöne Person) [3, 449], *fremdvorto* (Fremdwort, ein Wort, das zur Gruppe der Fremdwörter gehört) - *fremda vorto* (fremdes Wort), *krudhomo* ('Rohling') - *kruda homo* (roher Mensch), *novfondo* (Neuschaffung) - *nova fondo* (neue Schaffung) usw.

Viele Komposita sind im Esperanto idiomatisiert. Die Motivation ist manchmal schlecht durchsehbar oder wird außerdem durch einen außersprachlichen Sachverhalt erklärt: *novluno* (Neumond, die wachsende Phase des Mondes) - *nova luno* (neuer Mond), *junedzino* oder *novedzino* (Junggattin, eine eben vermählte Frau) - *juna* oder *nova edzo* (junge oder neue Gattin), *grandurbo* (Großstadt) - *granda urbo* (große Stadt, die aber keine Merkmale der Großstadt haben kann), *altforno* (Hochofen in der Metallurgie) - *alta forno* (hoher Ofen) usw.

Gerade der außersprachliche Sachverhalt hat wahrscheinlich den Grammatikern K. Kalocsay und G. Waringhien den Grund gegeben, 34 adjektivische Grundelemente (auch unsere letzten Beispiele) als präfigierungsmöglich zu betrachten [3, 510-514], weil sie sich der Wortwirkungsregel 'jedes substantivische Grundwort substantiviert das Bestimmungswort' nicht unterordneten. In der Tat können fast alle Wörter dieser Liste als S + S-Wörter aufgelöst werden, wenn der außersprachliche Sachverhalt mitgerechnet wird. Bisher gibt es in der Plansprache keine völlig undurchsichtige Wörter.

Die Untersuchung läßt schlußfolgern, daß das Esperanto mit seinem autonomen Wortbildungssystem eine sehr elastische Sprache ist, deren vielfältige produktive Wortbildungsmodelle in nichts denen des Deutschen nachstehen. In den meisten Fällen ist die Produktivität der Modelle des Esperanto höher als im Deutschen. Es sollten weitere statistische Textanalysen durchgeführt werden, um diese Schlußfolgerung zu bestätigen.

Von großer Bedeutung wären ähnliche vergleichende Untersuchungen mit Sprachen anderer Sprachfamilien und -gruppen (türkische, finno-ugrische, iranische u. a. Sprachen) mittels statistischer Methoden und elektronischer Datenverarbeitung (EDV).

LITERATURVERZEICHNIS

1. Blanke D. "Problemoj de interlingvistiko". Tipologio kaj evoluo de internaciaj artefaritaj lingvoj. Recenzo kaj iom da kundiskuto. - In: Paco, Berlin, 1977.
2. Dulitšenko A. Interlingvistika minevikust ja tänapäevast. - In: Keel ja Kirjandus, Tallinn, 1982, Nr. 6.
3. Kalocsay K., Waringhien G. Plena analiza gramatiko de Esperanto. Kvara, tralaborita eldono. - Rotterdam: Universala Esperanto-Asocio, 1980.
4. Plena Ilustrita Vortaro de Esperanto. Represo de la dua eldono. - Paris: Sennaciesa Asocio Tutmonda, 1981.
5. Дуличенко А.Д. П.А. Аристэ и интерлингвистика. - In: Interlinguistica Tartuensis 1. Актуальные проблемы современной интерлингвистики. Сборник в честь семидесятипятилетия академика П.А. Аристэ. (Ученые записки ТартуГУ. Вып. 613). Тарту, 1982.
6. Дуличенко А.Д. Интерлингвистика. - In: Interlinguistica Tartuensis 1. Актуальные проблемы современной интерлингвистики. Сборник... (Ученые записки ТартуГУ. Вып. 613). Тарту, 1982.

СЛОВООБРАЗОВАНИЕ В ПЛАНОВОМ И НАЦИОНАЛЬНОМ ЯЗЫКАХ (ВМЕСТО РЕЦЕНЗИИ)

Мадис М. Линнамяги

Монография известного интерлингвиста из ГДР Д. Бланке "Плановый язык и национальный язык" (1981) посвящена анализу специфики словообразования в эсперанто и немецком языках.

Автор установил, что основные модели словообразования используются в обоих языках, однако их продуктивность в эсперанто часто выше, чем в немецком. Более того, в эсперанто преобладают также сложные слова. Имеются спорные вопросы, на которые обращено внимание в статье, например, попытка автора монографии в сложных словах модели "прилагательное + существительное" квалифицировать первый компонент не только как явление субстантивации, но и адъективации, представляется не вполне убедительной. В целом монография Д. Бланке вносит весомый вклад в разработку фундаментальных проблем современной интерлингвистики и послужит стимулом для дальнейших исследований не только словообразования.

ИЗ ИСТОРИИ ИНТЕРЛИНГВИСТИКИ

ИЗ ИСТОРИИ ИНТЕРЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ В РОССИИ В КОНЦЕ XVIII - НАЧАЛЕ XIX ВВ.

П. А. Клубков

Одним из аспектов культурного развития России в эпоху Просвещения является становление русской лингвистической традиции. Расстояние, отделяющее словарь Ф. Поликарпова от словаря Академии Российской, грамматики того же Поликарпова или Максимова от труда А. А. Барсова, огромно. Точно так же несоизмеримы представления о лингвистической карте мира, бытовавшие в конце XVII века, с материалами словаря Палласа.

На рубеже XVIII-XIX вв. лингвистические исследования велись в России уже на достаточно высоком уровне и в этой связи существенно, что идеи, высказывавшиеся в это время западноевропейскими учеными, разрабатывались и на русской почве. Одной из таких идей была идея всеобщего языка. В настоящей статье речь пойдет о двух эпизодах развития интерлингвистики, не отраженных ни в работах Э. Дрезена и Э. Сваста, ни в других исследованиях по истории искусственных языков.

Русский перевод "парижской пазиграфии"

Термин "пазиграфия" был впервые использован для обозначения универсального идеографического письма в проекте, опубликованном на немецком и французском языках в Париже в 1797 г. [7].

Автор проекта скрылся под инициалами J.* de M*, сообщив о себе, что он является отставным майором немецкой пехоты. Современникам в Германии настоящее имя автора проекта было не-

известно, и они считали его немцем, живущим в Париже [8, 30]. Авторы более поздних работ ограничиваются обычно сообщением тех сведений об авторе, которые обозначены на титуле, расшифровывая инициалы как Joseph de Maimieux. (В некоторых немецких источниках - Johann de Morath). Э. Дрезен транслитерирует эту фамилию как Маймье, в других работах на русском языке - обычно И. де Мемье.

Плодовитый, но малочитаемый французский литератор Жозеф де Мемье (Ла Брактеоль) родился в 1753 г., а умер в 1820 г. Во время революции Мемье эмигрировал в Германию, но так как его имя по счастливой случайности не попало в списки эмигрантов, он смог возвратиться в Париж в 1797 г. "Biographie universelle" не сообщает ничего по поводу его службы в немецкой армии [5, 131-132]. Это наводит на мысль, что "отставной майор немецкой пехоты" - не более, чем маска, мистификация. В довольно обширном списке его книг значится семь публикаций по пазиграфии [6, 1006], одна из которых подписана Ж**** Демемье (J**** Demaimieux).

Книга Мемье состоит из двух частей с отдельной пагинацией. В первой части излагаются общие принципы пазиграфии, конкретные ее правила, структура словаря. Во второй части приводятся словарные таблицы.

Алфавит пазиграфии Мемье состоит из 12 знаков (гамм):

—, ~, L, Y, C, E, Э, J, Y, X, I.

Слова могут состоять из трех, четырех или пяти знаков. Трехбуквенные слова образуют список наиболее употребительных предлогов, союзов, пространственных наречий и т.п. Этот список называется указателем (l'indicule, Verzeichnis). Четырехбуквенные слова составляют, так сказать, основной словарный запас, т.е. охватывают обиходную лексику. Их список назван "малым словарем" (petit nomenclateur, kleiner Namengeber). В "большой словарь" (grand nomenclateur, grosser Namengeber) входят пятибуквенные слова, которые вместе с первыми двумя списками должны по замыслу Мемье охватывать все

многообразии понятий. Окончательное составление большого словаря — дело будущего.

Каждой гамме приписано какое-то значение, определяемое в самых общих чертах. В зависимости от места в слове значение гаммы конкретизируется. Все три словаря построены в виде таблиц, каждая из которых образуется пересечением соответственно трех, четырех или пяти параметров, обозначенных гаммами. В словах указателя гаммы обозначают колонку, раздел и строку таблицы, в малом словаре добавляется рамка, в большом — класс.

Помимо основных знаков (гамм) в пазиграфии используются некоторые диакритические знаки, позволяющие передавать те или иные оттенки значений или грамматические связи слов.

Пазиграфия Мемье обладает довольно сложной грамматикой. Достаточно сказать, например, что глаголы в индикативе имеют 10 временных форм, а притяжательные местоимения различаются в зависимости от рода субъекта обладания (их таким образом насчитывается 12). Вообще в тех случаях, когда в систему вводится какое-либо противопоставление, оно, в силу самой структуры пазиграфических обозначений, становится обязательным и регулярным. Так, если определенная позиция в слове должна служить для обозначения рода местоимений, то всякое местоимение должно быть охарактеризовано определенным родом, а не только местоимение третьего лица, как в большинстве европейских языков. В известном смысле можно утверждать, что в идее парижской пазиграфии грамматика как бы поглощает лексику.

Пазиграфическая система Мемье получила достаточно широкую известность. О ней много писали и спорили в конце XVIII — начале XIX вв. Работа Мемье была известна и в России. Свидетельством тому является рукопись перевода первых сорока страниц книги, хранящаяся в библиотеке АН СССР в Ленинграде [4]. Перевод был осуществлен с текста французского варианта книги Мемье. Рукопись представляет собой 37 стр. in quarto, соответствующих примерно половине текста Мемье. Судя по многочисленным исправлениям и сокращениям, она написана рукой самого переводчика.

Первоначальная установка на полный перевод книги сменилась в дальнейшем стремлением сохранить в переводе лишь то, что непосредственно относится к механизму пазиграфии. С той точки зрения было подвергнуто сокращению начало рукописи, из которого вычеркнуты целые абзацы о достоинствах пазиграфии и о мотивах, побудивших "старого воина" заняться ее разработкой. В дальнейшем подобного рода пассажи просто опущены.

Перевод выполнен в целом вполне квалифицированно, хотя редакционная работа над ним не была доведена до конца. В тексте книги Мемье встречаются примеры слов на разных языках, в том числе и некоторые примеры на русском языке. Переводчик увеличил количество русских примеров, вводя их также и в тех случаях, когда у автора они отсутствуют. Подбор примеров иногда может показаться отнюдь не случайным. Так, тезис о том, что алфавитный порядок сближает между собой "весьма отдаленные идеи", иллюстрируется русскими словами "честь" и "чесать", "корысть" и "корона" [4, 8].

Первая часть книги Мемье разделена на "уроки", в каждом из которых рассматривается одно из общих правил, в совокупности образующих пазиграфическую систему. Перевод охватывает первые четыре из двенадцати урока.

Рукопись обрывается посередине тридцать седьмой страницы. Так как переводчик начинал каждый следующий урок непосредственно на той же странице, на которой кончался предыдущий, можно предположить, что работа над переводом так и не была доведена до конца. Думается все же, что задача установления имени переводчика не лишена смысла, а сам перевод заслуживает опубликования. Это помогло бы составить более верное и полное представление о проекте Мемье и об истории интерлингвистики в России.

"Письменный Волькиев язык"

В интерлингвистической литературе многократно упоминается проект петербургского профессора Х.Г. Вольке, изложенный им в книге,

вышедшей на немецком языке в Дессау в 1797 г. Об этом проекте в разное время упоминали И.С. Фатер, И.М. Шмид, Л. Кутюра, Э. Дрезен, Э.Свадост, Д. Бланке, А.Д. Дуличенко и др. По замыслу Вольке, "для каждого языка требовался особый словарь, который должен был заключать в себе каждое слово со всеми образуемыми от него грамматическими формами. Чтобы сноситься с иностранцами, нужно было вместо каждого слова отмечать страницу словаря и номер, под которым это слово находится в словаре получателя; тогда всякий, желающий прочесть написанное, должен был искать в словаре своего языка страницу и число-номер, соответствующие данному слову" [2, 78]. Этот проект практически единодушно оценивается отрицательно. Еще Фатер в свое время писал, что при изучении иностранного языка нет ничего скучнее утомительной возни со словарем, а у Вольке все сводится именно к этому [9, 120]. Позднейшие авторы тоже рассматривают проект Вольке едва ли не как курьез, отводя его создателю более чем скромное место в истории интерлингвистики.

Между тем выдающийся представитель филантропической педагогики, ближайший сотрудник И. Базедова Христиан Генрих Вольке (1741-1825) занимался проблемой всеобщего языка в течение многих лет и является автором по меньшей мере еще одного проекта, не имеющего ничего общего с тем, о котором шла речь выше.

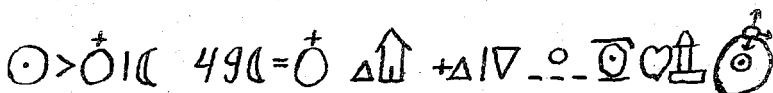
В январской книжке "Магазина общепользных знаний и изобретений" за 1795 г. сообщалось об устройстве парижского оптического телеграфа, представляющего собою конструкцию из трех соединенных деревянных брусьев, каждое из возможных расположений которых интерпретировалось как буква алфавита. В приложении к мартовской книжке помещена заметка "О далекописании, всеобщем языке и посредством учреждать переписку с другими народами без познания о языке оных", в которой сообщалось, что в Санкт-Петербурге далекописание изобретено прежде, нежели в Париже". В заметке шла речь о словарно-цифровой пазиграфии Вольке как о средстве передачи сообщений на расстояние. Помимо прочего сообщалось, что "поелнку помянутою пере-

пискою могут пользоваться все просвещенные народы так, что ни одному из них не надобно будет узнавать ни единого чужого слова, то тем уничтожается вся трудность, которая доселе совокуплена была с изучением и употреблением санскритского письма индийских философов, словесного философского языка анлийского епископа Вилкинса и письменного Волькиева языка" [3, 3].

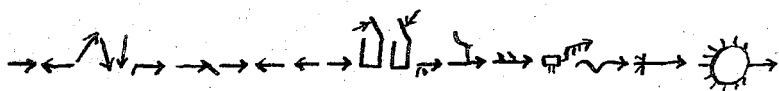
Известное представление о последнем дает девятнадцатая глава вышедшей в 1795 г. в Петербурге книги Вольке "Известия о успехах человеческого духа" [1].

Мы не будем воспроизводить здесь пространных рассуждений Вольке о достоинствах его языка и о мотивах, побудивших заняться его разработкой. Заслуживает внимания, впрочем, ссылки на "мнение ясномыслящего Лейбница о возможности и превосходстве всеобщего языка" и на опыт Кальмара. Приведем лишь отрывки, относящиеся непосредственно к демонстрации "письменного языка".

Каждая глава книги Вольке открывается гравюрой, которая комментируется в тексте. В данном случае гравюра озаглавлена "Буквы и иероглифы" [1, 192]. В верхней ее части помещены образцы буквенных и иероглифических знаков, используемых разными народами. В нижней части под №№ 13-20 - образцы "письменного языка", которые комментируются на стр. 214-217. (Из соображений удобства мы помещаем эти образцы непосредственно перед комментарием).

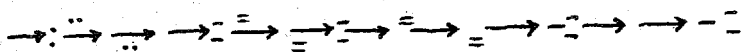
"Три первые начертания по 13-ю значат: солнце больше земли и луны вместе взятых; за ними следующие четыре: сорок девять лунных тел равны одному земному шару; далее: дом горит; они друг с другом как вода с огнем; существо, которое было, есть и будет, вечный бог взирает на сердце, яко жертву ему приносимое; земля движется кругом около солнца, будучи влекома к средоточию стремящеюся и от средоточия удаляющеюся силами.

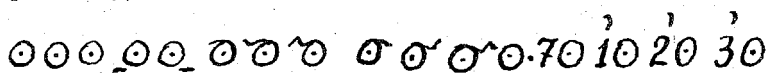
Стрелка служит мне знаком действующей и действительной силы. Отвесная черточка по левую ее сторону значит возобновление, а когда вниз опускается она, то уменьшение; будучи же она на левой стороне означает высшую степень того, что начертание выражает. Таким образом, под 14-ю читатель найдет вразумительно выраженные: движение вверх, отступление или возвращение, восхождение, нисхождение, отвесное ниспадение, медленное вверх шествие, скорый бег, встречу двух, разлучение двух существ, отверстие, закрытие или запертие, четвероногое животное, птицу или летание, рыбу или плавание, насекомое, пресмыкающуюся тварь, двустийную рыбу, морского ежа.

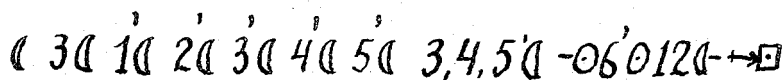
Под 15-ю мое хождение, я иду, ты идешь, он идет, я пошел, ты пошел, он пошел; я хаживал, я тотчас пойду.

Под 16-ю наше хождение, ваше хождение, их хождение, мы идем, вы идете, они идут; мы пошли, вы пошли, они пошли; мы хаживали, мы скоро пойдем.

Под 17-ю солнце или день, ночь (здесь по левую сторону должно быть маленькой черточке, означающей отрицание, которую гравильщик выпустил), ныне или нынешний день, вчера, завтра, час, минута, секунда, год, столетие, тысячелетие, весьма продолжительное время, неделя, воскресенье, понедельник, вторник.

Под 18-ю луна или месяц, четверть года, Генварь, февраль, март, апрель, май, апрель, май, весеннее время. Минувшего года в шестой день двенадцатого месяца (или 6-го декабря) послал я письмо.

--□← 420030-2 -0♡412-♡~--♡

Под 19-ю: ты не отвечал до 20-го марта; без сомнения не знал ты моего сердца или моей любви к тебе, и я приемлю в основание (я думаю), что ты любишь меня еще таким же образом, как задолго прежде всего меня любил".

Приведенные отрывки показывают нам, что Вольке шел, в сущности, тем же путем, который нам известен по многочисленным пазиграфическим проектам, начиная с XVII века. В его систему включены многочисленные традиционные идеограммы: обозначения планет, цифры, алхимические знаки и т.п. Пространственно-временные отношения представляются также вполне традиционно в соответствии с направлением письма: слева прошлое, справа будущее, направо - вперед, налево - назад. Отглагольные существительные включены в глагольную парадигму, лицо выражается синкретично с временем посредством того или иного расположения субъектного показателя.

Создатели всех систем подобного рода с большой легкостью делали первые шаги, опираясь на действительно общепонятные символы. Однако в дальнейшем приходилось вводить и новые конвенциональные обозначения и система как бы разваливалась под собственной тяжестью. Работа над пазиграфическим проектом Вольке остановилась, очевидно, на довольно раннем этапе, т.к. ее создатель увлекся новой идеей словарно-цифровой пазиграфии.

Отметим в заключение один частный момент. Книга Мемье открывается адресованным создателю пазиграфии письмом Р.А. Сикара [7], который был руководителем Парижского института глухонемых. Этот факт представляется нам отнюдь не случайным. В связи с ним интересно отметить, что Х.Г. Вольке также уделял большое внимание сурдопедагогике и считал, что пазиг-

графия может служить "одержимым по несчастью немотом и глухотом особам и их друзьям для удобного взаимного сообщения своих мыслей" [3, 1]. Логика взаимосвязи сурдопедагогики с пазиграфией достаточно прозрачна: коль скоро сознание человека, лишенного слуха, не обременено звуковой формой языка, нет необходимости ориентироваться на калькирование этой формы, естественней и полезней выработать универсальную иероглифику, которая обеспечит общение глухонемых между собою и с другими людьми, общение, независимое от звукового языка. Владение последним может в принципе опираться на усвоенные пазиграфические навыки. "Автор уже ныне веселится воображением, что друзья несчастных некогда возмогут сказать себе: "Ощущает рукою слепой мысли немого; как говоря, немой сердце вскрывает слепому" [3, 4-5].

ЛИТЕРАТУРА

1. [Вольке Х.Г.] Известия о успехах человеческого духа в мыслях и изобретениях, с первых человеков до двадцать первого столетия, объясненные 21 эстампом, со включением естественной истории и баснословия, или предуготовление ко всеобщему деписанию о мире и человеческом роде. - СПб.: И.К. Шнор, в конце 18 Христианского столетия.
2. Дрезен Э. За всеобщим языком. (Три века исканий). - М.-Л.: Государственное изд-во, 1928.
3. О далекописании, всеобщем языке и посредстве учреждать переписку с другими народами без познания о языке оных. - Магазин общепользных знаний и изобретений, СПб, 1795, ч. I, № 3.
4. Пасиграфия или начальные основания нового искусства писать и печатать на каком-нибудь языке так, чтоб можно было читать

- и разуместь на всяком другом без перевода, изобретенное (sic!) и изданное J.*** de M***, немецким пехотным майором. Перевод с французского. Рукопись нач. XIX в., в 4^о, написанная скорописью. - БАН, Собр. Музея Приенисейского края, № 107.
5. Biographie Universelle ancienne et moderne. T. XXVI. - Paris: Chez M-me C. Desplaces, s.a.
 6. Catalogue général des livres imprimés de la Bibliothèque Nationale. Auteurs. T. 103. Masque-Maisner. - Paris: Imprimerie Nationale, 1930.
 7. [Maimieux J. de]. Pasigraphie ou premiers éléments du nouvel art-science d'écrire et d'imprimer en un langue de manière a être lu et entendu dans toute autre langue sans traduction inventes et redigés par J.*** de M*** ancien major d'infanterie allemande. D'edition originale comme l'édition en langue allemand. - Paris: Bureau de Pasigraphie, 1797.
 8. Schmid J.M. Von den bisherigen Versuchen eine allgemeine Schriftsprache einzuführen. - Dilingen: L. Brönnner, 1807.
 9. Vater J.S. Pasigraphie und Antipasigraphie. - Weissenfels-Leipzig, 1799.
 10. Wolke C.H. Erklärung, wie die wechselseitige Gedanken-mitteilung aller kultivierten Völker des Erdkreises oder die Pasigraphie möglich und ausüblich sey, ohne Erlernung einer neuen besondern oder einer allgemeinen Wortschrift oder Zeichensprache. - Dessau, 1797.

ZUR GESCHICHTE DER INTERLINGUISTIK IM
RUBLAND IM ENDE DES XVIII JH. - IM
ANFANG DES XIX JH.

Pawel A. Klubkow

Der Verfasser schlägt zwei Notizen über wenig bekannte Episoden der Geschichte der Interlinguistik im Russland (XVIII-XIX Jh.) vor. Die erste Notiz ist der russischen Übersetzung der bekannten Arbeiten von J. de Mailmieux gewidmet. In der zweiten Notiz handelt es sich um den pasigraphischen Entwurf von Wolke.

"КОСМОГЛОТ" - ПЕРВОЕ ИНТЕРЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО В РОССИИ

С.Н. Кузнецов

Деятельность петроградского общества "Космоглот" (1916-1921), возобновившегося затем в Ревеле (Таллин) под названием "Космоглотт" (1921-1928), представляет собой одну из интересных страниц в истории отечественной интерлингвистики¹. Помимо двух кратких упоминаний в работах по истории международного языка², мы почти не имеем сведений об этом обществе, некогда объединявшем целый ряд выдающихся ученых, - таких как И.А. Бодуэн де Куртенэ, Н.В. Юшманов, а также крупнейших деятелей движения за международный искусственный язык В.К. Розенбергера, Э. фон/де Валя, Э.К. Дрезена, П.Е. Стояна и др. Тем большего внимания заслуживают свидетельства архивных материалов, запечатлевших отдельные моменты истории общества. Материалы такого рода, обнаруженные к настояще-

¹ В литературе существует непоследовательность в передаче названия общества. Несмотря на то, что во всех документах, относящихся к петроградскому периоду его деятельности, общество именуется "Космоглот" (с одним т в конце слова, в латинском написании также "Kosmoglot"), некоторые авторы (например, Э.К. Дрезен) приводят название как "Космоглотт" ("Kosmoglott"). На самом деле форма с двойным тт появляется лишь в ревельский период, когда общество резко меняет свою интерлингвистическую ориентацию (см. ниже). Обе фазы в развитии общества удобно различать вариантами его названия - "Космоглот" и "Космоглотт". Полным названием общества - как в петроградский, так и ревельский периоды - было: Общество международного языка "Космоглот(т)".

² Эти упоминания принадлежат Э.К. Дрезену [7, 326-328] (в более краткой форме [8, 181; 36, 206]) и П.Е. Стояну [54, 197] .

му времени (публикации в редких интерлингвистических изданиях; проспекты, выпускавшиеся обществом; письма и воспоминания членов общества или близких к ним лиц), и послужили основой публикуемой работы. С глубокой благодарностью автор отмечает помощь, которую в разное время оказали ему: В.В. Чешихина (Москва), Я. Ояло, Х. Дрезен и Х. Саха (Таллин), В.П. Вешкарев и Н.К. Романов (Горький). Памяти В.В. Чешихиной и Хильды Дрезен, ныне покойных, посвящается настоящий очерк.

1. Предыстория общества

Как сообщает П.Е. Стоян [54, 197], основанию общества предшествовали обсуждения и подготовительные работы, начатые в Риге в 1912-1914 гг. В.Ф. Шмурло, В.Е. Чешихиным и П.Е. Стояном. Инициатива образования общества принадлежала В.Е. Чешихину, одному из наиболее своеобразных интерлингвистов того времени, автору проекта международного языка "нэпо" (см. ниже). В июле 1915 г., в связи с событиями военного времени, В.Е. Чешихин переезжает в Петроград, где ему удалось побудить к совместной работе ранее враждебных друг другу сторонников различных систем международного языка.

Впрочем, тот факт, что общество было основано именно в Петрограде, нельзя приписать лишь случайным причинам. Столичный город был естественным центром, вокруг которого группировались российские приверженцы международного языка - сначала волапюкисты, а затем эсперантисты и последователи других проектов. Здесь возникают и первые официальные организации, представляющие движение за международный язык. Ко времени основания "Космоглота" в Петербурге уже около четверти века действовали две такие организации, издавна поддерживавшие интерес к проблеме международного языка посредством докладов, собраний, выступлений в периодической печати и тем самым создавшие благоприятные условия для возникновения "Космоглота".

Из этих двух объединений старейшим по времени образования был "Кружок говорящих на во-

лапюке ("Zilak Volarüköi"), созданный в 1889 г. и руководимый известным петербургским волапюкистом, в 1893-1898 гг. директором волапюкской Академии В.К. Розенбергером. Следуя эволюции интерлингвистических взглядов своего руководителя, кружок переходит от волапюка к апостериорным системам международного языка - сначала к идиом-нейтралю, а затем - реформ-нейтралю³. В 1905-1909 гг. официальным названием кружка было - "Grup Neutralparlant" ("Группа говорящих на идиом-нейтрале"), а с конца 1909 г. - "Grup Neutralist" ("Группа нейтраллистов"). При содействии членов этого кружка В.К. Розенбергер издавал в 1906-1908 и 1912-1914 гг. первые в России журналы, посвященные научной разработке проблем международного языка [47; 48]. Однако деятельность кружка с самого начала отличалась известной камерностью: если в 1887-1888 гг. в Петербурге насчитывалось 125 волапюкистов [22; 23], то кружок, возникший на закате волапюка, уже не мог похвастать сколько-нибудь значительным членством. Его ядро составляла лингвистическая комиссия из 6-9 человек, собиравшаяся каждый вторник в квартире В.К. Розенбергера [50, 54]. Позднее сходным образом организовывались и заседания "Космоглота".

Гораздо более представительным было петербургское эсперантское общество "Эсперо", созданное в 1892 г. и сделавшее основой своей деятельности практическое распространение эсперанто в России. Организацией языковых курсов и кружков, распространением литературы, основанием филиалов в провинции общество "Эсперо" добилось заметных успехов и в период существования "Космоглота" насчитывало несколько сот членов. Однако научное изучение проблемы международного языка значительно отставало от практического распространения эсперанто. Тот

³ Идиом-нейтраль был разработан волапюкской Академией в период директорства Розенбергера и опубликован 1902 г. [49]. Дальнейшая модификация этого языка, предпринятая Розенбергером в 1909-1912 гг., увенчалась созданием нового проекта - реформ-нейтралья [51].

теоретический багаж, которым располагали российские эсперантисты до 1917 г., являлся по существу чрезвычайно мизерным", - писал Э.К. Дрезен. "Ученые языковеды того времени, начиная с Булича и кончая П[о]ржезинским, игнорировали всякую возможность "искусственного" создания языка. Следуя старым концепциям буржуазного языковедения, они рассматривали язык, как нечто независимое от человека и развивающееся по путям, предопределяемым самой "природой". При такой постановке вопроса для эсперанто, конечно, не находилось места среди "естественных" национальных языков. Одиночки вроде Романа Брандта ... и Бодуэна де Куртенэ, в свое время ознакомившиеся с эсперанто и признавшие за ним право на дальнейшее существование, - эти одиночки не изменяли общей ситуации ... Российские эсперантисты сами никаких самостоятельных мнений по этому вопросу не имели. В тех пропагандных популярных изданиях, которые выходили в России до 1917 года, можно было в лучшем случае найти только пересказ основных идей Заменгофа: 1) что международный язык это язык вспомогательный, а не всемирный, единый; 2) что эсперанто развивается в процессе своего использования; 3) что фактическое использование искусственного языка доказывает по существу совершенно противоположное тому, что хотели бы доказать языковеды, отвергающие эсперанто. Конечно, не с таким багажом можно было рассчитывать на оправдание существования международного языка", - заключает Э.К. Дрезен [10, 291].

Таким образом, между сторонниками реформ-нейтраля и эсперанто существовало своеобразное соотношение: первые проявляли себя теоретической разработкой проблем международного языка, но были не способны привлечь к своим идеям внимание широкой публики; вторые имели значительные практические успехи при достаточно слабой теоретической базе. "Единственную свежую струю, - отмечает Э.К. Дрезен, - в общем движении за международный язык в прежней России в то время вносили отдельные кружки эсперантистов, работавшие над изучением движения за международный язык и над накоплением со-

ответствующих языковых фактов. Такие кружки имелись в ряде мест. Несомненно одним из самых замечательных в этом отношении являлся кружок, группировавшийся в прежнем Петербурге вокруг П. Стояна, В. Шмурло и Т. Шавинского. Этот кружок послужил в свое время основой для оформления ... общества по изучению искусственных языков 'Космоглот' [10, 291-292].

По свидетельству другого очевидца событий тех времен - С. Гайдовского, кружок, работавший под руководством П.Е. Стояна в 1916-1917 гг., был русским отделом эсперантской Академии - "Национальным лингвистическим подкомитетом" ("Nacia Lingva Subkomitato") [44, 14]. Такие подкомитеты существовали в ряде стран с 1912 г. [37, 343].

Непосредственным прологом создания "Космоглота" стали доклады, состоявшиеся по инициативе Э.К. Дрезена в петроградском Технологическом институте (где Дрезен возглавлял эсперантское общество). Докладчиками выступили Н.К. Романов⁴, Э.К. Дрезен, В.К. Розенбергер, П.Е. Стоян, а после переезда в Петроград и В.Е. Чехихин. Старые номера журнала "Волна эсперанто" [36] позволяют установить названия этих докладов⁵:

19. II 1915: Н.К. Романов. "Ortografio de propraj pomoj en Esperanto".
5. III 1915: Э.К. Дрезен. "Malgramatiko de Esperanto"⁶.

⁴ Н.К. Романов жил в Петрограде до июня 1916 г. и, в связи с отъездом, не смог позднее стать участником "Космоглота". П.Е. Стоян [54, 197] называет эту фамилию без инициалов; благодаря В.П. Бешкареву мы установили, что речь идет о Николае Константиновиче Романове (1893-1978), проживавшем последние годы в г. Горьком.

⁵ Сохраняем эсперантские названия докладов, как они приведены в журнале. Следует, однако, иметь в виду, что В.К. Розенбергер и В.Е. Чехихин делали свои сообщения по-русски, остальные - на эсперанто. Все приводимые даты - старого стиля.

⁶ Вероятно, имеются в виду нарушения грамматической нормы эсперанто.

2. IV 1915: В.К. Розенбергер. "Esperanto kaj ĝiaj konkurantoj".
17. IV 1915: Э.К. Дрезен. "Virina Esperanto!"
11. X 1915: Н.К. Романов. "Esperanto kaj neŭtraleco".
25. X 1915: Э.К. Дрезен. "Pri diferenco inter esperantistoj ĝenerale kaj esperantistoj teknologoj speciale".
8. XI 1915: В.К. Розенбергер. "Nova sistemo de filozofia lingvo 'Ro'".
- "- В.Е. Чехихин. "Miaj lingvosistemoj 'Neosineographia' kaj 'Ne-ro'".

Доклады состоялись также в обществе "Эсперо": в начале 1915 г. доклад П.Е. Стояна об алфавите эсперанто [3а], в феврале 1916 г. доклад В.Е. Чехихина по проблемам пазиграфии (всеобщего письма) [3в]. В.К. Розенбергер предоставляет свою квартиру для регулярных встреч будущих членов "Космоглота"; наконец, происходит основание общества.

2. Петроградский период: "Космоглот", 1916-1921

Общество "Космоглот" было основано в марте 1916 г. и официально зарегистрировано в конце 1916 или начале 1917 г. [20а]. Его учредителями стали В.К. Розенбергер (избранный председателем), И.А. Бодуэн де Куртенэ (почетный председатель)⁷, В.Е. Чехихин, В.Ф. Шму-

⁷ Невозможно пройти мимо того факта, что участие Бодуэна де Куртенэ в "Космоглоте" совпало с трудным периодом в его жизни. В 1913 г. Бодуэн опубликовал брошюру "Национальный и территориальный признак в автономии", в которой резко выступал против практиковавшегося царским правительством угнетения малых национальностей. В ответ последовали репрессии. Известнейший ученый с мировым именем, Бодуэн был заключен на три месяца в петербургскую тюрьму "Кресты" и потерял должность профессора в Петербургском университете. История отечественной интерлингвистики по достоинству оценит тот факт, что члены "Космоглота" не устрашились предложить

ло, Э.К. Дрезен, П.Е. Стоян. Позднее состав участников пополнили известные интерлингвисты Я.И. Линцбах, Э. фон Валь, Н.В. Юшманов, В.К. Петрашевич и др.

Инициатива создания общества, как мы уже говорили, принадлежала В.Е. Чешихину. Он же придумал и название общества, навеянное принятым в то время обозначением науки о всемирных (международных) языках - "космоглогтика"⁸. Программа общества популяризовалась, в частности, посредством специальным пропагандных открыток. На одной из них читаем⁹:

"Цели Общества: а) исследование вопроса о международном языке, б) проведение идеи международного языка в жизнь, в) изучение искусственных и естественных языков. Общество стремится объединить друзей международного языка, авторов искусственных языков, собрать библиотеку всех изданий о международном языке... Сторонники каждого языка могут открыть при обществе свой отдел".

Говоря о "проведении идеи международного языка в жизнь", учредители "Космоглота" имели в виду популяризацию самой идеи международного искусственного языка, ознакомление с ней широкой публики. Именно так данный пункт программы формулируется в некоторых журнальных сообщениях об образовании "Космоглота" [3г].

Характерно, что общество не намерено было ограничиться изучением одних лишь искусственных языков, предложенных для международно-

почетное председательство опальному профессору, который, по его словам, стал "теперь не вхож в университет как государственный преступник" [24, 87].

⁸ Общепринятый ныне термин "интерлингвистика", впервые появившийся в 1911 г. [12, 42], в то время не имел большого распространения, так как в первую очередь ассоциировался с интерлингвой - языковой системой, разрабатывавшейся членами "Academia pro Interlingua". Официализация термина "интерлингвистика" произошла в 1931 г. по инициативе О. Есперсена [39].

⁹ Восстанавливаем сокращенные слова, имеющиеся в оригинале.

го общения. Последние привлекались к рассмотрению на широком фоне естественных языков (ср. упоминаемый ниже доклад П.Е. Стояна). По-видимому, в понимании задач космоглотики члены общества были близки к О. Есперсену, позднее (1931 г.) предложившему следующее определение интерлингвистики: "Отрасль языкознания, которая исследует структуру и основные понятия всех языков [т.е. естественных и искусственных], имея целью установление норм для международных искусственных языков" [39, 1].

Ставя перед собой задачу сопоставительного изучения всех искусственных и естественных языков, общество определяло себя как нейтральное по отношению к каждой отдельно взятой системе международного языка. Этим оно отличалось от вышеназванных организаций эсперантистов и сторонников реформ-неутраля, действовавших в то время в Петрограде. Однако, как уже было сказано, приверженцам каждого языка позволялось открыть при обществе свой отдел. 15 апреля 1916 г. (стар. ст.) была создана эсперантская секция, поставившая своей задачей "представительство эсперанто в обществе "Космоглот", защиту и пропаганду эсперанто в неэсперантских организациях, изучение эсперантс на основе Fundamento и в соответствии с работами "Lingva Komitato" [3г]. Наиболее видными эсперантистами участниками "Космоглота" были В.Ф. Шмурло, Э.К. Дрезен и П.Е. Стоян.

Другую секцию ("Section Neutralist") образовали члены вышеназванного кружка последователей реформ-неутраля, возглавлявшегося В. К. Розенбергером. Позднее к ней присоединился и Н.В. Юшманов, известный впоследствии идист, автор проекта международного языка "этем", ставший членом "Космоглота" в апреле 1918 г. [20в]. Близки к неутралистам были также Э. фон Валь, будущий создатель языка окциденталь, и В.К. Петрашевич, опубликовавший в 1917 г. проект международного языка "Glot" [46]. На обложке этого издания помещен призыв к читателям, "принципально согласным с идеей языка "Glot", обращаться, или вступать членами, в "Общество Международного Языка" ("Космоглот")".

"В 1916-17 гг. общество "Космоглот" раз-

вернуло интенсивную деятельность, устроило ряд собраний и организовало ряд докладов, посвященных разным системам всеобщего языка [8, 181]. К сожалению, этот период недостаточно документирован. Нам известны лишь два доклада, состоявшиеся в 1917 г. Так, 28 января (стар. ст.) Я.И. Линцбах прочел доклад под названием "Язык без слов и без грамматики", в котором, по отзыву В.К. Розенбергера, содержался ряд совершенно новых идей¹⁰. По-видимому, в докладе нашли отражение мысли автора, изложенные им в его книге 1916 г. "Принципы философского языка" (см. ниже).

1 мая 1917 г. (стар. ст.) в помещении Вегетарианского общества состоялся доклад П.Е. Стояна "О строении языков природных и искусственных", на котором присутствовало 30-35 чел. [20б]. Содержание доклада излагалось в афишах, выпущенных обществом "Космоглот" (одна из них сохранилась в библиотеке Московского Центрального Эсперанто-клуба). Приводим этот текст полностью:

"I. Искусственное в природном языке - плод личного творчества. Искусственность литературного языка.

Техника строения искусственных языков. Четыре примера искусственного языка: мертвый Волапюк и живое Эсперанто, ученое Идо и практический Реформ-Нейтраль. Дух природного языка и душа Эсперанто.

Корневой состав. Народное творчество в словопроизводстве. Интеллигентское бессилие в языке. Корнесловие искусственных языков.

II. Первичное строение природного языка. Недостаточность или ложность теории корней.

Понятие об индоевропейском праязыке. Математический анализ строения корней. Шестерная формула и.-е. праязыка, служащего подсознанию моделью вселенной.

Картина зарождения индоевропейских гово-

¹⁰ Письмо В.К. Розенбергера Н.В. Юшманову от 11 января 1917 г. [20а] сообщает об этом докладе, как о предстоящем событии.

ров на великой равнине. От множества говоров к единству языка. Горно-приморская Европа. Победа устойчивого единства. Предопределение всемирного влияния индоевропейского языка и мышления.

III. Заключение: Необходимость сводной работы о строении языков человечества. Возврат к природе и к праязыку. Идеал международного искусственного языка."

Несмотря на нераскрытость отдельных тезисов, в этом конспекте узнаются основные суждения П.Е. Стояна: мысль об искусственности многих компонентов естественного языка¹¹, идея закономерного появления международных искусственных языков как этапа на пути развития человеческих языков от разнообразия к единству¹², положение о зависимости искусственного языка от строения "природных" языков. Весьма ёмко обозначены психологические физиономии отдельных искусственных языков (волапюк, эсперанто, идо, реформ-нейтраль).

Сохранился отзыв В.К. Розенбергера об этом докладе [206]. Из него мы узнаем, что П.Е. Стоян проводил различие между искусственными языками, созданными одним человеком и наделёнными "душой" (волапюк, эсперанто), и языками без "души", имеющими коллективного автора (идо, реформ-нейтраль). В этом тезисе явственно прослушивается отзвук дискуссий того времени между эсперантистами и идистами, из которых последние усматривали достоинство своей системы в том, что она создана не одним лицом, а научным коллективом. П.Е. Стоян, наоборот, склонен считать отсутствие авторской индивидуальности ("души") недостатком искусственного языка. Позиция П.Е. Стояна была, по-видимому, близ-

¹¹ Ср. сходные высказывания Бодуэна де Куртене [1, 542].

¹² Много позднее П.Е. Стоян выскажет ту же мысль в одной из своих работ [55, 9-11]. Концепция развития языков от разнообразия к единству составляет одно из ведущих положений теории Н.Я. Марра; интерлингвистическую интерпретацию этой концепции см. в книге [25, 186-187].

ка взглядам И.А. Бодуэна де Куртенэ, считавшего создание искусственного языка делом не столько теоретического языкознания, сколько "художественной фантазии" автора [4, 62; 32, 72].

О деятельности самого И.А. Бодуэна де Куртенэ в указанный период можно составить представление по его речи на торжественном заседании общества "Эсперо" 14 апреля 1918 г. [45]. Бодуэн де Куртенэ вновь высказал здесь свое убеждение в возможности сознательного, искусственного воздействия человека на язык ("так как язык есть орудие человека, то человек поэтому имеет не только право, но вместе с тем нравственную обязанность совершенствовать это орудие") и о необходимости выработки будущего международного языка, возможно, на базе эсперанто ("эта эволюция эсперанто осуществится, когда лингвисты или языковеды перестанут относиться с недоверием и пренебрежением к вопросу об искусственных языках и сами займутся его решением").

На том же заседании, посвященном памяти Л. Заменгофа, выступил В.К. Розенбергер, отметивший большие лингвистические заслуги создателя эсперанто.

Помимо докладов, предназначенных для широкой аудитории, члены общества регулярно устраивали встречи в более узком составе: каждую субботу у В.К. Розенбергера собиралось пять наиболее активных участников "Космоглота" [206].

При относительной малочисленности петроградского "Космоглота" среди его членов находим представителей всех основных интерлингвистических направлений. Как известно, в основу классификации искусственных языков положена степень их близости к естественным языкам: принято различать искусственные языки априори (не имеющие ничего общего с естественными) и апостериори (заимствующие свой материал из естественных языков-источников), а среди последних - языки автономные, имеющие определенные отклонения от языков-источников, и языки натуралистические, наиболее близкие к образцу естественных языков. По другому признаку искусственные языки делятся на пазилалии (имеющие как письменную, так и устную форму

выражения) и пазиграфии (системы всеобщего письма, не реализуемые в устной форме). В "Космоглоте" был представлен весь спектр существовавших тогда типов искусственных языков.

Сторонником априорного направления был Я.И. Линцбах. В год основания "Космоглота" он публикует в Петрограде книгу, посвященную разработке принципов философского языка [14]. Он высказывает здесь ряд оригинальных идей об "идеальном письме", "идеальном языке", "идеальных понятиях", "идеальных знаках" и т.п. - вплоть до "идеальной культуры". Его занимает возможность передачи языковых смыслов средствами геометрических начертаний, что должно привести к математизации языка. Совершенным геометрическим языком представляется ему кинематография, дающая 4-мерное изображение пространства (два первых измерения соответствуют ширине и высоте экрана, третье измерение - глубине картины, представленной в перспективе, четвертое - смене одного кадра другим во времени). Анализ этих идей по праву позволяет причислять Я.И. Линцбаха к предшественникам современной семиотики [40]. Уже после революции, в 1918 или 1919 г., Я.И. Линцбах демонстрирует на выставке петроградских районных художественных школ, где он преподавал проекционное черчение, коллекцию идеографических выражений, составленных на основе его теории. Эта коллекция, называвшаяся "Геометрический язык", привлекла внимание посетившего выставку наркома просвещения А.В. Луначарского, приобретшего и книгу Линцбаха "Принципы философского языка" [15].

Система искусственного языка, разработанная Линцбахом, принадлежит к числу априорных пазиграфий. Сторонником пазиграфии (всеобщего письма) был и инициатор "Космоглота" В.Е. Чешихин, однако его пазиграфии носят не априорный, а апостериорный характер, так как воспроизводят (письменные) формы естественных языков. Еще в 1913 г. В.Е. Чешихин предложил идею искусственного языка, в котором весь словарный состав заимствовался бы без изменений из какого-либо естественного языка (или группы таких языков), а грамматические формы переда-

вались бы эсперантскими окончаниями. Подобный искусственный язык В.Е. Чешихин именует нэпо (Nero - на эсперанто "внук" - в отличие от самого эсперанто и его "потомка" - языка идо) [26]. Нэпо существовало в виде нескольких вариантов - в зависимости от того, лексика какого национального языка в нем используется. Ряд таких вариантов был опубликован В.Е. Чешихиным и в период участия в "Космоглоте" [28]. По мысли Чешихина, метод, воплощенный в нэпо, может дать возможность вести международную корреспонденцию без знания иностранных языков: достаточно лишь выписать нужные слова в исходной форме (существительные в именительном падеже, глаголы в форме инфинитива) и снабдить их эсперантскими окончаниями, показывающими грамматические значения слов и их связь между собой (-o обозначает существительные в единственном числе, -oj - во множественном, -i - инфинитив, -as - настоящее время глагола и т.п.). Тогда фраза "Россия живет под знаком интернационализма" получит в русском варианте нэпо следующий вид: Rossija-o zhitj-as pod znak-o de internatzializm-o [56]. Чтобы понять смысл этой фразы, иностранцу достаточно при помощи словаря заменить русские слова на слова своего языка, оставляя в стороне все трудности русской грамматики. В.Е. Чешихин предусматривал даже возможность одновременного перевода на ряд языков; так, фраза "приходи, я жду" может быть выражена сразу на французском, немецком и английском языках (с эсперантскими грамматическими элементами) [28]:

venir	}	u;	}	attendre
kommen				mi warten
to come				to wait

Проект Чешихина был встречен другими интерлингвистами достаточно скептически, хотя и не без интереса. По позднейшему отзыву Э.К. Дрезена [8, 224], совмещение грамматики эсперанто со словами естественных языков "придает системе 'нэпо' характер жаргона". Действительно, как проект международного языка нэпо был обречен на неудачу. Однако идея Чешихина, непродуктивная в интерлингвистике, через несколь-

ко десятилетий обрела второе рождение в новой научной отрасли — зарождающейся теории автоматического перевода. В 1933 г. основоположник этой теории у нас в стране П.П. Смирнов-Троянский подал заявку на изобретенную им "машину для автоматического производства... печатных переводов с одного языка одновременно на ряд других языков" [18]. Автор исходил из того, что всем языкам присущ "единый логический строй", выраженный в системе частей речи и грамматических категорий. Лексический же материал различен; следовательно, в задачу перевода входит замена лексических единиц одного языка лексическими единицами другого. Эта операция, как наиболее трудоемкая, и передается машине. Предварительно текст обрабатывается человеком, знающим язык оригинала: этот человек должен привести все лексические единицы к их словарной форме (существительные и прилагательные к именительному падежу, глаголы к инфинитиву и пр.), а грамматические значения выразить особыми "знаками логического разбора". Далее наступает этап машинной обработки, в процессе которой лексика одного языка заменяется лексикой другого, а "знаки логического разбора" сохраняются. После этого текст поступает другому человеку — редактору, знающему язык перевода. Редактор заменяет "знаки логического разбора" грамматическими формами, свойственными языку перевода. Таким образом, оба человека-оператора могут не знать языка друг друга.

Самое же интересное для нас состоит в том, что в качестве "знаков логического разбора" Смирнов-Троянский предлагал использовать грамматические показатели языка эсперанто, так что всякий текст в "форме логического разбора" полностью совпадает с "нэпо" В.Е. Чехихина! Для примера приведем перевод фразы с французского языка (А) на русский (Б) через промежуточные стадии А' и Б' [18, 21]:

А: Le parti périt, s'il commence à cacher ses erreurs.

А': le parti-o pèrir-as si il commencer-as cacher-i son-ajn l' erreur-ojn.

Б': партия-о погибать-as если он начинать-as скрывать-i свой-ајп ошибка-ојп.

Б: Партия погибает, если она начинает скрывать свои ошибки.

Предложения П.П. Смирнова-Троянского на много лет опередили соответствующие зарубежные разработки, которые на Западе начинаются лишь с 1946 г. [18, 29]. Современные исследователи видят основную заслугу П.П. Смирнова-Троянского в том, что он установил "независимость знаков логического разбора от конкретных языков" [5, 81] и тем самым явился первым ученым, высказавшим "мысль о возможности перевода с помощью универсального логического языка-посредника" [16, 287]. Однако как раз в этом отношении приоритет П.П. Смирнова-Троянского не бесспорен. Абсолютно такую же процедуру перевода с одного языка на другой В.Е. Чешихин разработал еще в 1913 г. - за 20 лет до Смирнова-Троянского! Это позволяет правильно понять основную идею, скрытую в интерлингвистическом замысле В.Е. Чешихина. По сути дела его проект представлял собой не столько систему международного языка, сколько систему перевода, предложенную задолго до появления технических средств, способных механизировать этот процесс.¹³

Чрезвычайная близость "логического разбора" по П.П. Смирнову-Троянскому к "Нэпо" В.Е. Чешихина навеивает мысль о возможной идейной преемственности между обоими проектами. В этой связи может оказаться не случайным, что проект "переводной машины" П.П. Смирнова-Троянского рецензировался давним сотрудником В.Е.

¹³ Как известно, понятие "автоматического перевода" (АП) не тождественно понятию "машинного перевода" (МП). Перевод может считаться автоматическим, если он выполняется, хотя бы и человеком, по определенным правилам, не зависящим от произвола переводчика. "Автоматический" перевод становится "машинным", если его выполнение передается какому-либо механическому устройству. С этим уточнением можно было бы сказать, что В.Е. Чешихин явился предшественником идеи АП, в то время как П.П. Смирнову-Троянскому принадлежит приоритет разработки МП.

Чешихина по "Космоглоту" - проф. Н.В. Юшмановым [18, 42], который, несомненно, не мог пройти мимо очевидного сходства развивавшихся ими идей.

Рассмотренные здесь пазиграфические системы Я. Линцбаха и В.Е. Чешихина выходят за рамки интерлингвистики, где и обретают свое подлинное научное значение - первая как предвосхищение семиотики, вторая - как первое приближение к идее автоматического перевода. Что же касается письменно-разговорных языков (пазилалей), то эти системы в полной мере сохраняли свою интерлингвистическую значимость. В эпоху "Космоглота", как и ныне, наиболее распространенным искусственным языком этого типа был эсперанто, сторонники которого, как уже было сказано, составили в "Космоглоте" особую секцию. Двум членам этой секции - П.Е. Стояну и В.К. Петрашевичу - принадлежит пионерская попытка написания "Теоретической грамматики эсперанто", которую они предприняли еще в 1909-1910 гг. К сожалению, эта работа осталась не напечатанной [13, 58]; лишь много позднее, в 1931 г., появились "Очерки теории эсперанто" другого (к тому времени уже бывшего) участника "Космоглота" - Э.К. Дрезена [9].

Что же касается П.Е. Стояна и В.К. Петрашевича, то их совместная работа над теоретической грамматикой эсперанто привела к довольно неожиданному результату - попытке более или менее глубокой ревизии самого языка эсперанто. Оставаясь эсперантистом и активно выступая на стороне эсперанто в полемике эсперанто-идо¹⁴, П.Е. Стоян в то же время не

¹⁴ Отметим любопытный эпизод этой полемики. В 1912 г. П.Е. Стоян издает под именем выдуманного им автора О. Шулерца (анаграмма эсперантского слова *ŝerculo* "шутник") проект "нового" международного языка идидо [30]. Этот проект был представлен как усовершенствованное идо (которое, в свою очередь, выступало под маркой усовершенствованного эсперанто). Однако на поверку этот дважды усовершенствованный проект оказывался не чем иным, как первоначальным эсперанто! Мистификация П.Е. Стояна должна была выставить в смешном свете нескончаемые по-

остановился перед выработкой собственных проектов реформированного эсперанто, правда, оставленных им в рукописи: в 1911 г. им создаются spiranta и lingua franka, в 1912 г. - aruana, в 1914 г. - ariana, за которыми с 1919 г. последовали и другие аналогичные системы. Кроме того, к 1913-1916 гг. относится (также неопубликованный) проект "общеславянского языка", принадлежащий П.Е. Стояну и Д. Чуповскому.

Параллельно разрабатывает собственные интерлингвистические проекты и В.К. Петрашевич. Об этих проектах мы имеем больше сведений, так как они были им изданы. В 1917 г. В.К. Петрашевич публикует в Петрограде уже упоминавшийся выше проект "Glott" [46]. По свидетельству М. Монро-Дюмена, идея этого проекта зародилась у В.К. Петрашевича в результате сотрудничества с П.Е. Стояном в 1910 г. [43, 173], т.е., следовательно, в результате их совместной работы над теоретической грамматикой эсперанто. В языке "Glott" автор делает попытку "заменить категории грамматические категориями логическими", что "позволило бы обойтись без произвольных грамматических правил и свести изучение международного языка к изучению одного лишь лексического материала." Лексический материал должен быть составлен из общеизвестных интернациональных слов. Поскольку "законы логики единственны для всех обитателей земного шара", а лексический материал интернационален, то такой язык оказался бы общеприемлемым и был бы лишен каких-либо конкурентов [46, 1]. До выработки международного словаря автор предлагал пользоваться сло-

пытки реформирования эсперанто; автор тогда еще, видимо, не мог предполагать, что ему предстоит явиться создателем едва ли не самой длинной серии проектов реформированного эсперанто в истории интерлингвистики. Не исключено, что именно Idido (что значит "потомок потомка") годом позже - в 1913 г. - навело В.Е. Чешихина на мысль окрестить собственную систему искусственного языка словом Nepo ("внук").

варем реформ-нейтралю, "как наименее произвольным из всех доныне предложенных" [46,16]. Таким образом, язык "Glott" представлял собой в известном смысле попытку компромисса между эсперанто и реформ-нейтралем.

Через год В.К. Петрашевич издает новый вариант своего проекта, именуя его "Glott" [19]. В нем он менее настаивает на необходимости замены грамматических категорий логическими, перенеся основной акцент на последовательную передачу интернациональных элементов. Словарь реформ-нейтралю теперь уже представляется ему "недостаточно выдержанным", так как интернациональные слова "бронза", "химия", "хаос" передаются здесь формами *bronce*, *quimi*, *caot* вместо более понятных *bronze*, *chimie*, *caos* [19, 17]. Из этого видно, что интерлингвистические взгляды В.К. Петрашевича эволюционизировали от автономизма (в духе эсперанто) к натурализму (превышающему даже натуральность реформ-нейтралю).

Попыткам реформирования эсперанто отдал дань еще один член эсперантского крыла "Космоглота" - В.Ф. Шмурло. В 1917 г. он издал в Петрограде эсперантский справочник "Ariadna Faden" ("Нить Ариадны"), о котором будет еще упомянуто ниже. Здесь он вносит в эсперанто определенные коррективы, но, как справедливо отмечает Э.К. Дрезен [8, 209] "эти коррективы в большинстве случаев глубоко индивидуальны и противны общим принципам построения логической и простой грамматики", например, он сокращает *ne estas* "не есть" в *nes*. Несколькими годами позже В.Ф. Шмурло составляет уже целый проект "языка Ариадны" (*ariadna lingvo*, сокр. *arling*, или *esperido*). Этот рукописный проект, относящийся к 1920 г., остается нам неизвестным [8, 209; 54, 519].

Своеобразно был представлен в "Космоглоте" основной тогдашний соперник эсперанто - язык идо. Прямое отношение к этому языку имели два члена "Космоглота" - Н.В. Кушманов, активно сотрудничавший в ряде идистских журналов, и И.А. Бодуэн де Куртенэ, некогда (в 1907 г.) бывший вице-председателем Комитета

"Делегации по принятию международного вспомогательного языка" - того самого Комитета, который и создал язык идо. Однако Н.В. Юшманов стал членом "Космоглота" в апреле 1918 г. - уже после того, как он заявил себя автором искусственного языка "этем" (1917 г.). По ряду признаков "этем" близок "глотту" В.К. Петрашевича и реформ-нейтралю В.К. Розенбергера: в этом языке используются натуральные элементы, взятые из международной лексики. В "Космоглоте" Н.В. Юшманов, как уже говорилось, примкнул к секции нейтралистов и, таким образом, выступал в качестве представителя не столько идо, сколько "этема".

Что же касается Бодуэна де Куртенэ, то он уже в 1908 г. вышел из состава комиссии, продолжавшей разработку идо, и весьма критически оценил многие особенности этого языка [2, 426-428]. В полемике эсперанто-идо Бодуэн ошутимо склонялся на сторону первого из них, однако "широта, беспристрастность и трезвость взглядов позволила ему позднее в качестве автора предисловия к небольшой брошюре рекомендовать читателям и другой проект искусственного языка, - конкурировавший с эсперанто, - Reform-Neutral В. Розенбергера [4, 65].

Действительно, в 1912 г. В.К. Розенбергер выпустил в свет учебник реформ-нейтралья одновременно на немецком, английском и французском языках [51]. В предисловии к этому изданию И.А. Бодуэн де Куртенэ дает весьма высокую оценку реформ-нейтралья "как глубоко продуманной и тщательно выполненной реализации идеи международного вспомогательного языка" (правда, оговариваясь, что все предложенные искусственные языки он рассматривает лишь "с исторической точки зрения" - как фазы эволюции на пути к окончательному решению вопроса о международном языке).

Реформ-нейтраль действительно заслуживает почетного упоминания в истории отечественной интерлингвистики. Если эсперанто дает начало автономистской школе, то к реформ-нейтралю восходят истоки второй основной интерлингвистической школы - натуралистической.

На страницах публиковавшихся В.К. Розенбергером журналов "Progres" [47] и "Progress" [48] выступал - иногда в согласии с Розенбергером, а иногда и в полемике с ним - другой ведущий теоретик натурализма, Э. фон Валь, также ставший в 1916 г. членом "Космоглота".

Таким образом, обе оформившиеся к тому времени интерлингвистические школы были представлены в "Космоглоте" незаурядными исследователями, работы которых оказали глубокое воздействие на развитие интерлингвистики в нашей стране и за рубежом.

Следует отметить важную особенность деятельности "Космоглота", также имевшую немалое значение для отечественной и мировой интерлингвистики: многих участников "Космоглота" отличал своего рода интерлингвистический энциклопедизм, стремление обобщить и свести воедино весь накопленный к тому времени материал по проблеме международного языка. Этот энциклопедизм покоился на солидной библиографической основе: в соответствии со своей программой общество стремилось "собрать библиотеку всех изданий о международном языке". Такая библиотека, уже существовала до основания общества: это было весьма ценное собрание В.К. Розенбергера, в свое время виднейшего русского волапюкиста и директора Академии волапюка. Библиотекой В.К. Розенбергера пользовались его сотрудники по волапюкскому и нейтраллистскому кружкам, а затем и члены "Космоглота". Материалы этой библиотеки составили основу той обширной библиографической документации, которая позднее была использована в фундаментальных интерлингвистических трудах Э.К. Дрезена и П.Е. Стояна: в числе главных источников своей книги "За всеобщим языком" Э.К. Дрезен называет библиотеку волапюкской Академии и библиотеку общества "Эсперо" (куда поступила часть книг из собрания В.К. Розенбергера) [8, 10]; П.Е. Стоян также указывает, что источником его "Библиографии международного языка" послужили в первую очередь материалы, собранные в России [54, 15].

Библиографическая оснащенность "Космоглота" позволила его членам предпринять зада-

чу полной инвентаризации всех проектов между-народных искусственных языков. По свидетельству В.Е. Чешихина, с 1916 г. по осень 1921 г. "Космоглот" зарегистрировал 321 систему искусственных языков, созданных за 300 лет со времен Декарта, в том числе 33 варианта эсперанто [29]. Непосредственно к историческим разысканиям "Космоглота" восходят перечни искусственных языков Н.В. Юшманова [60] и П.Е. Стояна [53], а также систематическое описание искусственных языков Э.К. Дрезена [6; 8; 36].

Членам "Космоглота" были предприняты и первые попытки составления энциклопедии движения за международный язык. Еще в 1913 г. П. Е. Стоян предложил издавать "Универсальную энциклопедию на карточках" ("Universala Slipa Enciklopedio"). "Идея П. Стояна заключалась в том, чтобы издавать карточки или брошюры стандартного образца на самые различные темы таким образом, чтобы можно было подбирать их по алфавиту" [17, 160]. П.Е. Стоян издал 5 пробных карточек энциклопедии, но дальше этого дело не продвинулось. Аналогичным образом в 1915 г. В.Е. Чешихин пробовал издавать "Всеобщий словарь на открытках" [27]. В 1916 г. В. Ф. Шмурло составил в Риге первую эсперантскую энциклопедию под названием "Ariadna Fadeno". Ее начальная часть (до слова "Je") погибла во время войны при оккупации Риги немцами. Вторая часть вышла в 1917 г. в Петрограде (о новшествах, введенных в ней в язык эсперанто, мы уже говорили выше). К 1921 г. относится сообщение о подготовлявшейся по инициативе В.Ф.Шмурло и под редакцией Н.В. Юшманова энциклопедии всемирного языка, которая должна была включать сведения об организациях, журналах, фактах, лицах, имеющих отношение к проблеме всемирного языка [58]. Эти энциклопедические устремления повели Н.В. Юшманова и другого его сотрудника по "Космоглоту", Н.В. Чешихина, еще дальше - к разработке проблем "интеркультуры", под которой они понимали "интернациональную объединительную культуру", проявлявшую себя в международной унификации (или попытках унификации) мер, форматов, календаря, монетных единиц, систем библиографической и иной класси-

фикации и т.п. [59]. Н.В. Юшманов и В.Е. Чешихин предприняли даже составление (на изю!) таблицы культурных "всемирностей", т.е. своего рода универсалий в области культуры, естественным образом смыкавшихся с вопросом о всемирном языке.

К сожалению, большинство этих далеко идущих замыслов не реализовалось. Даже более скромная задача составления интерлингвистической энциклопедии была выполнена (да и то лишь отчасти) уже вне рамок "Космоглота": в 1934-1935 гг. в Будапеште вышла "Энциклопедия эсперанто", в основу которой лег материал известного русского эсперантиста И.Г. Ширяева (не состоявшего в "Космоглоте") [37].

Однако даже неосуществленные замыслы позволяют судить о размахе деятельности "Космоглота", позволившей ему оставить заметный след в истории интерлингвистики несмотря на весьма краткий период существования этого общества. В декабре 1918 г. скончался председатель "Космоглота" - В.К. Розенбергер; руководство обществом перешло в руки заслуженного космоглотиста, эсперантиста и члена бывшей волапюкской академии В. Шмурло [8, 181]. Однако дни общества были уже сочтены. Резкий сдвиг в общественной жизни, последовавший за февральской и Октябрьской революциями, принес новые веяния и в движение за международный язык, на первый план выдвигаются вопросы его практической организации и целевой переоценки. Оживает левое крыло движения, отвергнувшее прежние лозунги политического нейтралитета и вставшее на социалистическую платформу. Часть членов "Космоглота" отдают себя решению первоочередных задач, возникших перед движением, временно откладывая проблемы теоретического порядка. В середине 1918 г. обновляется руководство общества "Эсперо", председателем которого становится Э.К. Дрезен [52]. Вместе с тем голод, наступивший в результате военной разрухи, заставил многих других членов "Космоглота" покинуть Петроград. Большинство из них больше не имели возможности встретиться: И.А. Бодуэн де Куртенэ принимает кафедру в Варшавском университете (летом 1918 г.), П.Е.

Стоян в 1919 г. переезжает в Сербию (потом в Швейцарию и, наконец, во Францию), В.К.Петрашевич переселяется на Урал, В.Ф. Шмурло - в Латвию, Я.И. Линцбах (в 1920 г.) - в Эстонию. Там, в Ревеле, в 1921 г. общество возрождается по инициативе Я.И. Линцбаха и Э. фон Валя, принимая название "Космоглотт" ("Kosmoglott").¹⁵

На территории СССР свертывание деятельности петроградского "Космоглота" частично компенсировалось попытками организовать интерлингвистическую работу в провинции. 11.10.1921 состоялась "выставка космоглотских проектов" в Гомеле, организаторы которой состояли в контакте с оставшимися в Петрограде членами "Космоглота". На выставке был представлен в числе других проект В.Е. Чехихина "Нэпо". В феврале 1922 г. в местечке Койданове (Минской губ.) возникло "Общество изучения эсперанто и его вариантов (идо, нэпо и др)." В 1923 г. в Минске был учрежден еще один "Кружок для изучения и распространения эсперанто и его вариантов" [29]. Однако все эти попытки продолжить интерлингвистическую работу на началах петроградского "Космоглота" были обречены на неудачу. Основные силы движения за международный язык в этот период были отданы задаче создания массовой организации эсперантистов: состоявшийся 1-5 июня 1921 г. Третий Всероссийский съезд эсперантистов (Петроград) провозгласил образование "Союза эсперантистов Советских Стран" (СЭСС; позднее "Советских Республик" - СЭСР). Именно этой организации, генеральным секретарем которой стал Э.К. Дрезен, было суждено возобновить в нашей стране интерлингвистическую работу и придать ей массовый размах, немислимый в период существования петроградского "Космоглота". В этом смысле достойно внимания, что упомянутый съезд 1921 г. избрал Лингвистический комитет (Sovetlanda Lingva Komitato), ставший преемником того "Национального лингвистического подкомитета",

¹⁵ См. [41a]. Э.К. Дрезен [8, 181] ошибочно приписывает возрождение общества Э. фон Валя и В.Ф. Шмурло.

которым в 1916-1917 гг. руководил П.Е. Стоян.

Оживляют свою работу также сторонники языка идо. Почти одновременно с СЭСС в августе 1921 г. оформляется относительно немногочисленное "Русское общество всемирного языка (идо)" (РОВЯ). При РОВЯ был образован Российский лингвистический идо-комитет, в который вошел член петроградского "Космоглота" Н.В.Юшманов. Постепенно пути прежних сотрудников по "Космоглоту" начинают все более и более расходиться.

3. Ревельский период: "Космоглотт", 1921-1928

В 1921 г. общество "Космоглотт" возрождается в Ревеле (Таллин) под руководством Я. И. Линцбаха (в качестве президента) и Э. де Валя¹⁶ (в качестве секретаря). Оба руководителя принадлежали к полярно противоположным направлениям интерлингвистической мысли: Я.И.Линцбах стоял на позициях предельного априоризма, Э. де Валь был наиболее последовательным сторонником натуралистической школы. Первая публикация ревельского "Космоглотта" явилась образцом удивительного интерлингвистического симбиоза: эта была небольшая по объему брошюра Я.И. Линцбаха, посвященная дальнейшей разработке его системы философского языка; но издана эта брошюра была на новом искусственном языке, в ту эпоху наиболее натуралистическом из существующих, - языке окциденталь, созданном Э. де Валем. Более того, Э. де Валь сам же и перевел сочинение Линцбаха на свой язык. Таким образом, эта брошюра [42] явилась первой публикацией на окцидентале.

С 1922 г. Э. де Валь приступил к изданию в Ревеле интерлингвистического журнала на окцидентале. Журнал получил то же название, что и восстановленное общество, а именно "Kosmoglott". Общество впервые обрело собственный печатный орган [41].

¹⁶ С этого времени в интерлингвистической литературе укрепляется написание имени Э. фон Валя по французскому образцу: Э. де Валь (Edgar de Wahl).

Ревельский "Космоглотт" на первых порах сохранял преемственность с петроградским обществом и придерживался нейтральной линии по отношению к каждой отдельно взятой системе искусственного языка. В состав "Космоглотта" входят сторонники разных международных языков, в том числе и эсперантисты¹⁷. Общество поддерживает связи с прежними членами, в частности, с В.Ф. Шмурло (жившим в Риге) и Н.В. Юшмановым (Петроград). В.Е. Чешихин, ставший секретарем "Космоглотта" в Петрограде, делает попытку (впрочем, безрезультатную) возобновить там деятельность общества [29; 41в]. О подобном же намерении сообщал де Валу белорусский эсперантист Д.С. Снежко [21], инициативе которого следует, вероятно, приписать упомянутые выше выставку и кружки в Гомеле, Койданове и Минске.

Устав "Космоглотта" в его новой редакции определяет следующие задачи [41г]: "а) научное и философское изучение проблемы всемирного языка (*mondilingue*) вообще и международного языка (*lingue international*) в частности; б) критика попыток решения названной проблемы; в) поощрение новых экспериментов и их авторов; г) привлечение интереса публики к данной проблеме в целом и к отдельным работам в частности".

Комитет общества приглашал всех сторонников международного языка к участию в журнале "Kosmoglott" - "независимом органе общества, в котором все могут свободно высказывать свои мнения". Несмотря на то, что "Kosmoglott" редактировался на окцидентале, сотрудники журнала могли "писать статьи на основных языках Европы и на всех международных языках, которые понятны без изучения, включая эсперанто, идо и их варианты". Нейтральность журнала (и общества) подчеркивалась самой орфографией его названия, греко-латинской, а не окциденталистской (на окцидентале название

¹⁷ Членом-основателем общества была, например, Хельми Дрезен (*Helmi Dresen*), одна из ведущих эсперантисток Эстонии [см. 41 н].

писалось бы "Cosmoglott") [41 б].

Тем не менее уже в самом начале своей деятельности общество "Космоглотт" предприняло шаги, до известной степени выходящие за пределы строгой нейтральности, как она понималась основателями петроградского "Космоглота". Эти шаги были связаны с ожидавшимся в то время выступлением Лиги Наций по вопросу о международном языке. К указанному моменту приурочивались заявления и петиции сторонников различных систем международного языка, которые должны были побудить Лигу Наций сделать выбор между конкурировавшими проектами. Публикация окциденталя и возрождение "Космоглотта" были направлены к той же цели. 5 сентября 1921 г. только что восстановленный "Космоглотт" в лице своего президента (Я. Линцбаха) и секретаря (Э. де Валя) обращается к Лиге Наций с меморандумом по вопросу о международном языке [41 а]. Указывая, что из нескольких сотен проектов международного языка только волапюк, эсперанто, идо, нейтраль, универсаль и интерлингва имели определенное распространение, авторы констатируют, что волапюк уже умер, тогда как "эсперанто, благодаря своему давнему использованию, своей очевидной простоте и широкой пропаганде... получил наибольшее признание". Тем не менее, "существуют и другие проекты международного языка, возможно, лучшие и более совершенные, которые не смогли достичь известности в силу внешних обстоятельств, из-за отсутствия средств или рекламы". Авторы меморандума предлагают Лиге Наций следующие три тезиса, посредством которых должен быть произведен выбор международного языка:

I. Необходимо выбрать язык, наиболее совершенный сам по себе, а не самый распространенный... Из экономических и практических соображений следует принять тот язык, внутренние достоинства которого окажутся наибольшими...

II. Наилучшим всеобщим языком является тот, который наиболее интернационален, т.е. тот, который будет казаться знакомым большинству культурных людей и вследствие этого будет наиболее легок для изучения...

III. Для определения наиболее совершенного международного языка необходимо объявить всеобщий конкурс". Авторы меморандума предлагали, чтобы Лига Наций образовала комитет экспертов, которому и доверила бы выбор одного из представленных на конкурс проектов.

Первый из указанных тезисов направлен против эсперанто, сторонники которого аргументировали необходимость принятия этого языка его наибольшей распространенностью среди всех искусственных языков.

Второй тезис выдвигает одну из основных концепций натуралистической школы и обращен поэтому не только против эсперанто, но и против всех других автономистских проектов (в том числе идо).

Меморандум Я. Линцбаха и Э. де Валья был представлен на рассмотрение секретариата Лиги Наций, однако не повлиял на решение вопроса о международном языке, который Лига Наций предпочла оставить открытым [34]. Но сам факт составления меморандума свидетельствовал, что общество "Космоглотт" намерено было не так строго придерживаться нейтральной линии, как это практиковалось в петроградский период, и готово было присоединиться к натуралистической школе. Эти тенденции не могли остаться незамеченными. В № 89 эсперантского журнала "Esperanto Triumfonta" (1922 г.) появляется статья, подписанная инициалами P. St., в которых легко узнать знакомое имя Petro Stojan. П. Е. Стоян, один из основателей петроградского "Космоглота", ставит в вину новому ревельскому обществу, что "оно отказалось от нейтральности, от свободного обмена мнениями о различных системах международного языка". Несмотря на последовавшие возражения редакции журнала "Kosmoglott" [38; 41 д], становилось очевидным, что общество "Космоглотт" и его орган постепенно превращаются в трибуну последователей натуралистической школы.

Первоначально де Валь и его сторонники идут по линии консолидации всех адептов натурализма. Оставаясь органом "Космоглота", журнал одновременно становится органом другого интерлингвистического сообщества, выразивше-

го концепции натуралистической школы - "Академии международного языка" ("Academia pro Interlingua"). С августа 1922 г. по май 1924 г. (№№ 7-22) журнал представляет обе интерлингвистические организации. Однако уже в начале 1924 г. намечается его переориентация: с № 19-20 (январь-февраль 1924 г.) издание журнала переходит в руки группы окциденталистов (вероятно, членов общества "Космоглотт"), которые заявляют, что они не намерены "более тратить деньги на пропаганду других систем. Журнал остается открытым для всех мнений. Однако авторы статей, написанных на других языках или пропагандирующих другие системы, должны оплачивать расходы на их печатание" [41 ж]. Осенью 1924 г. к окциденталу присоединяются две организации, покинувшие язык ido: венское "Ido-Societo Progreso", принявшее теперь название "Société Cosmoglott Progress", и "Societo Progreso" (Брно, Чехословакия), ставшее называться "Federali" (= Federation del amicos del lingue international) [33, 41 и]. Это поощряет де Валя сменить курс журнала: попытки объединения сторонников натуралистической школы уступают место размежеванию со всеми конкурирующими языками, как автономистскими (эсперанто, ido), так и натуралистическими (интерлингва). "Kosmoglott" становится центром формирующегося движения окциденталистов. С № 23-24 (декабрь 1924 г.) журнал прекращает представительство "Academia pro Interlingua", будучи с этого времени органом двух обществ: "Космоглотт" (Ревель) и "Федерали" (Брно). В январе 1925 г. (№ 25-26) к ним присоединяется "CELIA" (= Comité Explorativ por li Lingue International Auxiliari), специально созданная для дальнейшей научной разработки окцидентала [41 к].

С этих пор "Kosmoglott" почти не публикует статей на иных искусственных языках, помимо окцидентала. Если в 1922 г. в журнале были помещены заметки на более чем десяти искусственных языках, в том числе на "нэпо" В. Е. Чешихина [56] и "этеме" Н.В. Юшманова (это было одно из первых появлений "этема" в печати, см. [57]), то в 1926 г. журнал издавался почти исключительно на окцидентале; лишь в ви-

де исключения здесь увидели свет статьи Й. Вайсбарта (на медиале) и А. Лаваньини (на монарио). Тем самым окончательно порывалась старая традиция петроградского "Космоглота", члены которого в такой степени заботились о поддержании нейтральности, что даже в собственной переписке пользовались лишь национальными языками [54, 197].

К 1927 г. постепенная переориентация журнала заканчивается окончательным превращением его в орган международного движения окциденталистов. Издание журнала переносится в Вену и передается в руки общества "Cosmoglotta"; соответственно меняется и название журнала [35]. В 30-е гг. журнал "Cosmoglotta" являлся одним из наиболее влиятельных интерлингвистических изданий, определявших лицо натуралистической школы. Он продолжает издаваться и до сих пор - ныне в Швейцарии, - донося до нас название общества, некогда возникшего в Петрограде¹⁸.

Эволюция ревельского общества "Космоглотт" в общих чертах повторяла развитие своего органа, хотя было бы неправомерно отождествлять это общество и представлявший его одноименный журнал. По мере все большей "окцидентализации" журнала деятельность общества постепенно свертывается; по крайней мере сообщения о нем все реже попадают на страницы его органа.

28 марта 1923 г. под председательством Я. Линцбаха происходит общее собрание членов общества, почетным президентом которого по-прежнему оставался И.А. Бодуэн де Куртенэ [41 е]. На собрании был оглашен годовой отчет за 1922 г. Деятельность общества характеризуется следующими цифрами: в 1922 г. состоялось 1 общее собрание, 6 заседаний правления (Comité directiv), 6 научных собраний с лекциями и докладами. Количество членов увеличилось на 21 чел. Новым президентом был избран А. Шпуль (A. Spuhl), вице-президентом - Э. де Валь, секретарем - Я. Линцбах, казначеем - Х. Дрезен. Деятельность общества не ограничивалась рамками Эс-

¹⁸ До недавнего времени существовало и венское интерлингвистическое общество "Cosmoglotta" [см. 31].

тонию: среди членов "Космоглота" числились и иностранные интерлингвисты, например, небезызвестный в свое время пастор Пинт, активно участвовавший в движении за международный язык сначала в качестве волапюкиста, затем сторонника идиом-неутраля и интерлингвы [41 м].

Дальнейшие сведения о деятельности "Космоглота" становятся все более отрывочными. 13 февраля 1925 г. состоялось общее собрание членов общества, которое избрало почетным членом Я. Линцбаха в связи с его переездом в Париж [41 л, н]. Эпизодически общество "Космоглотт" упоминается как издатель учебников и словарей окцидентала, в том числе и после того, как издание журнала "Cosmoglotta" переносится в Вену [35 а]. В декабре 1928 г. почетный председатель "Космоглота" И.А. Бодуэн де Куртенэ примыкает к международному "Союзу окциденталистов" в качестве одного из его почетных представителей (protector del Occidental-Union [35 б]).

К 6 декабря 1928 г. относится последнее известное нам свидетельство о деятельности "Космоглота". В этот день состоялся вечер памяти одного из основателей петроградского "Космоглота" В.К. Розенбергера, посвященный десятилетию со дня его смерти. На вечере присутствовали участники "Космоглота", члены его правления и гости (среди последних дочь В.К. Розенбергера - Helene Terras). Послания к этому вечеру были получены от некоторых прежних членов "Космоглота", в частности, от Я. Линцбаха (Париж) и Н.В. Юшманова (Ленинград). Речь на окцидентале, посвященную заслугам В.К. Розенбергера, прочел Э. де Валь, отметивший, что "все присутствовавшие, большинство из которых не занималось окциденталом, хорошо поняли содержание речи" [35 в].

По-видимому, указанное собрание следует считать последним актом, завершающим деятельность "Космоглота". По крайней мере тщательный просмотр всех последующих номеров "Cosmoglotta" не позволяет обнаружить каких-либо следов этой деятельности, хотя само название "Kosmoglott" сохраняется в списке национальных представительств журнала вплоть до его последнего предвоенного выпуска [35 г]. Сле-

дует предполагать, что в период 1929-1939 гг. интерлингвистическая работа членами "Космоглота" не велась и само его существование сводилось к представительству в Эстонии журнала "Cosmoglotta".

4. Оценка деятельности "Космоглот(т)а".

Как было показано выше, петроградский "Космоглот", возникший в 1916 г. как интерлингвистическая организация широкого профиля, нейтральная по отношению к каждой отдельно взятой системе международного языка, сменяется в 1921 г. новым обществом ("Космоглотт"), представляющим лишь натуралистическую школу, а с 1924 г. ставшим на позиции окциденталя. Путь, пройденный "Космоглот(т)ом", напоминает аналогичное развитие двух других интерлингвистических организаций, в момент своего возникновения также стоявших на нейтральной платформе, но затем обратившихся к новому проекту международного языка. Мы говорим о "Делегации по принятию международного вспомогательного языка" (1900-1910), создавшей в 1907 г. язык идо, и "Ассоциации международного вспомогательного языка" (1924-1953), опубликовавшей в 1951 г. проект интерлингва¹⁹.

Каково место, занимаемое обществом "Космоглот(т)" в истории интерлингвистики? Значение и роль этого общества не оставались неизменными на протяжении его существования. Следует вспомнить, что до 1916 г. (т.е. до образования "Космоглота") существовали только две представительные организации, занимавшиеся вопросом международного языка. Одна из них, упомянутая "Делегация по принятию международного вспомогательного языка", представляла логическое направление лингвопроектирования [под-

¹⁹ Об этих и других называемых здесь организациях см. подробнее [12, 10 и след.]. Язык интерлингва, разработанный "Ассоциацией международного вспомогательного языка" (интерлингва-ИАЛА), не следует смешивать с одноименной системой, которая с 1909 г. являлась официальным языком "Academia pro Interlingua".

робнее см. 11, 75 и сл.; 12, 49]. Как уже говорилось, в работе "Делегации" в качестве вице-президента ее Комитета и Постоянной комиссии, выработавших язык идо, принял участие И. А. Бодуэн де Куртенэ, который, однако, оказался весьма далек от теоретических установок идо и в разное время проявлял интерес к другим системам — эсперанто, реформ-неутралю и окциденталю. Бодуэн де Куртенэ выражал умонастроения тех членов "Делегации", а позднее "Космоглота", для которых изучение общих принципов строения международного искусственного языка исключало приверженность какой-либо одной отдельно взятой системе.

Другая интерлингвистическая организация, предшествовавшая "Космоглоту", была создана в 1887 г. в качестве Академии волапюка. В 1893-1898 гг. ее возглавлял В.К. Розенбергер, направивший реформистские устремления ее членов в сторону создания языка, принципиально отличного от волапюка. Этот язык (идиом-неутраль) на протяжении 1898-1908 гг. являлся официальным языком Академии. В 1909 г. директором Академии стал итальянский интерлингвист Дж. Пеано. Разработанный им в 1903 г. искусственный язык латино-сине-флексионе, выступая с рядом подобных систем под общим названием "интерлингва", был официально принят Академией, именовавшейся с этих пор "Academia pro Interlingua". Это знаменовало поворот Академии в сторону максимального натурализма, поскольку латино-сине-флексионе, по сравнению с идиом-неутралем, отличался значительно большей близостью к формам естественных языков, отказываясь от какого бы то ни было упорядочения лексического материала. Подобный подход был неприемлем для В.К. Розенбергера и его последователей, стремившихся к построению искусственного языка, в котором не было бы грамматических или лексических исключений. Реформ-неутраль, разработанный В.К. Розенбергером в 1909-1912 гг. в противовес системе Пеано, был хотя и более натуралистическим, чем идиом-неутраль, но все же более упорядоченным, чем латино-сине-флексионе.

Таким образом, в 1916 г. "Космоглот" явил

ся единственным интерлингвистическим обществом, которое могло предложить существенно иную теоретическую платформу, чем распущенная еще в 1910 г. "Делегация" или замолкнувшая на время войны "Academia pro Interlingua". В лице обоих своих председателей - И.А. Бодуэна де Куртенэ и В.К. Розенбергера - "Космоглот" синтезировал исследовательские традиции "Делегации" и до-пеановской Академии в поисках среднего пути между крайним логицизмом, выраженным в идо, и крайним натурализмом, выраженным в латино-сине-флексионе. Благодаря этому петроградский "Космоглот" явился лабораторией интерлингвистической мысли, из которой вышли крупные теоретики, оставившие ряд классических трудов по интерлингвистике и тем самым обеспечившие "Космоглоту" почетное место в истории этой науки.

Что же касается ревельского "Космоглота", то его роль в интерлингвистической жизни того времени была иной. Оппозиция "Академии" в первое время уступает место противоположной тенденции - консолидации всех сторонников натуралистической школы, поддерживавших как латино-сине-флексионе (интерлингву), так и окциденталь. Лишь после первых удач окциденталистского движения (переход к окциденталу двух идистских обществ в 1924 г.) это движение начало обособляться от временных союзников. Одновременно усиливается полемика окциденталистов с последователями автономистских искусственных языков - эсперанто и идо. Однако энергичная теоретическая и пропагандная деятельность де Валя и его сторонников не смогла ощутимо повлиять на развитие эсперантского движения. Существенный урон понес лишь язык идо. Период 1924-1928 гг. характеризуется непрерывным оттоком идистов, переходивших на позиции окциденталья (точно так же, как несколькими десятилетиями позже большая часть окциденталистов сменила окциденталь на интерлингву-ИАЛА). Кризис, охвативший идистское движение в конце 20 - начале 30-х гг., имел в качестве одной из ведущих причин все более возрастающую конкуренцию окциденталья. На этой стадии общество "Космоглотт" явилось катализатором распада идистского движения.

ЛИТЕРАТУРА

1. В[одуэн] де К[уртенэ] И. А. Язык и языки.
- В изд.: Энциклопедический словарь. Изд.
Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона, т. 41, СПб.,
1904.
2. Бодуэн де Куртенэ И.А. Вспомогательный меж-
дународный язык. - Espero (приложение к
жур. "Вестник знания"), СПб., 1908, № 10-
11.
3. Волна эсперанто ("La Ondo de Esperanto"),
М.; (а) 1915, № 2, с. 19; (б) 1915, №
5, с. 69; № 12, с. 148; (в) 1916, № 3,
с. 36; (г) 1916, № 4-5, с. 51.
4. Григорьев В.П. И.А. Бодуэн де Куртенэ и
интерлингвистика. - В сб.: И.А.Бодуэн де
Куртенэ (к 30 летию со дня смерти). М.,
1960.
5. Денисов П.Е. Принципы моделирования языка.
- М., 1965.
6. Дрезен Э.К. Очерк истории идеи международ-
ного языка. Ч. 1-2. - М., 1922.
7. Дрезен Э.К. Российские попытки создания меж-
дународных искусственных языков. (Замет-
ки на блокноте). - Известия ЦК СЭСР,
1927, № 9-12.
8. Дрезен Э.К. За всеобщим языком. (Три века
исканий). - М.-Л., 1928.
9. Дрезен Э.К. Очерки теории эсперанто. - М.-
Leipzig, 1931.
10. Дрезен Э.К. СЭСР на языковедном фронте. -
Международный язык, 1932, № 9-10.
11. Кузнецов С.Н. Основы интерлингвистики. -
М., 1982.
12. Кузнецов С.Н. Основные понятия и термины
интерлингвистики. - М., 1982.
13. Кузнецов С.Н. Принципы теоретического опи-
сания планового языка. - In: Interlin-
guistica Tartuensis 2. Теория и история
международного языка. (УЗ ТартуГУ. Вып. 644).
Тарту, 1983.
14. Линцбах Я. Принципы философского языка. Опыт
точного языкознания. - Пг., 1916.
15. Линцбах Я.И. Универсальная математика и уни-
версальный язык. Интуитивная математика

- математика конкретная. Ее принципы, метод и цель. 1-ое Сообщение Академиям наук Союза ССР и Эст. ССР. Таллин, 1949. (Рукопись; копия в архиве С.Н. Кузнецова).
16. Молошная Т.Н., Николаева Т.М. [Рецензия на 18]. - Проблемы кибернетики, М., 1961, № 5.
 17. Некрасов Н. Энциклопедия эсперанто. - Международный язык, 1934, № 6.
 18. Переводная машина П.П. Троянского. - М., 1959.
 19. Петрашевич В. Естественный международный язык "Glott". - [Алапаевск?, 1918].
 20. Письма В.К. Розенбергера Н.В. Юшманову (копии в архиве С.Н. Кузнецова): (а) 11 (24) января 1917 г.; (б) 14 (27) мая 1917 г.; (в) 28 апреля 1918 г.
 21. Письмо Э. де Валя Н.В. Юшманову от 20 августа 1922 г. (копия в архиве С.Н. Кузнецова).
 22. Розенбергер [В.К.], Соболев [А.И.], Холин [И.И.] Список лиц в России, знающих воляпук, с их адресами. - [СПБ], 1887.
 23. Розенберг [ер] В.К. Список лиц в России, знающих воляпук, с их адресами. - [СПБ], [1888].
 24. Русское языкознание в Петербургском-Ленинградском университете. Под ред. проф. Н.А. Мещерского. - Л., 1971.
 25. Свадост Э.П. Как возникнет всеобщий язык? - М., 1968.
 26. Чешихин В.Е. Новые варианты эсперанто: нэпо и нэпослава. Русский ключ с параллельным текстом на нэпо. - Рига, 1913.
 27. Чешихин В.Е. Всеобщий словарь на открытках. № 1-7. - Рига, 1915.
 28. Чешихин В.Е. Новые варианты эсперанто: нэпо международное и нэпо национальное. Русский ключ. - Пг., 1919.
 29. Чешихин В.Е. Автобиография. - Л., 1924. (Рукопись; копия в архиве С.Н. Кузнецова).
 30. Шулерц О. [= Стоян П.Е.] Новый международный язык идидо. Вып. II. Пер. с нем. - СПб., 1912.

31. "A membros del UMI". - Suplemento al "Currero international de interlingua", 1973, N 31, februario.
32. Baudouin de Courtenay J. Zur Kritik der künstlichen Weltsprachen. - In: Plansprachen. Beiträge zur Interlinguistik. Hrsg. von R. Haupenthal. Darmstadt, 1976.
33. Bulletin de Federali (прил. к жур. "Kosmoglott", 1925, NN 25-26, 27-28).
34. Commission de Coopération Intellectuelle de la Société des Nations. Rapport de la Commission soumis au Conseil et à l'Assemblée 15 Aug. 1923. - Genève, 1923.
35. Cosmoglotta. Organ del Association International Cosmoglotta. Consacrat al developation e propaganda del Lingue International Axiliari Occidental. - Mauer bei Wien, 1927-; (a) 1928, N 54, p. 170; (б) 1928, N 55, p. 186; (в) 1929, N 57, p. 36-37; N 59, p. 83; (г) 1939 (Sept.-Dec.), N 128 (Serie A).
36. Drezen E. Historio de la mondlingvo. Leipzig, 1931. (3-a eld.: Oosaka, 1967).
37. Enciklopedio de Esperanto. Vol. 1-II. - Budapest, 1933. (Represo: Budapest, 1979).
38. Esperanto Triumfonta, Horrem bei Köln, 1922, N 104.
39. Jespersen O. A new science: interlinguistics. - Cambridge, 1931.
40. Kabur B. Jakob Linzbach - semiootika pioneer. - "Edasi", 1967, N 12.
41. Kosmoglott. Jurnal scientific inpartial de lingue international. Organ del Societé Kosmoglott, Reval, 1922-1926: (a) 1922, N 1, p. 3-4; (б) N 3, p. 14; (в) N 3, p. 16; (г) N 6, p. 33; (д) N 9, p. 54; (e) 1923, N 2, p. 17; (ж) 1924, N 19-20, p. 1-2; (и) N 23-24, p. 10-12; (к) 1925, N 25-26, p. 1-6; (л) N 27-28, p. 24; (м) 1926, N 34, p. 17; (н) N 34, p. 19.
42. Linzbach J. Transcendent algebra. Ideografic matematical. Experiment de un lingue filosofic. - Reval, 1921. (Re-edition: Cheseaux, 1980).

43. Monnerot-Dumaine M. Précis d'interlinguistique générale et spéciale. - Paris, 1960.
44. Pečenego [= С. Гайдовский]. La reĝo de la Fajrolando. - La Nova Epoko, Moskvo, 1922, N 1.
45. Petrograda Biblioteko, Petrogrado, 1918, N 2 ("Речи, произнесенные в торжественном заседании Петроградского Общества Эсперантистов "Эсперо", посвященном памяти Д-ра Л. Заменгофа, 14-го апреля 1918 г.").
46. Pevich V. [= Петрашевич В.К.]. Основы международного языка "Glott". - Петроград, 1917.
47. Progres. Reviu internacional pro omni interesi de Idiom Neutral. Organ de "Grup Neutralparlant" in S.Petersburg, S.Petersburg, 1906-1908.
48. Progress. Jurnal pro interesi international in cosmolingue practical Reform-Neutral, St.Petersburg, 1912-1914.
49. Rosenberger W. Wörterbuch der Neutral-sprache (Idiom Neutral). - Leipzig, 1902.
50. Rosenberger V. Pro histor de Idiom Neutral. - Progres, S.Petersburg, 1906, N 5.
51. Rosenberger W. Lehrgang der praktischen Weltsprache Reform-Neutral, mit einem Vorwort von Dr. J. Baudouin de Courtenay. - Zürich-Leipzig, 1912. (И аналогичные издания на франц. и англ. языках).
52. Skribemulo R. [= Никольский К.]. По страницам нашей истории. Раскол в Петроградском "Espero". - Известия ЦК СЭСР, 1927, № 9-12.
53. Stojan P. Katalogo de lingvoj naturaj, popoloj, literaturaj, klasikaj kaj artefaritaj. - Genève, 1927.
54. Stojan P. Bibliografio de Internacia Lingvo. - Genève, 1929. (Represo: Hildesheim-New York, 1973).
55. Stojan P. Deveno & vivo de la lingvo Esperanto. - Brugge, 1953.
56. Tsheshichin V. Nepo. - Kosmoglott, Reval, 1922, N 6, p. 39.

57. yushmanof n. tri basis de lingu inter-europan. (skript in etem). - Kosmoglott, 1922, N 6, p. 33-34.
58. [Yushmanov N.] Kosmoglotista agendo. - Mondo, Stockholm, 1921, N 5/123, p. 68-69.
59. Yushmanov N. Cultura internationale unitaristico. - Academia pro Interlingua, Torino, 1922, N 1, p. 5-7.
60. Yushmanov N. Kronologia indexo dil sistemi monolingual. - Mondo, 1926, N 2, 12.

"KOSMOGLOT" - LA UNUA INTERLINGVISTIKA SOCIETO EN RUSLANDO

Sergej N. Kuznetsov

La societo "Kosmoglot" estis fondita en Petrogrado (Marto de 1916) por la studo de la internacilingva problemo. En ĝi aniĝis konataj rusaj interlingvistoj ("kosmoglotistoj", laŭ la terminoj de la epoko): W. Rosenberger (iama direktoro de "Kadem Bevünetik Volapüka" - Volapüka Akademio, ĉefkreinto de la internacilingva projekto Idiom Neutral), W. Szmurlo (membro de la sama Akademio, volapükisto fariĝinta esperantisto), esperantistoj P. E. Stojan kaj E. Drezen, pazigrafiisto V. Ĉeŝiĥin (kiu iniciatis la kreon de "Kosmoglot"). Iom pli poste al la societo aliĝis J. Linzbach (projektinta filozofian lingvon), E. von Wahl (unu el la ĉefaj teoriistoj de la naturalisma skolo), N. Yushmanov (idisto kaj samtempe aŭtoro de planlingvo etem), V. Petraŝeviĉ (kiu prilaboris teoriajn problemojn de planlingva gramatiko) k.a. En 1916-1918 la prezidanto de "Kosmoglot" estis W. Rosenberger, kaj la honora prezidanto - elstara lingvisto, partopreninto de la Komitato de la "Délégation pour l'adoption d'une langue auxiliaire internationale" (kreinta la planlingvon Ido) J. Baudouin

de Courtenay. La membroj de "Kosmoglot" aranĝis kunsidojn kaj prelegojn, dediĉitajn al diversaj planlingvoj, stimulus esplorojn ktp. La societo posedis riĉan planlingvan kaj planlingvistikan literaturon (heredaĵo de la Volapüka Akademio). Tiu materialo estis uzata de E. Drezen, P. Stojan kaj N. Yushmanov por iliaj fundamentaj esploroj - historiaj, bibliografiaj, enciklopediaj. Post la morto de W. Rosenberger (1918) la societon estris W. Szmurlo, sed pro diversaj postmilitaj malfacilaĵoj la societo iom post iom malaktiviĝis.

En 1921 E. von Wahl kaj J. Linzbach restarigas la societon en Reval (Tallinn) sub la nomo "Kosmoglott". Dum la revala periodo (1921-1928) "Kosmoglott" iĝisunu el la centroj de la formiĝinta naturalisma skolo.

И.С. ФАТЕР - ИССЛЕДОВАТЕЛЬ И КРИТИК ПАЗИГРАФИИ

Т.В. Клубкова

В книге Э. Дрезена "За всеобщим языком" среди множества имен авторов интерлингвистических проектов названо и имя известного немецкого лингвиста конца XVIII - начала XIX вв. Иоганна Северина Фатера (1771-1826). При этом позиция Фатера в интерпретации Дрезена оказывается довольно противоречивой: с одной стороны, Фатер является автором проекта цифровой пазиграфии, а с другой - высказывает крайне скептическое отношение к самой идее универсального письменного языка [2, 75]. В настоящей статье мы и ставим своей задачей разобратся во взглядах Фатера на интерлингвистическую проблематику. Взгляды эти целиком обусловлены общелингвистической концепцией Фатера, который был одним из последних крупных представителей универсальной философской грамматики, но который при этом принял самое деятельное участие в подготовке следующего этапа развития лингвистической науки, связанного с возникновением сравнительно-исторического метода [3].

Интерлингвистическая проблематика, оттесненная в XIX в. на периферию лингвистической науки, занимала в конце XVIII в. значительное место в трудах по философской грамматике, обсуждалась наиболее влиятельными языковедами, множеством нитей была связана с наиболее важными, наиболее принципиальными вопросами теории языка. Особенно явным стал всеобщий интерес к искусственным языкам после появления ряда пазиграфических проектов, т.е. проектов рационально построенных искусственных языков, не имеющих устной формы. Наиболее известным проектом такого рода была так называемая "парижская пазиграфия", разработанная французским литератором Жозефом де Мемье (1797). Выход кни-

ти Мемье совпал по времени с обращением Фатера к философско-лингвистической проблематике. (До этого он был известен как автор работ по классической филологии и по семитским языкам).

В 1799 г. Фатер опубликовал две книги обзорного характера, в одной из которых он рассматривает наиболее важные исследования по универсальной грамматике [11], а во второй — основные идеи пазиграфии и конкретные проекты ее реализации [12]. Вообще говоря, для Фатера анализ пазиграфических идей вполне вписывался в контекст философско-грамматических исследований, и тот факт, что пазиграфии посвящена отдельная книга, очевидным образом связан с техническими соображениями — материал о пазиграфии настолько разросся в процессе работы над соответствующей главой, что возникла необходимость выделения ее в самостоятельную книгу. В дальнейшем Фатер возвращался к пазиграфической проблематике в "Опыте всеобщей грамматики" [13], а в сборнике лингвистических статей 1822 г. напечатал небольшую работу о китайской иероглифике, рассматриваемой как система практической пазиграфии [14].

Современники отмечали основательность и точность книги Фатера о пазиграфии. Действительно, эта книга является первым достаточно полным и многоаспектным разбором попыток создания всеобщего языка. Фатер не предлагал собственной системы пазиграфии и поэтому был вполне способен сохранить объективность исследования. Это выгодно отличает его работу, например, от многочисленных публикаций Й.М. Шмида, который рассматривал чужие пазиграфические проекты с позиций ревниво-заинтересованных (см., напр., [10]).

Подробно излагая и пространно цитируя Мемье, Фатер стремится быть предельно объективным и в первой части своей работы [12] никак не высказывает собственного отношения к идее пазиграфии. Затем он переходит к критике парижского проекта. Критика эта ведется сначала с "внутренних" позиций, по законам, признаваемым над собою авторами пазиграфических проектов. Лишь затем Фатер дает общую оценку пазиграфии, оценку, коренным образом расходя-

щуюся с представлением о Фатере как об одном из энтузиастов пазиграфии.

Помимо парижской пазиграфии Фатер анализирует в своей книге проекты Дж. Вилкинса [15], Д. Кальмара [7], Х.Г. Вольке [16], но этот анализ служит лишь своего рода фонсом рассмотрения проекта Мемье.

Обсуждавшиеся в XVIII в. интерлингвистические проекты составляют в своей совокупности корпус текстов, крайне разнородный с любой точки зрения. С одной стороны, в целом ряде проектов заметны отзвуки идеи философского языка, с другой — намечается сугубо прагматический подход, проявляющийся в разработке апостериорных систем с минимизированной грамматикой. Наряду с проектами, отражающими общий уровень развития лингвистики конца XVIII века, публикуется множество явно дилетантских работ, авторы которых исходят из полностью изживших себя предпосылок.

Серьезной заслугой Фатера следует считать внесение известного порядка в этот конгломерат мнений и концепций. В его критических высказываниях можно выделить два основных мотива: критику целевых установок авторов интерлингвистических проектов и критику средств, используемых этими авторами.

Важнейшим вопросом, обсуждавшимся в интерлингвистических исследованиях рассматриваемой эпохи, был вопрос о структуре плана содержания конструируемого языка или (в терминах того времени) о расположении понятий (Anordnung), лежащем в основе языка. Пазиграфия в процессе ее разработки должна опираться на определенную систему понятий. С одной стороны, такой системой может быть предполагающийся существующим семантический инвариант языков мира. В этом случае мы имеем дело с апостериорной пазиграфией [1, 84]. С другой стороны, предпринимались попытки создания универсальной системы понятий, опирающейся на философско-лингвистический анализ, системы, разрабатываемой как комбинаторное исчисление. Такого рода проекты могут быть названы априорными [1, 83] или, как их называли в ту эпоху, философскими.

В настоящей статье мы рассмотрим высказывания Фатера по поводу апостериорных проектов пазиграфии, его концепцию философской пазиграфии, и, наконец, предпринятый им критический анализ "парижской пазиграфии".

Достаточно очевидно, что полностью отрешиться от привычных языковых схем при разработке искусственного языка вряд ли возможно. Поэтому все достаточно подробно разработанные системы пазиграфии были в той или иной степени апостериорными. Поэтому при разграничении априорных и апостериорных систем необходимо учитывать не только конечный результат, но и установку автора. С этой точки зрения апостериорным следует считать такой проект, при разработке которого автор сознательно следует понятиям, принятым в реальных языках. Так, чисто апостериорным является наиболее известный из пазиграфических проектов Х.Г. Вольке [16]. В этом проекте предлагается присвоить соответствующим друг другу словам разных языков одинаковые цифровые индексы (естественно при этом, что разные значения многоязычных слов должны получить разные индексы). Нетрудно заметить близость этой идеи к идее языка-посредника. Вообще многие вопросы, вплотную вставшие перед современной лингвистикой на ранней стадии разработки теории машинного перевода, обсуждались в работах ученых XVIII века и порой на достаточно солидном научном уровне.

Критика апостериорных проектов в работах Фатера включает в себя два основных момента.

1. В этих проектах практически исключается возможность развития, т.е. они опираются на раз и навсегда установленную систему понятий, вследствие чего для них оказывается исключена возможность какого бы то ни было развития. Особенно наглядна невозможность изменений в проекте Х. Вольке. Стоит лишь составить один исходный словарь и в дальнейшем окажется невозможным включить в него ни одного слова, т.к. при введении нового слова изменятся номера строк и страниц. Кроме того, если мы подготовили пазиграфический словарь для некоторой группы языков, то окажется чрезвычайно сложным добавить новый язык, не вклю-

ченный в первоначальный список. Есть серьезные препятствия и для усовершенствования в процессе использования парижской пазиграфии, т.к. всякое нововведение непосредственно затрагивает сам ее механизм.

2. В основе апостериорных проектов лежит явное или завуалированное убеждение о том, что грамматики всех языков тождественны с точки зрения их содержания, что различия между языками относятся лишь к их материальной стороне.

С анализом этого взгляда связан едва ли не самый важный аспект критики пазиграфии в работах Фатера. Он в явном виде ставит вопрос об изучении существующих между разными языками различий в организации языковых значений. В лингвистической литературе тезис о том, что в каждом языке отражается специфическая картина мира, связывается обычно с именем В. Гумбольдта. В последнее время появились, однако, работы, авторы которых указывают на предисторию этого тезиса. Думается, что известный вклад в разработку этого круга проблем внес (наряду с И.Г. Гердером и И.Д. Михаэлисом) и Фатер. Во всяком случае он один из первых связал представление об идиознничности структуры означаемых с проблемой всеобщего языка.

Фатер считал, что язык, которым пользуется человек, в значительной степени влияет на восприятие окружающей действительности. Так, говоря о пользе изучения иностранных языков, он замечает, что знакомство с языком страны, в которую человек приезжает, дает ему возможность смотреть "не сквозь очки привычного" [12, 211].

Фатер показывает, что структурные различия между языками затрагивают самые разные аспекты строения языка. Классы слов, выделяемые на основании грамматических признаков в одном языке, не соответствуют столь же четко выделяемым классам в других языках. Так, латинские слова на -um (ovum, exemplum) не составляют класса в другом языке.

Законы мышления универсальны. Они послужили основой всех языков, но "знаки, которыми языки выражают мысли, в них всех по разным

причинам различны" [12, 142]. Языки "не равны в отношении конкретных обозначений и мало сравнимы в этом отношении. Одной нации бросаются в глаза одни, другой - другие предметы".

Различаются между собой не только звуки разных языков, но и понятия, относящиеся к одним и тем же предметам. Наряду с главным значением слова имеются побочные (Nebenbegriffe), которые даже в одном языке меняются от времени и обстоятельств [12, 143]. "Рядом со словом одного языка словарь предлагает несколько слов другого языка", объем слова и понятия в разных языках не совпадает.

"Ни в отношении корней, ни в отношении окончаний нельзя составить ряд слов, которые образовали бы точно такой же ряд для остальных языков и который мог бы служить всеобщим расположением (Anordnung) для всех языков".

Одним из самых сильных аргументов в пользу возможности апостериорной пазиграфии издавна считается существование практических систем идеографической письменности. И авторы проектов XVIII века, и современные сторонники пазиграфии часто упоминают китайскую иероглифику, которая обнаруживает значительную степень независимости от звуковой стороны языка. Коль скоро китайские иероглифы могут использоваться для обозначения слов разных языков, то ничто не мешает нам попытаться разработать систему письменных знаков, которые можно было бы связать со словами всех языков вообще. Фатер останавливается и на разборе этого аргумента. Этому посвящена глава в книге о пазиграфии и упоминавшаяся выше статья 1822 г.

Кратко охарактеризовав китайскую иероглифику, Фатер пишет: "Начертания (Charactere) китайцев обозначают понятия, и обозначают их не только для словесного языка (Wortsprache) китайцев, но и для выражения понятий на другом языке" [12, 223]. Поскольку с иероглифами связаны определенные понятия, а не звучания, их можно выразить словами другого языка. Ученые люди Японии, Тибета, Сиамы используют китайские иероглифы, но связывают с ними не китайские слова, а каждый свое. При помощи этих иероглифов они могут письменно общаться с ки-

тайцами, не зная языков друг друга. Таким образом, перед нами пример реальной пазиграфии, в отличие от систем, разработанных европейскими учеными в XVIII веке.

Фатер констатирует тот факт, что развитие письма в Китае и в Европе шло разными путями. Самым трудным при создании звукового письма было "впервые выделить из огромной массы звучаний (Tönen), которые составляют словесный язык, те отдельные простые звуки (Laute), из которых составляются все остальные звучания слов (Worttöne) и которые мы сейчас рассматриваем как буквы алфавита" [12, 225]. Создание иероглифики потребовало не меньших усилий. Требовалось подвергнуть анализу понятия, выделить среди них те, при помощи которых можно было бы выразить все остальные. Обе эти системы письма складывались в значительной степени стихийно. Естественно поэтому, что в китайской иероглифике мы не можем усмотреть истинно философского расположения понятий. В любом случае иероглифика в большей степени отражает древние понятия, чем современные.

Фатер пытается ответить на вопрос о том, почему в одних языках закрепились традиция звукового письма, а в других - идеографического, и приходит к выводу о связи системы письма с особенностями структуры языков. Он указывает на естественность звукового письма для тех языков, в которых "образовались формы абстракции, выражающие глагол, существительное, род и т.д. посредством изменения гласного или при помощи слогов, которые ставятся впереди или позади слова" [12, 227]. Подобно большинству своих современников (как, впрочем, и большинству ученых XIX в.), Фатер считает флективные языки наиболее развитыми. В качестве примера такого высокоразвитого языка он называет греческий [12, 228]. "У китайцев же работа духа как будто остановилась. Их язык почти не имеет характерных форм частей предложения, определенные виды связи и соотношения выражаются предлогами. Все остальное оставлено на долю связи и порядка слов". ("Diese Sprache ist keiner Grammatik fähig und lässt sich nur durch Lexika darstellen") [12, 229]. В китай-

ском письме "любить, люблю, любовь" и т.п. изображаются одним и тем же знаком. В парижской пазиграфии это не так. Последняя представляет собой систему, радикальным образом отличающуюся от китайской.

Таким образом, по мнению Фатера, китайская иероглифика может удовлетворительным образом обслуживать лишь аморфные языки и апелляция к ней не может служить аргументом в пользу возможности универсальной смысловой письменности. "Пазиграфию можно применять там, где словарь богат, но нет грамматической культуры" [12, 218].

Показав принципиальную невозможность построения пазиграфической системы, которую было бы возможно без большого труда перекодировать в текст на любом языке мира, Фатер обращается к "философской пазиграфии". Идея рационального языка, построенного на основе строгой логической классификации понятий, имеет более длительную традицию, чем идея апостериорного искусственного языка. Выказанная еще Раймундом Луллием идея универсальной системы конструирования и классификации понятий была использована по инициативе Р. Декарта при разработке проектов философского языка Дж. Дальгарно (1661) и Дж. Вилкинсом (1668). Теория универсального априорного языка получила свой канонический вид в работах Г.В. Лейбница.

Фатер был хорошо знаком с научным наследием Лейбница и рассматривал пазиграфические проекты XVIII века как попытки реализации его идей. Уместно отметить здесь, что высказывания Лейбница по поводу всеобщего языка рассматривались в качестве реальной программы уже учеными XVIII века, а отнюдь не являются, как это иногда утверждается, открытиями нового времени. Естественно, что в полной мере оценить интерлингвистическую концепцию Лейбница .оказалось возможным лишь после полного опубликования всех его работ, в той или иной степени связанных с проектом всеобщего языка, однако в общих, наиболее существенных, чертах эта концепция была хорошо известна задолго до публикации Л. Кутюра. Во всяком случае, Фатер указывает три работы Лейбница, в которых затра-

гивается вопрос об универсальном письменном языке: "Диссертацию о комбинаторном искусстве" ("Dissertatio de arte combinatoria", 1666), трактат "О приумножении и восстановлении наук" ("De augmentis et instauratione scientiarum") и письмо от января 1714 г., которое часто цитируется и в современных работах по истории интерлингвистики ("Если бы я был моложе" и т.д.) [12, 231-237].

Фатер рассматривает Лейбница как первого теоретика пазиграфии, в работах которого была впервые с полной ясностью высказана мысль о том, что строгая и последовательная классификация понятий может быть положена в основу рационального письменного языка.

Для ранней традиции философской грамматики была характерна связь со средневековым реализмом. Предполагалось, что предмет философской грамматики является некий идеальный язык, признаваемый высшей реальностью. Естественные языки при этом считались лишь отражениями, искаженными копиями идеального языка, построенного по законам разума, логики. Идея философской грамматики смыкалась в известной степени с идеей философского языка. Многие исследователи считали, что философско-грамматические исследования приведут в конечном счете к созданию, точнее к открытию философского языка. Можно усмотреть известный параллелизм поисков философского языка с поисками философского камня, приведшими в конечном счете к созданию химической науки. Философско-грамматические исследования ученых XVII-XVIII вв. привели к выработке принципов научного описания языковых систем. К концу XVIII века связь философской грамматики с идеей всеобщего языка уже воспринималась многими исследователями как анахронизм. Многие высказывания Фатера связаны с критикой этого круга представлений.

В названиях интерлингвистических проектов XVII-XVIII вв. мы встречаем довольно длинный ряд терминов: всемирный язык, всеобщий язык, универсальный язык, философский язык и т.п. В этом ряду мы, однако, не находим столь привычного для современной лингвистики слово-

сочетания "искусственный язык". Создатели, изобретатели, открыватели искусственных языков рассматривали свои творения как нечто, в известной степени более естественное, чем те языки, на которых реально говорит человечество. В реальных языках, согласно мнению, господствовавшему в тогдашней науке, нарушено естественное соответствие между значением и способом его выражения, знаки, из которых состоят реальные языки, являются не естественными (*natürliche*), а произвольными (*willkürliche*). Задача открывателя философского языка в том и состоит, чтобы восстановить это естественное соответствие. В качестве средства восстановить такое соответствие рассматривалась философская грамматика, которая случайно называлась иногда естественной. (Дж. Вилкинс приводит синонимический ряд: *Natural, Philosophical, Universal, Rational* [15, 297]).

Для Фатера содержание философской грамматики не имеет никакого отношения к изучению идеального языка. Он вполне недвусмысленно указывает на то, что ЯЗЫК - не более, чем определенная абстракция, что реально существующими могут быть признаны лишь отдельные языки. Он подчеркивает неправомочность смешения понятия "языка вообще", являющегося родовым по отношению к понятиям отдельных языков, с понятием "идеала всеобщего языка", которому в реальности не соответствует ничто [13, 269].

Некоторые энтузиасты философского языка считали принципиально возможным достигнуть идеала понятности языка. Язык, состоящий из известных знаков, должен быть понятным каждому человеку (в идеале - без специального изучения), должен отменить необходимость использования родных языков. По мнению Фатера, "такое средство общения всего человечества было бы весьма вдохновляющей идеей, если бы не было просто химерой". Понятность языкового знака обусловлена не естественностью связи между звучанием и значением, а социальными причинами, обычаем, установленным в определенной группе людей [13, 269].

Фатер показывает, что попытки построения

всеобщего языка приводили всегда к построению систем, ничуть не более понятных, чем реальные языки. Получавшиеся системы были достаточно произвольными не только с точки зрения использовавшихся в них конкретных знаков, но и с точки зрения их "расположения" (Anordnung), иерархии.

Истинная философская пазиграфия не должна, по мнению Фатера, претендовать на общепонятность. Она должна быть построена таким образом, чтобы в языковых противопоставлениях отражались строго определенные логические противопоставления, чтобы иерархия языковых единиц отражала иерархию логико-философских понятий. Допуская теоретическую возможность такой системы, Фатер, однако, считал, что она не может служить общедоступным реальным средством общения. Если бы даже удалось построить пазиграфическую систему в соответствии с "глубоко обоснованными дедуктивными понятиями и разделениями совершенной всеобщей грамматики" [13, 272], пользоваться такой системой мог бы только человек, который полностью понимает часто очень тонкий смысл этих разделений, все оттенки устанавливаемых понятий. В этой системе нашло бы отражение определенное мировоззрение и "инакомыслящий" мог бы изучать такую систему только "исторически" [13, 273], т.е. ему приходилось бы изучать эту систему подобно тому, как изучается иностранный язык.

Обратимся теперь к высказываниям Фатера по поводу устройства и перспектив "парижской пазиграфии".

Проект Мемье не может быть однозначно отнесен ни к априорным, ни к апостериорным. Дело в том, что создатель пазиграфии не рассматривает ее как язык. Термин "пазиграфия" истолковывается на титульном листе книги Мемье как "искусство-наука писать и печатать на каком-либо языке так, чтобы можно было читать и понимать на всяком другом без перевода". То есть речь идет не об автономной языковой системе, а о таком способе кодирования текстов на одном языке, который допускал бы возможность декодирования в терминах другого язы-

ка. С другой стороны, он все же строит универсальную классификацию понятий, а не ограничивается калькированием семантики какого-либо языка. В этом обнаруживается известная непоследовательность, достаточно четко выявляемая Фатером.

Книга Ж. де Мемье вышла одновременно на французском и немецком языках [8, 9]. Фатер пользовался по преимуществу немецким текстом (Э. Дрезен ошибался, считая, что немецкий вариант книги Мемье не вышел в свет. Экземпляры его есть в БАН и в ГПБ им. Салтыкова-Щедрина).

Фатер считает, что парижская пазиграфия отнюдь не является предметом огромного интереса для всего человечества, как уверяет ее создатель. Ее достоинства переплетаются с перевешивающей массой недостатков. Сфера ее возможного применения может быть, по мнению Фатера, лишь весьма узкой. Так, он считает, что пазиграфия могла бы использоваться для общения с очень далекими народами, но и здесь речь может идти не об ученом общении, а лишь о простых деловых письмах [2, 215]. Пазиграфию можно использовать в качестве шифра для секретной переписки, если ввести неизвестные непосвященному правила расположения понятий в словаре. Наконец, пазиграфия может использоваться в качестве средства интеллектуальных упражнений, особенно в молодом возрасте [12, 216].

Для целей более обстоятельного обсуждения пазиграфического проекта Ж. де Мемье Фатер вводит некоторые условные обозначения, своеобразный метаязык, позволяющий более компактно изложить основные идеи парижской пазиграфии, делающей это изложение более простым технически и более наглядным для читателя, незнакомого с работой Мемье или знакомого с ней поверхностно. Прежде всего Фатер заменяет гаммы цифрами, т.е. он вводит ряд

1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, ∞, ∅.¹

¹ Сведения Э.П. Сवादоста [4, 91] о том, что сам Мемье пользовался цифровыми обозначениями, неверны.

Дело в том, что порядок расположения знаков в проекте Мемье существенен, а поэтому разумнее не перегружать память, выбрать такие знаки, которые сами показывают порядок своего следования [12, 114-115]. Таким образом, цифры в книге Фатера обозначают соответствующие гаммы. Это отнюдь не новый пазиграфический проект, как считает Э. Дрезен, а простая перекодировка системы Мемье. Поэтому уже не имеет смысла говорить о ней как о проекте, представляющим собою "решительный поворот вспять, к цифровым обозначениям" [2, 74]. Перед нами не пазиграфия, а язык описания пазиграфии Мемье.

Й.М. Шмид [10, 35] в подстрочном примечании сообщает, что Фатер "предложил вместо загадочных знаков издателя (т.е. гамм Мемье - Т.К.) использовать цифры. В соответствии с этой системой слово "бог" пазиграфируется как 51111, "разум" - как 53114, "камин" - 71252, "часы" - 91161 и т.п." Тот факт, что в книге Дрезена приведены те же самые примеры, заставляет предположить, что Дрезен не располагал книгой Фатера и судил о ее содержании по краткому замечанию Шмида.

Помимо цифровых обозначений Фатер вводит и некоторые другие условные знаки. Так, три основные рубрики пазиграфического словаря Фатер обозначает прописными латинскими буквами А, В и С, специально оговаривая, что эти буквы не являются пазиграфическими знаками. Римская цифра в сочетании с буквой указывает на количество знаков в пазиграфическом выражении. Пазиграфические слова имеют соответственно вид АШ, ВІU и СУ. Выражения с меньшими цифровыми индексами обозначают уже не слова, а рамки, колонки, строки и т.п. указателя, малого словаря. Например, выражение АІ означает колонку АІ - колонку и столбец.

Фатер отдает должное изобретательности, остроумию создателя пазиграфии. Даже придя в конце концов к выводу о ее неприменимости для целей реального общения, он указывает на несколько неожиданную сферу возможного применения пазиграфии. Дело в том, что при пазиграфировании текстов на родном языке приходится решать множество вопросов, связанных с семан-

тикой языковых единиц. Размышления о языке при пазиграфировании становятся очень четкими. При переводе с одного реального языка на другой легко привыкают сопоставлять лишь слова разных языков, а пазиграфия требует анализа понятий, обозначенных словами [12, 218]. Такое применение, однако, радикальным образом расходится с намерениями Мемье.

Мемье, подобно другим авторам пазиграфических систем, считал, что его система упорядочения понятий является естественной. Что же касается Фатера, то он утверждает, что двенадцать рубрик парижской пазиграфии могут быть оправданы лишь соображениями практического удобства, что это количество отнюдь не лежит в природе вещей. Неслучайно в регистре трудно бывает найти нужные понятия. Кроме того, в формируемых посредством пазиграфической процедуры понятиях отсутствуют нюансы, свойственные значениям слов естественных языков [12, 156-157]. Мемье предполагал, что в разработке более полного исчисления понятий должны будут принять участие философы. Фатер считал, что "никакие философы не смогут расположить 50000 имен существительных и прилагательных в систему, согласную с законами мышления и образуемую человеком" [12, 157].

Само деление словаря в парижской пазиграфии на большой и малый также, по мнению Фатера, является условным.

Существенным недостатком пазиграфии Мемье, по мнению Фатера, является отсутствие информационной избыточности: "Стоит появиться одной плохо напечатанной гамме, как понимание становится невозможным" [12, 195]. В том, что такая опасность вполне реальна, убеждает наличие ошибок в тексте самой книги Мемье. Фатер считал этот недостаток следствием отсутствия многозначности, которое само по себе является достоинством.

Многие замечания Фатера относятся к конкретным недостаткам пазиграфического проекта Мемье и не затрагивают общих идей универсального письменного языка. Эти замечания не представляют серьезного интереса, являются, так сказать, техническими. Впрочем, они в из-

вестной степени служат свидетельством научной добросовестности Фатера, его стремления подойти к вопросу с исчерпывающей полнотой.

Итак, в исследованиях И.С. Фатера нашел отражение тот тупик, в котором оказалась интерлингвистическая мысль в конце XVIII в. Апостериорная пазиграфия, способная служить всеобщей иероглификой, невозможна по причине различий в организации структуры означаемых, "форм понятий" (Begriffsform) разных языков. Априорная философская пазиграфия должна по необходимости оказаться системой, значительно более сложной, чем естественные языки. К тому же она зафиксировывает определенное мировоззрение, в истинность которого нам остается лишь верить. Выход из этого тупика заключался, очевидно, в трезвом ограничении претензий: пазиграфия может использоваться либо в качестве вспомогательного средства общения (простые апостериорно-априорные системы), либо для целей логико-философских исследований (философская пазиграфия). Идея философского языка, рассматриваемого как логика открытий, надолго утрачивала научную актуальность.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бланке Д. Пазиграфия. (Международная смысловая письменность). - В сб.: Проблемы интерлингвистики. Типология и эволюция международных языков. М.: Наука, 1976.
2. Дрезен Э. За всеобщим языком. (Три века исканий). - М.-Л.: Государственное изд-во, 1928.
3. Клубкова Т.В. И.С. Фатер и его место в истории языкознания. Автореферат канд.дисс. - Л.: ЛГУ, 1982.
4. Свадост Э.П. Как возникнет всеобщий язык? - М.: Наука, 1968.

5. Coseriu E. Die Geschichte der Sprachphilosophie von der Antike bis zur Gegenwart. Eine Übersicht. Teil II. Von Leibniz bis Rousseau. - Tübingen: G. Narr, 1972.
6. Der Lord Monboddo Werk von dem Ursprunge und Fortgange der Sprache, übersetzt und abgekürzt von C.A. Schmidt. - Riga: Hartknoch, 1785.
7. Kalmar G. Praecepta grammatica atque specimen linguae philosophicae sive universalis ad omne vitae genus accomodatae. - B. - Lpz.: D. Jacob, 1772.
8. Maimieux J. de. Pasigraphie, oder Anfangsgründe der neuen Kunst-Wissenschaft in einer Sprache so zu schreiben und zu drucken, dass es in jeder andern ohne Übersetzung gelesen und verstanden werden kann. Erste Ausgabe, die, wie die französische, Originalausgabe ist. - Paris: Bureau der Pasigraphie, 1797.
9. Maimieux J. de. Pasigraphie, ou premiers éléments du nouvel art-science d'écrire et d'imprimer en un langue de manière à être lu et entendu dans toute autre langue sans traduction. D'éditition originale comme l'éditition en langue allemand. - Paris: Bureau de Pasigraphie, 1797.
10. Schmid J.M. Von den bisherigen Versuchen eine allgemeine Schriftsprache einzuführen. - Dillingen: L. Brönner, 1807.
11. Vater J.S. Übersicht des Neusten was für Philosophie der Sprache in Deutschland gethan worden ist, in Einleitungen, Auszügen und Kritiken. - Gotha: J. Perthes, 1799.
12. Vater J.S. Pasigraphie und Antipasigraphie, oder über die neueste Erfindung einer allgemeinen Schriftsprache für alle Völker, und von Wolkens, Leibnitzens, Wilkins und Kalmars pasigraphischen Ideen. - Weissenfels-Leipzig: Fr. Severin und Co., 1799.
13. Vater J.S. Versuch einer allgemeinen Sprachlehre mit einer Einleitung über den Begriff und Ursprung der Sprache und einem Anhang über die Anwendung der allgemei-

- nen Sprachlehre auf die Grammatik einzelner Sprache und auf Pasigraphie. - Halle: Renger, 1801.
14. Vater J.S. Kurze, leicht fassliche Nachricht von den Chinesischen Sprache. In: Vater J.S. Analekten der Sprachenkunde. 1 Heft. - Leipzig: Dyk, 1820.
 15. Wilkins J. An Essay Towards a Real Character and a Philosophical Language. - London, 1668.
 16. Wolke C.H. Erklärung, wie die wechselseitige Gedankenmitteilung aller kultivierten Völker des Erdkreises oder die Pasigraphie möglich und ausüblich sey, ohne Erlernung einer neuen besondern oder einer allgemeinen Wortschrift oder Zeichensprache. - Dessau, 1797.

J.S. VATER ALS FORSCHER UND KRITIKER DER PASIGRAPHIE

Tatjana W. Klubkova

Der vorliegende Aufsatz gibt einen Überblick über die interlinguistischen Auffassungen von J.S. Vater (1771-1826). Am Ende des XVIII Jahrhundert wurde die Idee der Pasigraphie (der allgemeinen Schriftsprache) aktiv besprochen. Der Pasigraphie widmete der bedeutende Vertreter der philosophischen Grammatik J.S. Vater eine umfangreiche Untersuchung. Die Pasigraphie als "die neue Kunstwissenschaft, in einer Sprache alles so zu schreiben und zu drücken, dass es in jeder andern ohne Übersetzung gelesen und verstanden werden kann", schien ihm haltlos, weil natürliche Sprachen verschiedene semantische Struktur haben. Die philosophische Pasigraphie sei aber möglich als Hilfsmittel der Kommunikation und den Sprachforschungen.

С о д е р ж а н и е

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ИНТЕРЛИНГВИСТИКИ

Дуличенко А.Д. Обзор важнейших интерлингвистических изучений в СССР	3
Жорнилов В.А. Вопросы психологии общения на апостериорных языках	40
Маадла Ю.Й. О современных попытках "оживления" латыни как языка международного общения	58
Колкер Б.Г. Вклад русского языка в структуру эсперанто	74
Linnamägi M. Wortbildung einer Plansprache und einer Nationalsprache verglichen (anstatt einer Rezension)	109

ИЗ ИСТОРИИ ИНТЕРЛИНГВИСТИКИ

Клубков П.А. Из истории интерлингвистической мысли в России в конце XVIII - начале XIX вв.	115
Кузнецов С.Н. "Космоглот" - первое интерлингвистическое общество в России	126
Клубкова Т.В. И.С. Фатер - исследователь и критик пазиграфии	165

E n h a v o

NUNTEMPA STATO DE INTERLINGVISTIKO

Duliĉenko A.D. Revuo de la plej gravaj interlingvistikaj esploroj en Soveta Unio	3
Kornilov V.A. Problemoj de psikologio de komunikigo en aposterioraj lingvoj	40

Maadla J. Tentative contemporaine de rendre le latin vivant	58
Kolker B.G. Kontribuo de la rusa lingvo al la strukturo de esperanto	74
Линнамяги М. Словообразование в плано- вом и национальном языках (вместо рецензии)	109

EL LA HISTORIO DE INTERLINGVISTIKO

Klubkow P.A. Zur Geschichte der Interlinguis- tik im Rußland im Ende des XVIII Jh. - im Anfang des XIX Jh.	115
Kuznetsov S.N. "Kosmoglot" - la unua inter- lingvistika societo en Ruslando	126
Klubkova T.W. J.S. Vater als Forscher und Kritiker der Pasigraphie	165

Ученые записки Тартуского государственного университета.
Выпуск 671.
ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ИНТЕРЛИНГВИСТИКИ.
Interlinguistica Tartuensis 3.
На русском и немецком языках.
Резюме на разных языках.
Тартуский государственный университет.
ЭССР, 202400, г. Тарту, ул. Юликооли, 18.
Ответственный редактор А. Дуличенко.
Подписано к печати 29.06.1984.
МВ 08544.
Формат 60X90/16.
Бумага писчая.
Машинопись. Ротапринт.
Учетно-издательских листов 9,31.
Печатных листов 11,5.
Тираж 850.
Заказ № 516.
Цена 1 руб. 40 коп.
Типография ТГУ, ЭССР, 202400, г. Тарту, ул. Пялсона, 14.